

С. А. ПЛЕТНЕВА
**ПРАВОБЕРЕЖНОЕ ЦИМЛЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ.
РАСКОПКИ 1958-1959 гг.**

На всей громадной территории Восточной Европы с тысячами археологических памятников, разбросанных по степям, лесам и предгорьям, пожалуй, только погребальные сооружения издавна привлекали внимание ученых, любителей древностей и просто грабителей. Даже упоминаемые в письменных источниках города, за исключением причерноморских античных, мало интересовали исследователей. В них изучались обычно памятники, еще не полностью разрушившиеся и возвышающиеся над поверхностью: храмы, мавзолеи, иногда остатки крепостных сооружений, а также случайно попадавшиеся при строительных работах клады. Рядовые поселения и города фактически вообще не были известны специалистам и не представляли интереса для краеведов всех направлений и рангов на протяжении XVIII, XIX и всей первой половины XX в. Однако, в тех редких случаях, когда на поселениях сохранялись полуобрушившиеся каменные или кирпичные укрепления, они фиксировались и "разрабатывались" окрестным населением для добычи стройматериалов. Именно последнее обстоятельство стало причиной возникновения сначала всероссийской, а затем и всемирной известности двух памятников хазарской культуры на нижнем Дону: Левобережного и Правобережного Цимлянских городищ. Стены первого, как известно, были сложены из кирпича (1; 2), второго - из блоков белого камня (3; 4; 5; 6; 7). Оба городища находились в центре одного из крупнейших и плотно заселенных районов казацкой донской земли. Стройматериалов в степях немного, поэтому древние стены стали активно разрушаться по мере расширения строительства в станице Цимлянской и окружающих ее хуторах на протяжении всего XIX в. Кирпич Левобережного городища, как известно, шел на сооружение печей и облицовку стенок погребов (1, с. 11).

Что касается белых стен Правобережного городища, то они были разрушены планомерно еще в XVIII в. по постановлению Донского Войскового правительства 1744 г. Стены были разобраны, блоки облицовочных панцирей перевезены в Старочеркасск и использованы для строительства бастионов этой крепости (3, с. 28). За год до разрушения, то есть в 1743 г., это городище было обследовано военным инженером Санцыперовым (3, с. 28). Им был снят глазомерный, видимо, очень приблизительный план крепостных сооружений. Несмотря на неточности и несоответствия, он имеет для нас очень большое значение, так как только благодаря ему мы можем судить о некоторых особенностях строительства и даже внести уточнения в стратиграфические наблюдения.

Остатки разрушенной крепости вновь привлекли внимание только в 1821 г. Тогда побывал на нем историк, впоследствии декабрист, В. Д. Сухоруков. Он написал, что городище находится "на неприступной высокой скале", и на нем видны еще остатки белокаменных строений (8, с. 126). Позже (в 1844 г.) краткое описание и план городища были сделаны землемером Сулиным, и только через 40 лет этот памятник стал объектом небольших археологических исследований под руководством В. И. Сизова, который составил по ним отчет и небольшую публикацию (9, с. 278) с приложением плана городища с нанесенными на него своими траншеями и шурфом. План дает только общую конфигурацию мыса без членения его на отсеки, без микрорельефа его поверхности. Траншеи, по мнению Сизова,

открыли остатки какого-то квадратного в плане здания, стены которого были сложены из блоков мягкого местного известняка. По найденным в развалинах здания серебряной бляшке и зеркалу Сизов определил дату памятника - XIII-XIV вв. На других раскопанных участках были обнаружены различные железные предметы (копья, стрелы, рыболовные крючки, ножи). Все это Сизов датировал монгольским временем. Как мы увидим ниже, дата эта ошибочна, на городище нет ни одного предмета, который можно было бы отнести ко времени позже второй половины IX в. Однако Сизов правильно определил назначение крепости как сторожевого поста на водной дороге, прекрасно защищенного со стороны степи не только собственными мощными стенами, но и дополнительными небольшими укреплениями-башнями, сооруженными из белого камня. Эти круглые в плане башни цепочкой отходили от городища. Сизов исследовал основание одной из них и установил, что сооружение действительно играло роль сторожевой башни и ни в коем случае его нельзя считать остатками какой-то погребальной постройки. Автор отметил в отчете, что эти башни находились на большом расстоянии друг от друга. Каким было это расстояние, план расположения башен относительно крепости и друг друга, план основания раскопанной постройки остались неясными и незафиксированными. К сожалению, от них в наше время не осталось никаких следов, поэтому дополнительных сведений об этих сооружениях, представлявших собой систему обороны подходов к крепости, дальнейшие исследования дать не могли.

М. И. Артамонов в разведках по памятникам нижнего Дона обследовал и Правобережное городище. Он снял глазомерный план развалин крепости и по подъемному материалу определил общую дату памятника, которая осталась фактически почти неизменной и по сей день: VIII - начало X в. После публикации результатов этих исследований в 1935 г. (3) за городищем прочно установилось наименование Правобережное Цимлянское, хотя еще Сизов отметил, что местные казаки называют городище "Буй-городок". Представляется, что название это имеет тюркское происхождение от слова "büyük", что означает "высокий", "великий" (10, с. 44). В русском языке слова "буй", "буян" имеют разное значение, в частности, "майдан", "возвышенное место". В то же время мы знаем, что прилагательным "буйный" обозначали людей (или силы природы), отличающихся смелостью, задиристостью, яростью (11, с. 138). И в первом значении (великий) и во втором (смелый) мог быть назван трубчевский князь буй-тур (ЯРЬ) Всеволод в "Слове о полку Игореве" (12, с. 11, 15). Относительно городища также можно предполагать, что казаки не просто определяли мыс словом "высокий", но народная память донесла до нас собственное тюркское имя древней крепости или ее хозяина (Буйук - великий, отважный).

По инициативе М. И. Артамонова (и по его открытому листу) в 1939 г. под руководством его ученика И. И. Ляпушкина была организована экспедиция, поставившая целью планомерные исследования Правобережного городища. Раскопы И. И. Ляпушкина были заложены в наиболее крупном отсеке крепости (рис. 1). Видимо, рассчитывая на многолетние исследования, И. И. Ляпушкин наметил основным объектом изучения центральный отсек городища и для этого, во-первых, снял его "микрорельеф" (рис. 2), а во-вторых, разбил весь участок будущих работ сеткой двухметровых квадратов, ориентированной точно по странам света и пронумерованной с юга на север цифрами (1-52), с востока на запад - буквенными обозначениями (А-Я). В пределах этой сетки им были заложены три раскопа: северный (238 кв. м), центральный (400 кв. м) и южный (44 кв. м). Всего в том году он вскрыл 682 кв. м.

На этой довольно значительной площади И. И. Ляпушкину удалось проследить остатки нескольких слабоуглубленных в материк жилищ, округлой в плане формы с "кострообразными" очагами в центре и каркасными стенами, которые он справедливо назвал юртами. Кроме того, в слое и в заполнениях жилищ было обнаружено большое количество разнообразных железных вещей (преимущественно орудий труда), а также обломков керамики и целых сосудов.

По-видимому, война помешала продолжить работы на городище, а спустя четыре года после войны, в 1949 г., М. И. Артамонов был назначен начальником первой археологической новостроечной экспедиции - Волго-Донской. Археологи в ней обязаны были работать только на памятниках, которые должны были быть затопленными будущим Цимлянским морем. Основные силы сосредоточили на раскопках Левобережного Цимлянского городища (Саркела - Белой Вежи), И. И. Ляпушкин работал на нескольких затопляемых средневековых поселениях (6; 13; 14). Правобережное городище не входило в зону затопления, поскольку располагалось на высоком правом берегу Дона. Поэтому раскопки на нем в годы работы Волго-Донской экспедиции не могли проводиться. Возобновились они только в 1958 г. М. И. Артамонов, бывший тогда директором ГЭ, предложил мне продолжить работы на городище и выделил для этой цели из средств ГЭ очень небольшую сумму - 15 тыс. руб. (сумма указана до девальвации, проведенной, как известно, в 1960 г.). Осенью того года я и две "старые саркелки" (участницы раскопок Саркела - Белой Вежи) сотрудницы ГЭ К. В. Каспарова и З. А. Львова отправились на памятник.

Прежде всего надо было найти его, так как прежние ориентиры (русло Дона, старая станица Цимлянская) уже не существовали. Новая Цимлянская (райцентр Цимлянский) расположена примерно на 10 км ниже по Дону на берегу моря. От нее пришлось идти разведкой по берегу, осматривая по пути каждый высокий, отрезанный от берега оврагами мыс. Пройдя винсовхоз "Цимлянский", мы примерно через 1,5-2 км подошли к городищу. Снизу (от кромки воды) городище весьма величественно возвышалось над морем, выделяясь среди соседних холмов и высотой, и крутизной склонов.

Самое городище, его расположение на берегу Дона относительно реки и старой станицы Цимлянской неоднократно описывалось в отчетах и публикациях. В наше время в результате ряда разнообразных переселений и строительства Волго-Донских сооружений топографическая ситуация сильно изменилась. Переместилась не только станица Цимлянская, но и сам Дон. Разлившись по всей широкой пойме, он образовал Цимлянское "море", приливы которого лижут подошву городищенского мыса и постепенно подтачивают его. Следует сказать, что мыс со стороны моря разрушается очень активно потому, что он, к сожалению, представляет собой не монолитную скалу, как писал Сухоруков, а громадный песчаный холм, прослоенный пластами глины и твердого железистого песчаника. Высота его над уровнем моря 50 м (над уровнем Дона мыс возвышался на 70 м). Площадка мыса, на которой была построена крепость, имеет форму треугольника, образованного двумя глубокими оврагами, обращенного одним из углов к степи и соединенного с основным массивом берега узким перешейком, в древности перерезанным сейчас сильно заплывшим рвом. Эта естественная, усиленная рвом защита мыса уже делал его неприступным, что усугублялось сильной крутизной склонов, на которых местами прослеживаются следы эскарпирования.

По всему параметру мыса прослеживались высокие каменные "валы" - остатки разобранных укреплений. Такие же "валы" делили крепость на три части:

основную - трапециевидную и две треугольные (привратную и южную-угловую). В трапециевидном отсеке в 1958 г. хорошо были заметны раскопы Ляпушкина. Траншеи и шурфы других археологов полностью заплыли и не выделялись на поверхности.

Мы заложили раскопы рядом с большим раскопом Ляпушкина, в соответствии с его сеткой. И раскопы, и траншеи ставили целью исследование обоих треугольных отсеков, выяснение характера и происхождения "валов", а также идущих вдоль них длинных узких выемок.

Результаты этих достаточно крупных для того времени раскопок были настолько интересны, что М. И. Артамонов решил продолжить в 1959 г. работы на этом городище. Работы были проведены. В них участвовали, помимо меня и К. В. Каспаровой, Т. И. Макарова и реставратор Е. А. Болотникова. В том году в распоряжении отряда была машина. Однако нам не удалось, несмотря на пополнение отряда очень знающими полевыми специалистами, вскрыть значительно большую площадь, сравнительно с предыдущим годом. Объясняется это, во-первых, крайне ограниченными средствами, выделяемыми нам Эрмитажем (опять всего 15 тыс.), во-вторых, абсолютным отсутствием рабочей силы, поскольку все "рабочие руки" были заняты на виноградниках.

Как бы там ни было, но за два сезона на городище было вскрыто более 1500 кв. м, причем большая трапециевидная площадка была исследована почти полностью (за исключением участков, занятых отвалами земли из наших раскопов и отвалами камней, образовавшимися, как мы думали, при разборке стен в XVIII в.).

Полученные нашими исследованиями сведения почти сразу же стали публиковаться и использоваться в научной литературе. Первым трудом, в котором уделено сравнительно большое место результатам наших работ, была книга М. И. Артамонова "История хазар" (15, с. 318-323). В ней помещен снятый нами глазомерный план городища и фотографии некоторых наиболее эффектных найденных там вещей. Однако самый главный вопрос истории этого поселения, связанный с его стратиграфией, автором огромного хазароведческого труда, естественно, даже и не поднимался. Недостаточно изучила его и я в работах следующих лет (7; 16; 17). В краткой публикации (16) правда, говорится о трех периодах существования поселения: 1 - до постройки крепости, 2 - время жизни крепости, 3 - после гибели крепости. Все это не было подкреплено достаточно убедительными конкретными материалами. Ошибки этой периодизации становятся очевидными при исследовании всей совокупности полученных нашими раскопками данных.

Мы попытаемся показать далее в данной работе, что не только моя периодизация, но и выводы М. И. Артамонова об исторических судьбах этой крепости не соответствуют тем материалам, которые в изобилии предоставил раскопанный нами памятник.

Глава 1. Крепостные сооружения и синхронные им постройки

Наиболее подробная характеристика крепостных сооружений, вернее их остатков и следов, была дана в моей книге "От кочевий к городам" (7). Тем не менее, надо сказать, что и в этих конкретных описаниях сделаны ошибки, касающиеся как фактических данных о реконструируемых сооружениях, так и о стратиграфическом их соотношении с другими постройками и культурным слоем.

Как уже указывалось выше, а также в предыдущих моих работах, крепостные сооружения состояли из наружных и внутренних стен, двух угловых башен, двух срединных и привратных построек.

Несмотря на интерес к белокаменным сооружениям, а вернее к их следам на поверхности, археологи не отваживались начать обстоятельную "разработку" громадных отвалов битого белого камня и слежавшегося щебня. Для этого необходимы были средства и рабочая сила, их во все времена было у археологов очень мало. Не было их и у нас, поэтому и мы вынуждены были ограничить свои исследования укреплений только траншеями (рис. 1).

Мы уже говорили, что стены на поверхности городища представлены длинными выемками, дающими при их графической фиксации общий план крепости, совпадающий (правда, в малой степени) с планом инженера Санцыперова, снявшего план, когда стены еще не были разобраны (рис. 3).

Нам же приходилось довольствоваться только исследованием выемок от стен. Для этого в двух местах внешние стены были перерезаны траншеями (один разрез юго-западной стены и один - юго-восточной). Надо сказать, что западный конец траншеи Запад-Восток по линии 27 пересекает не только внешнюю стену, но и выемку одной из внутренних стен. Однако в месте пересечения по неясной причине от стены вообще ничего не сохранилось.

Рассмотрим, что же осталось от внешней юго-восточной (параллельной берегу моря) стены крепости (рис. 4). Вместо стены по поверхности прослеживалась вдоль края мыса не очень заметная выемка, обрамленная с обеих сторон, а местами и перекрытая отвалами камня и щебня. Разрез (траншея) проходил через оба отвала и выемку. Никаких явственных признаков стены на обоих профилях не видно, но в плане при подчистке черного сильно гумусированного песка, прослеженного по всей площади мыса, была обнаружена прослойка еще более черного цвета, состоящая из углей и крупных кусков обгорелых столбиков, среди которых в перемешанном состоянии находились куски обожженной глины. Самым существенным является обнаружение среди всего этого двух рядов вбитых на глубины 0,1 м в гумусный слой не очень толстых бревнышек (0,15 м). Расстояние между ними 0,15-0,2 м, а расстояние между внешними линиями рядов 4 м. Кроме того, на обоих профилях данного разреза удалось заметить еще один ряд ямок от аналогичных столбиков, вкопанных примерно посередине между двумя ранее описанными рядами.

В свете исследований разрезов стен на Маяцком городище (18, с. 36, 37; 19, с. 218-233), нет сомнения относительно назначения этих не слишком выразительных остатков. Это были крепления (каркас) ее внутреннего ядра, которые ставились непосредственно на гумусный культурный слой, слегка закрепляясь в нем. Однако держались они не путем закрепления на грунте, а, видимо, как и на Маяцком городище, "переплетением" креплений между собой (18, с. 47 и сл.). Образовывались как бы "клетки", в которые насыпалась, вернее укладывалась, жидкая глина, перемежающаяся со слоями щебня и битого камня. Затем эта конструкция для дополнительного укрепления и, главное, красоты обкладывалась блоками белого известняка. Без доступа воздуха деревянные части засыпанной щебнем конструкции самовозгорелись и обуглились. Поэтому они и дошли до нас и мы смогли уловить их следы в плане и даже в профиле.

Стены ставились на чуть выровненную дневную древнюю поверхность, а не на материк, как это делалось, например, в Саркеле. Возможно, конечно, что сплошной тонкий угольный слой на открытой нами поверхности под стеной был остатками выстилавших подстенную поверхность досок (также самовозгоревшихся). Эта конструктивная особенность прослежена на стенах Маяцкого городи-

ща, где доски также укладывались не на материк, а на гумусный слой (18, с. 32, рис. 5).

Раскапывавший эту же стену на южном углу мыса В. С. Флеров (см. его статью в этом томе) обнаружил, что стена опиралась не на гумусную поверхность с прослойкой досок, а на плотно уложенные друг к другу плоские плиты местного песчаника. Как мы видели, вскрытая нами картина абсолютно не соответствует этому, поскольку необъяснимыми остаются вбитые в грунт столбы и покрытая углистой прослойкой подстенная поверхность. В настоящее время не могу найти логического обоснования несоответствия строительных приемов, прослеженных нами на одной стене. Общее направление строительства на обоих участках выражается только в отсутствии фундаментов. Они здесь были не нужны и даже опасны, так как только разрушили бы рыхлый “монолит” материкового песка. Прорыть подкоп под стену было вряд ли возможно на Правобережном мысу, так как песчаный грунт, быстро высыхая, неизбежно бы осыпался. Не исключено, что эта сыпучесть грунта учитывалась строителями крепости. Сыпучесть подстенного пространства создавалась иногда искусственно. Так, в Плиске при исследовании стены древней крепости Внутреннего города вместо окружающего рва сооружены осыпающиеся фундаменты из чередующихся слоев битого камня и рыхлой земли. Подкоп через такие фундаменты провести было невероятно трудно (20, с. 18; 21, с. 104).

Перейдем на другую внешнюю (юго-западную) стену Правобережного городища и попытаемся из еще более скудного комплекса данных выявить хотя бы какие-то конструктивные особенности этой стены. Общее ее направление выявляется благодаря заметной, но неглубокой и сильно расплывшейся выемке, проходящей вдоль всего юго-западного края мыса. По обеим сторонам выемки идут завалы битого камня и щебня, особенно мощные с внутренней ее стороны (до 2-х м высотой). На обоих профилях разреза нет никаких следов стены, сохранились только остатки своеобразного “строительного мусора” - прослойки глины, обрамлявшей стену с обеих сторон (рис. 4). Ширина этой прослойки, перекрывающей черный гумусированный песчаный слой с внешней стороны достигает 6-8 м, у стены ее толщина доходит до 0,2 м, к краю мыса она сходит на нет. С внутренней стороны разлив глины у стены образовал даже валик высотой в 0,3-0,5 м. Очевидно, глина была остатками разливов жидкой глинистой массы, использовавшейся при строительстве внутреннего ядра стены. Расстояние между внешним и внутренним разливами глины различны на разных профилях: на южном - 5,8, на северном - 4,7 м. Оба размера не соответствуют ширине юго-восточной стены (4 м). Объяснить это можно, во-первых, тем, что траншея проходит несколько под углом через стену и, во-вторых, тем, что в месте пересечения траншеи со следами стены находилось какое-то дополнительное сооружение, кстати отмеченное на плане, сделанном в 1934 г. М. И. Артамоновым (рис. 3).

Наши исследования угловой и северной “промежуточной” (или срединной) башен дают представление о структуре полов и башен и, в какой-то мере, об их форме в плане. Итак, полы в обеих башнях выложены были прямо на материке из крупных (от 0,5 до 1 м в поперечнике), массивных (0,1-0,15 м толщиной) песчаных плит. Они тщательно подогнаны друг к другу, местами боковые грани (особенно наружные) слегка подтесаны, а заметные “зазоры” между плитами забиты мелкой меловой крошкой. Верхняя поверхность плит тщательно выровнена. Форму башен можно восстановить по сохранившимся выкладкам полов.

Это, в первую очередь, касается “промежуточной” башни северной стены, поскольку пол в ней сохранился почти полностью: выкладка была правильно прямоугольной формы, размеры ее - 5,75 x 4,4 м (рис. 5). Стены башни были поставлены, видимо, прямо на этот пол по периметру с трех сторон, четвертая примыкала к стене. Внутренние размеры башни с учетом толщины белокаменной кладки (не менее 0,6 м) были довольно большими: примерно 4,5 на 3-3,2 м.

Выкладка пола северной угловой башни сильно разобрана - от нее сохранилась примерно пятая или шестая часть (рис. 5). Поэтому судить о форме башни вряд ли возможно, хотя намечающиеся два угла позволяют как будто говорить о том, что вымостка была пятиугольной: с сильно тупым северо-восточным (центрально-осевым) углом и немного сдвинутыми, то есть “притупленными” боковыми углами.

Следует сказать, что если первая башня была явно прямоугольной и по нашим наблюдениям и на плане Санцыперова, то угловая на плане последнего изображена квадратной (рис. 3). Это обстоятельство, а также отсутствие аналогий пятиугольным угловым башням в синхронных памятниках не позволяет мне настаивать на реконструкции плана угловой башни как пятиугольной, но отметить объективные факты, свидетельствующие об отклонении ее плана от правильно квадратного, представляется необходимым.

Еще одним объектом наших исследований крепостных сооружений на городище были развалы камня и щебня у воротного проема. Надо сказать, что развалы были настолько значительными, что у нас не было настоящей возможности работать на этом участке и разобраться во всех выбросах. Тем не менее, мы попытались хотя бы получить представление о размерах предстоящих работ, заложив здесь две траншеи. Одна из них (С-Ю), шириной в 1 м не дала ничего, кроме установления толщины (2 м) и содержания завалов (громоздкие глыбы и плотно слежавшийся щебень). Другая траншея была заложена поперек предполагаемого входа (под прямым углом к оси входа), ширина ее - 1,5 м. В этой траншее помимо очень информативных профилей, давших сведения не только о составе и мощности развалов, но и о некоторых строительных приемах, были открыты остатки двух сложенных из меловых блоков построек.

От постройки А (правой, если подходить к ней снаружи) сохранились три стены в два ряда блоков в высоту (рис. 6). Поверхность блоков обработана многорядным зубилом, следы которого хорошо прослеживаются на некоторых наиболее сохранившихся камнях. Кладка безрастворная, блоки вплотную “пригнаны” друг к другу, швы местами почти незаметны, однако для крепости швы второго ряда кладки, естественно, не совпадали со швами первого: блоки верхнего ряда всюду перекрывали швы первого (нижнего). Нижний ряд блоков уложен был прямо на древнюю дневную поверхность. Никаких конструкций в виде деревянных прокладок-досок под ними не было. Толщина стен постройки равна длине блоков, сложенных в стене поперек ее длины. Размеры блоков стандартизированы: 0,6 x 0,3 x 0,4 м. Из 19 дошедших до нас в кладках этой постройки блоков 11 сделаны в пределах этих величин. Однако же размеры остальных 8 блоков отличаются большим разнообразием: 0,6 x 0,2 x 0,3 м (2 блока), 0,7 x 0,4 x 0,4 м (2 блока), 0,7 x 0,4 x 0,3 м (1 блок), 0,7 x 0,4 x 0,15 м (1 блок), 0,4 x 0,4 x 0,45 м (2 блока). Разнообразие это (наряду с известной стандартизацией) является свидетельством того, что оббивка блоков происходила по мере надобности, то есть непосредственно при выкладке того или иного отрезка кладки, прямо у того участка, где производились строительные работы.

Особенно хорошо выявляются специально обтесанные для данной кладки блоки на восточном углу постройки. Там - между двумя большими блоками вставлен, видимо для утолщения, дополнительный "вкладыш", толщиной в 0,15 м. Мало того, поскольку этот угол постоянно оббивался, находясь, вероятно, вблизи от проезжей части, строители приставили почти такой же тонкий блок к нижнему ряду с внешней стороны. Возможно, что он был приставлен позднее, когда стала разрушаться основная кладка угла.

Сама постройка А очень небольшая. Размеры ее внутренней площади: 1,3 х 2,2 м. В отличие от описанных выше башен, пол которых был выложен песчаниковыми плитами, в этой постройке он засыпан слоем смешанного с песком щебня и слегка утрамбован. В постройке выявлены всего три стены, одной короткой (поперечной) стены не было. Можно было предположить, что в ней была дверь, но никаких ее следов (порога, ям от столбов и пр.) обнаружено не было. Скорее всего этой "бесстенной" стороной постройка примыкала к более фундаментальному сооружению - стене или привратной башне. Исследования, проведенные В. С. Флеровым на южном башенном выступе этого городища, показали, что примерно такие помещения были пристроены к южной башне также с внутренней стороны (см. статью В. С. Флерова в данном сборнике). Очевидно, что как там, так и здесь это были привратные дополнительные сооружения: арсенал, сторожка и пр. Поскольку внешний (восточный) угол помещения, как говорилось, был сильно "стерт", создается впечатление, что мимо него ходили и постоянно задевали его. Это дает некоторые основания считать, что постройка А выходила на проезжую часть и действительно служила сторожкой.

Остатки постройки Б, открытые в той же траншее на расстоянии 7,5 м от постройки А, представляют собой нижний ряд уложенных вплотную друг к другу блоков (рис. 6). В плане эта кладка П-образная, с длинной поперечной и короткими продольными стенами. Как и постройка А, это сооружение было "трехстенным", поскольку концы двух коротких стенок, очевидно, упирались в какое-то воротное укрепление. Размеры сооружения с внешней стороны 4,75 х 2 м, с внутренней 3,4 х 1,4 м. Из 22 блоков, дошедших до нас от кладок этого сооружения, половина - стандартного размера: 0,6 х 0,3 х 0,4 м, другая половина сделана с различными сильными нарушениями стандарта: 0,6 х 0,4 - 0,5 х 0,4 м (4 блока), 0,8 х 0,3 х 0,4 м (6 блоков), 0,8 х 0,4 х 0,4 м (1 блок). Это также может быть подтверждением изготовления блоков здесь же - на месте выкладки стен данного помещения.

Блоки нижнего ряда этого помещения были уложены прямо на слегка подравненную дневную поверхность (черный песчаный слой). Внутри помещения никаких следов пола или подсыпки обнаружено не было.

Несмотря на то, что кладки обоих сооружений были сложены без скрепляющего раствора, вокруг нижних рядов стенок обнаружены разливы жидкой глины, а у постройки Б этот слой глины перекрыт небольшой прослойкой, видимо, расплывшейся кучей мелко дробленного щебня.

Обратимся к стратиграфическим данным о строительстве крепости, полученным прежде всего при изучении профилей "привратной" траншеи (рис. 7).

Представляется очевидным, что обе постройки были возведены одновременно со стеной, при строительстве которой использовалась, как говорилось, жидкая глина. Если бы постройки были сооружены позже, то их поставили бы на эту расплывшуюся вокруг стен глину. В профилях траншеи видно, что глина окружает постройки только с внешней стороны. Причем разливы ее достигают местами тол-

щины 0,5 м, а это значит, что фундаментальные стены проходили совсем рядом от открытых построек.

На обоих профилях траншеи отчетливо выделяется в развале камня и щебня изогнутая линза темной, как бы “натоптанной” серой земли. Сильно изогнутая вниз нижняя ее линия перекрывает более ранний черный гумусный слой, на который ставились стены. Характерно, что последний сохранился потому, что на него насыпалось немного щебня и камней, там же, где этой осыпи не было, древний гумус как бы “стерт” с материка и заменен серым слоем линзы. Ширина “стертого” участка примерно 1,5 м. Представляется весьма вероятным, что эта линза образовалась в проезде между воротными выступами: здесь, видимо, проходила дорога, на которой ранний гумус, естественно, был уничтожен.

Концы слоя, представленного на профилях серой линзой, сильно (на 1-1,2 м) приподняты над уровнем предполагаемой дороги и разливами глины. Они явно перекрывают какое-то количество щебня и камня. Создается впечатление, что этот перекрытый линзой слой щебня с камнями, лежащий на слое глины или древнего черного гумуса, так же, как и глина, является остатками строительного мусора, не убранного с площадки мыса после возведения стен даже в таком оживленном месте, каким является воротный проем. Очевидно, и мощность развалов камня здесь объясняется их двуслойностью: строительный мусор не убрали. Затем на нем за время от строительства до разрушения вырос светло-серый песчаный слой, на который уже в XVIII в. навалили отвалы при разборке стен.

Исследования многочисленных профилей культурного слоя городища дают нам прекрасно всюду выявляющийся слой строительного мусора (рис. 8 и 9). Близ местопрохождения разобранных стен слой этот состоит из довольно мощных отложений битого камня и щебня, нередко перекрывающих разливы глины или же набросанного прямо на черный гумусный слой. На отдаленных от стен участках строительный мусор прослеживается в виде тонкой прослойки щебенки и небольших камешков, перекрывающих тот же черный слой. Затем эти отвалы и прослойки были перекрыты серым песчаным гумусированным слоем. Долгое время нам казалось невероятным признать наличие внутри крепости куч убранный строительного мусора вдоль всех стен. Ясность в этот вопрос вносит, как нам кажется, план крепости, сделанный Санцыперовым до разборки и уничтожения стен (рис. 3). На нем вдоль стен с внутренней стороны изображены непонятные ранее исследователями “валы”.

Вместе с планом Санцыперов изобразил и “разрезы” стен, которые предстояло разобрать казакам. Всяду на этих разрезах с внутренней стороны кладок показаны высокие конусы “валов”, совершенно не нужных в фортификационном отношении. Это были отвалы строительного мусора, слегка затянутые ко времени Санцыперова серым гумусом.

Серый песчаный гумусированный слой, перекрывающий слой (прослойку) строительного мусора или местами сливающийся с ним, образовался в период строительства крепости.

Рассмотрим немногочисленные факты нахождения различных комплексов, которые можно, судя по профилям, считать синхронными постройке стен.

Таковым, в частности, является фундаментальное, сложенное из сырцовых кирпичей сооружение, южную стену которого удалось подчистить на северном профиле раскопа V (рис. 10). Длина стены вдоль края раскопа 4,7 м. В раскоп она “выдвинута” углом (отклонение ее от линии 3-В - 10°. Стена сохранилась на восемь рядов. Размеры сырцовых кирпичей 0,4 x 0,2 x 0,1 м, толщина глиняной

подмазки 1,5-2 см. Цвет сырца зеленовато-серый, цвет подмазки оранжевый. С запада сырцовая постройка примыкала к юго-западной каменной стене крепости. От этой стены не сохранилось никаких следов, но край прослеживаемой на поверхности выемки как будто совпадает с западным обрезом сырцовой кладки.

Как стена, так и пристройка к ней были поставлены прямо на древнюю дневную поверхность, то есть на черный гумусный слой. Однако в профиле хорошо видно, что сырцовую кладку частично подстиляет тоненькая прослойка натоптанной извести и мелкого щебня, то есть строительного мусора. Это дает основание говорить, что постройка была сооружена после возведения крепостной стены. Крепостная стена на этом участке раскопа так же, как и сырцовая пристройка, перекрывала три сгоревших жилища и яму, относившихся в более раннему периоду жизни на этом мысу.

При строительстве этих больших сооружений почти вся площадь раскопа была основательно залита или затоптана серовато-оранжевой глиной (рис. 10). На этом участке мыса это был основной слой строительства крепости. Местами он был перемешан со щебнем. Как и всюду, его перекрывал серый слой, который перекрывался развалами стен, образовавшимися в XVIII в. Развала строительства на данном участке нами обнаружено не было. Благодаря разливу глины, довольно четко выделилась западная граница внутренней стены крепости, отделяющей южный ее отсек от северо-восточного. Разлива глины, естественно, под стеной не было, поверхность под ней выровнена. Внешний край стены не выявлен, но ясно, что стена и здесь перекрывала более древнее жилище (см. следующую главу, жил. № 39).

На месте жилища ко времени строительства стены была еще видна небольшая впадина на поверхности, которую специально снивелировали подсыпкой из желтого песка. На подсыпке стоял меловой блок размером 0,6 x 0,3 x 0,3 м. На двух внутренних гранях этого камня были нанесены глубокими бороздами знаки тамги мастеров. Кажется вероятным, что этот камень стоит *in situ* со времени постройки стены, являясь одним из камней внутреннего панциря.

Из предыдущих публикаций результатов исследований этого памятника мы знаем, что на городище единственным типом жилищ были юртообразные постройки в большей или меньшей степени углубленные в землю. В плане их удавалось фиксировать только на уровне серо-желтого песчаного предматерика. В сером рыхлом верхнем слое заметить их было невозможно, хотя, конечно, их должны были ставить и жить в них строители крепости. Косвенное подтверждение этому я вижу в факте обнаружения очажков в сером слое. На раскопе V было открыто и расширено три очажка: полусферические, обмазанные глиной ямки диаметрами от 0,5 до 0,8 м. Глубина их, сравнительно с обычными "тарелкообразными" очагами, характерными для юртообразных жилищ (7, рис. 11, с. 52), довольно значительна - около 0,3 м. Поверхность сильно обожжена, на самом дне, как правило, находились зола и угольки. Такого же типа очажки были открыты на уровне серого слоя и в раскопе IV (рис. 11). Их там семь, по площади раскопа они разбросаны беспорядочно, расстояние между ними иногда очень небольшое (0,5 м). Видимо, это были очаги наземных снимаемых сезонных юрт, ставившихся примерно на одно и то же место. Очажки сооружались каждый раз заново в центре пола. Впрочем, надо сказать, что даже в тех случаях, когда очаги располагались на значительном большем расстоянии друг от друга (до 2-х м), очевидно, что постройки, в которых они находились, были разносезонными, так как не было смысла ставить жилища вплотную друг к другу при наличии большой свободной площади на участке.

Нам удалось выявить только одну юрту, углубленную в предматерик с уровня послекрепостного строительства, - это жилище № 40 (раскоп V).

Жилище вскрыто в раскопе наполовину (рис. 12). Оно круглое, диаметр его 3,2 м, в предматерик котлован врезан всего на 0,3 м, но в профиле единственный раз абсолютно четко видно, что котлован был вырыт с уровня дневной поверхности послекрепостного строительства. Он прорезал прослойку глины, и восточный его край врезался в заполнение жилища, относящегося к более раннему времени. Погибло оно не от пожара, а было просто заброшено и постепенно начало заполняться землей и отбросами: в заполнении прослежены две прослойки рыбьей чешуи и костей, разделенные друг от друга довольно значительным по толщине слоем серого песчанистого заполнения. Находок в заполнении немного - всего четыре обломка средневековых разнотипных сосудов и железная мотыжка. Верхняя прослойка рыбьей чешуи лежала прямо на поверхности заполнения котлована, только слегка прогибаясь в него. Поверх ее скопился еще небольшой культурный слой, аналогичный по составу наполнения, и уже на этот слой навалены камни и щебень времени разрушения стен крепости.

Явно более позднее, чем все остальные обнаруженные на мысу постройки, жилище конструктивно не отличается от них. Пол у него ровный материковый песок, в центре пола расположен тарелкообразный очаг (диам. 0,7 м). По краям очага прослежены три пары ямок от колышков, группы ямок располагаются и по полу, ближе к краям постройки. У восточной ее стенки были поставлены два обработанных блока, сильно разбитых.

Практически невозможно заметить в верхнем сером слое устья обычных хозяйственных ям. Как правило, принадлежность их именно к этому слою выявляется только в профилях. Ямы конусовидные, со скошенными внутрь стенками и плоским дном. Устья у них сильно разрушены и поэтому первоначальные диаметры практически невозможны, диаметры дна достигают 1,8 м. Глубина ям не более 1 м. Наиболее полную информацию о ямах именно этого периода дает прослеженная в профиле яма, врезанная в край более раннего жилища 8 (раскоп 1). Форма ее конусовидная, диаметр устья 1,1 м, диаметр дна 1,6 м, глубина 0,6 м. Поскольку яма вырыта в слое заполнения жилища 8, сомнений в ее более позднем происхождении, очевидно, не может быть. Анализ заполнения дает нам интересную картину ее сооружения, жизни и гибели. Поскольку яма была вырыта в рыхлом гумусно-песчаном слое, стенки ее были укреплены кольями и, видимо, оплетены: в яму была спущена как бы корзина конусовидной формы. Не исключено, что она возвышалась над поверхностью и верхняя часть была утеплена войлоком и землей. В этом виде яма просуществовала недолго - от того периода на дне ямы сохранилась тонкая (3 м) прослойка рыбьих чешуи и костей. Вероятно, яма служила погребом для хранения рыбы. Незначительная толщина прослойки говорит о том, что погребок или хорошо чистился каждый рыболовецкий сезон, или пользовались им всего один раз. Как бы там ни было, но погреб по неясной причине забросили. Он сразу стал затягиваться землей, а затем превращен в помойку и завален отбросами: кусками камня, рыбьими костями и чешуей. Таким образом, за период образования серого культурного слоя эта яма была и хозяйственным комплексом и помойкой.

Следует сказать, что в остальных относящихся к этому слою ямах следов укрепления стенок плетнем не было и поэтому ямы эти разрушались и засыпались землей очень быстро - в них даже не успевали насыпаться обычные на этом памятнике отбросы строительства: куски камня и щебень из строительных отвалов.

Правда, в заполнении одной из таких ям были обнаружены угли от кольев и куски обожженной глины. Вероятно, яма эта, как и описанная выше, также была облицована помимо того глиной. Это своеобразное турлучное устройство просуществовало недолго - оно сгорело - вся его наземная часть, сгорев, рухнула в яму, почти полностью заполнив ее. Всего ям этого периода было обнаружено в разных частях городища восемь. В заполнении трех из них (а в одной на дне и в заполнении) прослеживаются слои и прослойки рыбьей чешуи и костей.

Наблюдения о скоплениях рыбьих костей на вскрытой нами площади очень важны для решения стратиграфических вопросов. В подавляющем большинстве случаев они лежат на глубине залегания в культурном слое строительной прослойки или непосредственно над ней, то есть явно относятся ко второму (позднему) периоду (рис. 10; 11).

Местонахождение рыбьих свалок (кроме вышеописанных ям) также весьма необычно: все они находятся над заброшенными, сожженными и уже полузатянувшимися окружающим культурным слоем, немного углубленными в предмете-рике юртообразными жилищами. Это является дополнительным свидетельством того, что жизнь на данном мысу, во всяком случае, разделяется на два периода, причем юрты относятся к более раннему, сравнительно со стенами, периоду. Углубления, оставшиеся от них, использовались в качестве помоек. Люди, строившие укрепления и жившие в крепости, очень активно занимались рыболовным промыслом. Отходы от него, естественно, сваливались в многочисленные ямы и углубления, хорошо видимые тогда на поверхности.

Завершая раздел о верхнем слое городища, образовавшемся во время строительства крепости, следует сказать еще о двух кирпичных выкладках, обнаруженных на уровне строительного мусора в разных местах крепости. Одна из них (раскоп 4) квадратная в плане, размером в 3 x 3 саркельских кирпича, уложенных на поверхность без раствора. Однако следы извести прослеживаются почти на всех кирпичах - очевидно, они были вынуты из кладок. Не менее двух десятков аналогичных выкладок было обнаружено в культурном слое Саркела первой половины X в. и немного более раннего времени. Практическое назначение выкладок неясно, так как они не связываются с какими-либо другими сооружениями того же времени (очагами, ямами, жилищами и пр.). Правда, вторая выкладка Правобережной крепости как будто специально была сооружена для сокрытия под ней клада железных орудий труда, щипцов с длинными ручками, ножниц для резки металла, наковаленки, двух напильников с крупной нарезкой и одного - с мелкой, двух сверл, косы-горбуши и обломка другой косы, обломка серпа. Сама выкладка расплывчатых очертаний, состоит не только из кирпичей, но и обломков камней, перевернутых плоскими гранями, однако поверхность ее неровная. Объясняется последнее обстоятельство тем, что она перекрывает развал обломков-сколов белых камней, заполнивших сырцовый погреб более раннего времени (раскоп II). Среди этих камней и щебня были компактной кучкой сложены вещи клада. Следует подчеркнуть, что более ни под одной из выкладок (на данном городище и в Саркеле) ни кладов, ни даже отдельных специально уложенных обломков сосудов обнаружено не было. Совершенно очевидно, что клад зарыт был в слой строительного мусора, а значит, относится он к периоду после возведения стен, а точнее - ко времени, когда необходимо было спрятать дорогие железные орудия, то есть времени взятия крепости и гибели владельца клада, не вернувшегося за скрытыми под вымосткой предметами.

Как мы видели, строительный мусор был рассыпан по всей поверхности мыса, его даже не убрали после строительства: так и лежали громадные валы строительных отвалов внутри крепости, вдоль стен - там, где каменотесы обрабатывали камни, превращая их в блоки. В целом, странность этой небрежности настолько разительна, что ей надо бы попытаться найти объяснение. Возникает и другой нерешенный вопрос: зачем строители работали внутри крепости и создавали вдоль ее стен эти мощные валы, которые и вывезти-то с территории крепости было невозможно. Мне представляется, что эти валы создавались и накапливались специально для заполнения внутрипанцирного пространства. Судя по чертежам Санцыперова разрезом стен и валов (рис. 3), и в XVIII в. панцири стояли незаполненными внутри. Строительство явно не было закончено. В свете этого предположения следует, видимо, учитывать и тот факт, что мы нигде в завалах не обнаружили ни одного обломка характерных верхних камней укреплений, а именно - зубцов и иных камней парапета, укрепляющих и украшающих внешние стены крепости (18, с. 50-51).

Причины, по которым строители, не закончив строительства объекта, бросают его, могут быть различными. Скорее всего это было нападение на крепость каких-то очередных завоевателей степи, которым не нужа была крепость в этом месте реки.

Малая освоенность внутреннего пространства крепости может, в какой-то мере, служить подтверждением высказанной гипотезы.

Думается, что почти одновременно со стенами, сразу после возведения внутренних панцирей стен на мысу строились и различные более "фундаментальные", чем юрты, здания. Это были белокаменные пристройки (как у ворот), и белокаменные стены сооружений, от которых остались только отрезки не связанных между собой кладок в южном углу самого большого (трапециевидного) отсека крепости (раскоп II). Очевидно, строились внутри крепости и крепкие стационарные здания из сырцового кирпича. Их также, видимо, пристраивали к крепостным стенам.

Обнаруженные нами остатки жизни в крепости в целом незначительны. Немногочисленные очаги и ямы, отбросы рыбного промысла, заполнявшие заброшенные ямы и западины ранних построек, оставлены скорее всего строителями крепости. Культурный слой, прослеженный нами над прослойкой строительного мусора, слабо насыщен находками (в основном обломками керамики, которая характеризуется и нижележащий слой).

В середине XVIII в. меловые блоки стен, как уже говорилось, были тщательно выбраны. Поверхность мыса покрылась еще одним дополнительным слоем - слоем разрушения, который постепенно затянулся дерном. Таковы данные о верхнем (позднем) периоде жизни на мысу - периоде от рождения до гибели белокаменной крепости. В следующем разделе попытаемся разобраться в материалах более раннего (докрепостного) периода жизни на мысу.

Глава 2. Поселение: жилища, топография

Ранний период существования поселения четко отделяется стратиграфически - прослойкой строительного мусора, перекрывающей, как мы писали выше, песчаный черный сильно гумусированный слой, прослеженный на всей площади мыса. Именно этот слой был культурным слоем, окружавшим все обнаруженные в раскопах жилые юртообразные постройки. Для того, чтобы перейти к доказательствам того тезиса, исследуем вначале основной конкретный материал, на котором мы и будем базироваться в своих выводах. Этим материалом в первую оче-

редь следует считать остатки жилищ. Всего нами вскрыто полностью 18 жилищ и частично - 26. Последние, перекрытые бортами раскопов, представляют особый интерес в решении стратиграфических вопросов, поскольку в них мы всегда получаем разрезы заполнений и соотношение заполнений с вышележащим слоем и подстилающим предматериком. Естественно, что в некоторых полностью открытых постройках, пересеченных промежуточными бровками, у нас также есть возможность проследить стратиграфию. Таким образом большинство жилищ стратиграфически наглядно и убедительно связывается с "докрепостным" временем.

Предлагаемое далее описание жилищ дано нами с учетом степени исследованности (полностью или частично) и по главным признакам - планам построек и их размерам.

Начнем с рассмотрения полностью раскопанных и исследованных жилищ. Они разделены нами на два отдела: однокамерные (малые и большие) и двухкамерные.

Однокамерные малые жилища

3 (I) (№№ жилищ даны в соответствии с полевой документацией, в скобках латинскими цифрами обозначены №№ раскопов). Котлован жилища был обнаружен на уровне предматерика: серовато-желтого плотно слежавшегося песка. Черное, также песчаное заполнение четко выделялось на фоне предматерика. Размеры пятна и, соответственно, размеры самого жилища - 3 x 2,65 м, форма в плане овальная, глубина 0,35-0,40 м (рис. 13). Края котлована ровные, только местами изрезанные кротовинами. Пол жилища - материковый ярко-желтый песок без подмазки. Вдоль стенок по периметру котлована прослеживаются ямки от жердей, вбитых в пол вертикально на глубину примерно 0,1 м. Ямки от таких же жердей разбросаны по всему полу, вероятно, это были следы ножек от какой-то "мебели". Почти в центре пола расположен очаг - очень слабо углубленный в пол, тарелкообразный, диаметром 0,6 м. Поверхность его сильно обожжена, кое-где сохранились зола и угольки. По краям очажного пятна выявлены ямки столбиков от устройства, поддерживавшего над очагом керамический котел или железный казан. У южного края жилища был поставлен большой белый блок (48 x 30 x 20) (здесь и далее размеры блоков и кирпичей будут даны в сантиметрах). На расстоянии 0,7 м от него были обнаружены крупные обломки, видимо, аналогичного камня. Вполне возможно, что между ними находился вход в жилище. Характерно, что именно с этой стороны стенка постройки довольно сильно скошена: стерта или специально подтесана? Здесь, на этой стертой ступеньке, слева от предполагаемой двери была обнаружена ямка от большого (диам. 0,2 м) столба, также, видимо, имевшего отношение к входу (дверь?). У противоположной стенки жилища, напротив входа, находился еще один меловой блок, поставленный на ребро (60 x 22 x 10-12), а рядом с ним лежало несколько обломков от такого же блока. Возможно, это были остатки сооружения-сиденья на так называемом "тере" - почетном месте, на котором обычно сидел хозяин жилища (7, с. 52). Следует отметить, что при зачистке стенок котлована из сероватого предматерика "выпадали" небольшие обломки керамики эпохи бронзы.

Что касается характеристики заполнения, то в нем слой строительного мусора прослежен на глубине 0,2 м от уровня предматерика. находки в заполнении всех жилищ представлены в приложенной таблице 1 в конце статьи. Ниже этого слоя заполнение насыщено угольками, сажой, золой, что дает основание думать о гибели постройки в пожаре.

Среди обломков меловых камней в полном беспорядке находились кости женского скелета: челюсть, пять длинных костей рук и ног.

15 (IV). Пятно котлована жилища выявлено в предматерике, в который оно было углублено на 0,3 м. Форма в плане неправильно овальная, скорее трапециевидная с округленными углами (рис. 13). Пол ровный, материковый глиняный (оранжевый), растрескавшийся от сухости или жара. Стенки вертикальные, вдоль них в полу прослеживаются ямки от вбитых жердей (глубиной 0,1 м). Очаг располагался в центре пола - это тарелкообразное углубление диаметром 0,5 м, заполненное золой и мелкими угольками. Поверхность его сильно обожжена (красно-коричневая). С двух сторон очага находились ямки от столбиков для приочажного устройства. В южной части пола жилища обнаружено довольно много беспорядочно расположенных ямок от столбиков-жердочек, вбитых в пол. Проследить какую-либо систему в их размещении не представляется возможным. У северной стенки помещалась круглая ямка, расширяющаяся ко дну (конусовидная). Размеры ее очень небольшие: диаметр устья 0,2, диаметр дна 0,3, глубина 0,34. Стенки обмазаны отслаивающейся обожженной глиной, заполнение - золотистое, с угольками. Не найдя этому устройству аналогий, мы предположили, еще работая в поле, что это своеобразное утепляющее приспособление, заполняющееся горячими углями из очага. К. И. Красильников предложил значительно более убедительное и верное объяснение использования в хозяйстве подобных ямок. Он считает их тандырами - своеобразными печами для выпечки хлеба, полагая, что этот тип является наиболее примитивной (простейшей) и, возможно, наиболее ранней формой хлебной печи у кочевых и степных народов (22).

Не вполне ясно, где находился вход в эту постройку. При рассмотрении плана пятна этого жилища в предматериковом слое заметно, что у северо-западного угла предматерик был слегка заглублен сравнительно с поверхностью предматерика, как бы "вытерт". Здесь же у самого края пятна находилась стоящая на узком ребре плита из зернистого ракушечника (32 x 42 x 11), вкопанная в материк на 0,15 м. Возможно, это был порог входа в жилище. Рядом с ним на полу было обнаружено сверло с обломанным концом.

Следует сказать, что в этой части мыса черный слой был довольно тонким - всего около 0,2 м. Естественно, что такой тонкий слой при строительстве проходившей близко внутренней стены был сильно перемешан со щебенкой и строительной белой пылью, то есть высветлен. Этот более светлый слой и заполнил жилище, находок в котором почти не было.

18 (IV). Жилище неправильно овальной, почти треугольной с округленными углами формы с полукруглым выступом с северо-западного "угла" (рис. 14). В предматерик углублено на 0,4 м. Размеры: 3 x 2,4 м. Пол глиняный материковый, сильно растрескавшийся. В центре пола - следы "кострообразного" очага - обожженное пятно диаметром 0,6 м. В самом очаге по периметру жилища, а также беспорядочно разбросанные по полу прослежены ямки от жердей каркаса жилища, очажного устройства, мебели. Часть ямок забита углем, очевидно жилище сгорело. Пол округлого выступа выше пола жилища на 0,15 м. Видимо, как и в предыдущем жилище, здесь в северо-западном углу находился вход. На полу у входа был обнаружен обломок саркельского кирпича с известью (явно вынут из кладки). Обломок был сильно обожжен во время пожара, в котором погибло жилище.

Заполнение котлована жилища - серое и плотное с примесью золы в центральной части.

20 (IV). Пятно жилища выделилось при подчистке предматерика. Оно имело неправильно округлую форму, наибольший его диаметр - 3 м (рис. 14); в предматерик углублено всего на 0,2 м.

Пол жилища материковый ровный сnivelированный: в северной части он врезан в материк больше, чем в южной, где сходит практически на нет. Вдоль стенок и южного края прослежены ямки от жердей каркаса. Вход в него находился, видимо, с южной стороны - предматерик и стенка котлована здесь заметно стерты. В центральной части пола находился "кострообразный" очаг диаметром около 0,6 м. На полу и прямо над очагом были обнаружены остатки трех детских скелетов: в восточной части жилища - череп и несколько полуистлевших длинных костей, лежавших в анатомическом порядке, ребенка 8-10 лет, брахикрана-европеоида, возможно девочки, почти полностью истлевшей; над очагом - череп, сильно разрушенная верхняя часть скелета, разбросанные длинные кости ног ребенка примерно 10 лет; к западу от очага - череп и часть позвоночника с ребрами ребенка 7-8 лет, европеоида (23, с. 300). Все три ребенка явно не погребены в жилище, а были убиты и остались лежать в нем, постепенно растаскиваемые зверем. Только через какое-то время они были слегка присыпаны землей и заброшены обломками мелового камня и кирпичей, но не захоронены специально. На полу у очага, кроме скелетов, был обнаружен целый красноглиняный амфоровидный кувшин и несколько обломков лощеного сосуда. У западной стенки находился сооруженный из кирпичей и большой плиты "столлик". Размеры целых кирпичей: 30 x 27 x 6, 28 x 28 x 8; плиты - 50 x 36 x 5 см. Все кирпичи, их обломки и плиты - с остатками извести на поверхности, то есть вторичного использования. Еще один кирпич также со следами извести (25 x 25 x 5) лежал у северной стенки постройки. Заполнение котлована аналогично предыдущему.

21 (IV). Границы пятна котлована на подчищенном предматерике были почти не заметны, только его центр был яркого черного цвета. Заполнение было очень плотным, слежавшимся предматериком. Форма жилища круглая, диаметр 3 м (рис. 15). Углубление в предматерик и материк 0,5-0,7 м. Пол жилища ровный материковый, стенки вертикальные, с юга и юго-востока немного скошенные внутрь (к полу). Вдоль стенок местами прослежены ямки от жердей каркаса. С севера от жилища отходит "язык" входа длиной 0,7 м, углубленный в материк на 0,3-0,4 м (пол его слегка наклонный в сторону жилища). В центре пола помещен небольшой круглый очажок, диаметром 0,35 м, глубиной не более 3 см. Восточный сегмент пола отделен рядом ямок (остатки сиденья или постели?), а напротив входа у южной стенки располагался, видимо, полукруглый "тёр", от которого сохранились пять ямок от столбиков. Справа от него на полу лежал кирпич со следами извести (28 x 28 x 6).

32 (V). В предматерик котлован врезан на 0,2-0,3 м. Заполнение котлована жилища - мягкий песчанистый чернозем, насыщенный большим количеством щебня (строймусором) и обломками керамики. Пол жилища тщательно выровненный, материковый-глиняный (рис. 15). В центре жилища находился тарелкообразный очаг диаметром 0,5 м, углубленный в пол на 5 см. Поверхность его сильно прокалена. Вокруг очажка прослежено несколько ямок от столбиков. Такие же ямки обнаружены вдоль стен и в восточной половине жилища. У западной стенки размещался тандыр, заполненный золой и углями. Форма его цилиндрическая с подбоем в нижней части, диаметры устья 0,5 м, дна 0,7 м, глубина 0,65 м. Рядом с ним в полу вырыта небольшая чашевидная ямка глубиной 7 см, диаметром 0,25 м. На полу жилища никаких находок обнаружено не было.

Однокамерные большие жилища

1 (I). Жилище представляет собой овальное в плане углубление, врезающееся в предматериковый слой всего на 0,15-0,20 м (рис. 16). Размеры его 4 x 3 м, края неровные, сильно изрезанные и в южной части "стертые". Вероятно, здесь находился вход в жилище. Пол - материковый желтый песок, неровный (вытоптаный?) и в ряде мест специально подсыпанный (сбивелированный) гумусированным песком. В полу вдоль стен, а также местами за пределами основного контура постройки прослежены ямки от жердей диаметрами не более 5 см. Кое-где на полу разбросаны такие же ямки, или меньшего диаметра. Связать их с каким-либо определенным предметом мебелировки или хозяйства не представляется возможным. В центре пола находился тарелкообразный очаг диаметром 0,6 м. Поверхность его сильно прокалена и покрыта слоем золы и угольков, по краям очага прослежены ямки от колышков. С южной его стороны обнаружено несколько обожженных обломков меловых камней, видимо, остатков полностью растрескавшегося и развалившегося мелового блока. Целый блок, тоже сильно растрескавшийся от огня, находился немного южнее первого, почти у южной стенки. Размеры его 56 x 32 x 32. Вокруг очага обнаружены кости нескольких человеческих скелетов. С юга - таз и обломки длинных костей одного скелета, с запада - второго, лежавшего первоначально скорчено на левом боку. Все кости этого скелета перевернуты и сломаны, черепа нет (сохранилась только нижняя челюсть). К северу от очага найдены остатки третьего скелета - сильно истлевший череп и разбросанные вокруг него длинные кости рук и ног, ребра. Трупы явно не захоронены, они остались лежать в сгоревшем доме и были растащены и перемешаны зверями. Свидетельством того, что жилище сгорело, являются не только обожженные и растрескавшиеся в огне камни, но и прослеженная в нем тонкая прослойка черной сажи, покрывалом закрывшая все жилище, кроме пространства в центре пола над очагом. Кажется весьма вероятным, что сгоревший войлок стен этого жилища в безветрии просто осел на пол, дымовое отверстие при этом, естественно, совпало с очагом.

На полу жилища, перекрытые слоем пожара, были обнаружены обломки лепного горшка: венчика и донца.

Выше сажи в заполнении по краям хорошо выделилась насыпавшаяся с краев котлована черная земля. Надо сказать, что в нее попали частично и кости скелетов, что объясняется, очевидно, деформацией хищников. Все это перекрыто толстым слоем рыбьей чешуи и костей (5-7 см), она же в свою очередь перекрыта частью слоем гумуса, перемешанного со щебнем, а выше набросанными, вероятно специально, камнями. Все находки (обломки керамики, кости животных) сосредоточены в верхнем слое заполнения и немного - в рыбьей чешуе.

29 (V). Жилище в плане почти квадратное с сильно закругленными углами (рис. 17). Размеры пятна котлована 4,2 x 4 м, размеры пола - 3,95 x 3,75 м. Разница объясняется сильным оплывом стенок, вырытых в предматериковом песчаном слое. На его желто-коричневом фоне прекрасно выделялось черное пятно заполнения котлована. В предматерик жилище углублено на 0,25 x 0,5 м. Пол - ровный материковый ярко-желтый песок. По периметру пола хорошо прослеживаются ямки от жердей каркаса. Заполнение их углистое, сгоревшие жерди попались и в заполнении жилища и на полу. В центре пола расположен немного углубленный тарелкообразный очаг диаметром 0,75 м, окруженный ямками от столбиков. Рядом с ним (восточнее) было обнаружено на полу сильно обожженное пятно (диаметром 0,6 м), на поверхности которого и вокруг него также прослеже-

но скопление ямок от столбиков. Возможно, это был более ранний кострообразный очаг, однако сильный обжиг пола мог образоваться и при постоянном выгребании горячих углей и золы при очистке центрального очага. В южном “углу” жилища находилась ямка - тандыр своеобразной, отличающейся от предыдущих формы. Устье его овальное (0,7 x 0,6 м), глубина всего 0,2 м, но дно покатое в сторону довольно глубокого подбойчика (0,4 м). Глубина подбойчика от пола жилища 0,45 м. Стенки этой “башмачнообразной” ямки сильно обожжены, она была заполнена золой и угольками.

Находок на полу жилища обнаружено не было.

36 (V). Жилище расположено всего в 3,5 м к северо-востоку от предыдущего. Очертания пятна котлована в предматерике неопределенной расплывчатой формы. После расчистки котлована оказалось, что жилище было квадратным в основе, но в двух его углах располагались большие хозяйственные ямы, а третий угол немного закруглен и к тому же с этой стороны в стенке жилища прорезана довольно широкая приступка, также сильно искажающая контур постройки (рис. 18). Размеры жилища на полу 3 x 3 м, углубление его в материк и предматерик - 0,5 м. Пол - материковая красноватая растрескавшаяся от сухости глина. В центре его находился тарелкообразный очаг (диам. 0,7 м) с обожженной, усыпанной золой поверхностью, рядом с ним - несколько ямок разного диаметра. По периметру пола и на всей его поверхности прослежены ямки от каркасных и иных жердей и столбиков. Интересно, что пол в северо-восточном углу, то есть у пристенной приступки немного выше (на 5-10 см), чем на остальной площади, приступка возвышается еще на 10 см. Вдоль ее в полу прослежена узкая канавка, заполненная углем - сгоревшей деревянной облицовкой (?). Поверхность приступки также обожженная, и на ней, вдоль внешнего края жилища, прослежены ямки от довольно массивных столбиков, заполненные углем. Самый крупный из них, диаметром в 0,3 м, вкопанный на глубину 0,15 м, стоял в северном углу. Следует сказать, что назначение этой приступки с вкопанными в нее сплошным рядом столбами необъяснимо, конструкция существовавшего здесь и сгоревшего сооружения осталась нами не понятой. Что же касается угловых ям, то обе они относятся к данной постройке и обе были обычными хозяйственными. Яма в северо-восточном углу слегка конусовидная, дно у нее плотное глиняное материковое, стены со следами глиняной обмазки. Заполнение слоистое - у дна золистое и мягкое, сверху - натеки глины и обломки кирпичей. Размеры ее: устье - 1,2 м, дно - 1,6 м, глубина 1 м. Вторая яма у юго-восточного угла цилиндрическая, широкая (диам. 1,6 м), глубина ее от пола всего 0,5 м. В восточной стенке у нее вырыто два подбоя глубиной в 0,25 и 0,5 м. Заполнение ямы - плотный слежавшийся золистый слой, дно и стенки материковые глинистые.

Обе ямы были обрамлены ямками от колышков, вероятно поддерживавших деревянные покрытия ям.

Заполнение всего котлована жилища неоднородное. Так, вся южная и западная части жилища заполнены светлой, почти материковой почвой. Северо-восточная половина жилища буквально забита остатками пожара - золой и углями. В этом пожаре сгорели половина покрытия жилища, “приступка” и перекрытия хозяйственным ям. Другая половина была, видимо, во время пожара завалена и забросана землей, взятой здесь же - рядом с постройкой. Этим, видимо, следует объяснить и неопределенность (размытость) пятна котлована. При этом северо-западная яма не была забросана полностью, осталась стоять открытой и поэтому в нее в дальнейшем, при строительстве крепостных и примыкающих к ним саманных

постройку, попала глина и обломки кирпичей (все - с остатками извести на поверхности). Среди этого завала были обнаружены три целых кирпича, размеры которых 25 x 26 x 5, 27 x 27 x 5,5 и 26,5 x 25,5 x 5,5 см. В заполнении котлована были найдены обломки средневековых сосудов, а также 11 обломков сосуда эпохи бронзы. Это единственный случай нахождения остатков древнейшей эпохи на этом крайнем южном раскопанном нами участке. Вероятно, сосуд был выкопан и разбит во время пожара, при забрасывании окружающей земли в горящую постройку. Мы уже говорили, что основания почти всех открытых нами жилищ были врезаны не в материк, а в предматриковый серовато-желтый, местами темно-серый песчаный слой. Это слой эпохи бронзы. Обычно при сооружении жилищ этот слой, видимо, просто выносился с мыса: поверхность для установки юрты должна была расчищаться до материка и выравниваться. Вместе со слоем выбрасывались и древние вещи, в данном же случае древний слой случайно попал в заполнение котлована.

14 (II). Жилище в плане овальное с неровными краями. Размеры его 5 x 3,7 м, глубина 0,4 м. Пол - хорошо утрамбованный желтый песок, стенки в предматерике, наоборот, вырезаны очень небрежно, а с юго-восточной стороны стенка стерта и уничтожена поздним перекопом. С севера в стенке жилища выкопана ниша, пол которой выше пола жилища на 0,1 м (рис. 19). По периметру жилища хорошо прослеживаются ямки от жердей каркаса, кроме того, ямки от столбиков и жердей беспорядочно усеивают весь пол. В центре его расположен тарелкообразный очаг с обожженным дном и краями, частично заполненный угольками и золой (диам. 0,9 м). Вокруг него, вдоль краев в полу прослежено более десяти ямок от жердей, вбитых в пол на примерно равном расстоянии друг от друга. У восточной стенки (рядом с нишей) в полу вырыта небольшая, видимо, хозяйственная конусовидная яма (диаметры устья и дна 0,5 и 0,8 м, глубина 0,5 м). Стенки и дно ямы обмазаны красноватой глиной.

Наиболее интересным является тот факт, что это жилище вплотную примыкает к большому сырцовому погребу (или подвальному помещению?). Создается впечатление, что погреб врезается в жилище, поскольку край последнего с юга заходит за стенку погреба. Однако ямки от каркаса очень ровным рядом располагаются вдоль стенки погреба, то есть, видимо, погреб существовал, когда ставилось жилище. Таким образом, мы располагаем двумя противоречащими друг другу фактами.

Жилище погибло от пожара. Ямки от столбиков в большинстве случаев забиты углем, пол порывт слоем угля и золы, стенки котлована обгорели. Стена погреба, примыкающая к жилищу, не обгорела. И это обстоятельство заставляет предположить, что его не было, когда рядом полыхал пожар. Противопоставление разноречивых фактов так и не дает нам полной уверенности в установлении относительного времени существования обоих комплексов: жилого и хозяйственного.

Следующие несколько жилищ имеют необычную, как бы "двойную" или "восьмеркообразную" форму в плане. Форма настолько странная и необъяснимая, что при исследовании жилищ еще в поле члены экспедиции, а также читатели нескольких публикаций, в которых упоминаются эти постройки как отдельные типы, сомневались в правильности наблюдений и, соответственно, их толкований. Поэтому рассмотрим материалы об этих жилищах по возможности подробно и попытаемся еще раз обосновать полевые данные.

2 (I). Жилище состоит из двух овалов, соединенных между собой широким (1,3 м) перешейком (рис. 20). По длинной оси оно ориентировано ССЗ-ЮЮВ,

размеры в длину - 5 м. размеры большей "камеры" жилища 3,4 x 2,6 м, меньшей, расположенной длинной осью поперек длинной оси большей камеры, - 2,2 x 1,6 м. В предматерик котлован углублен очень слабо - с северной стороны не более 0,1 м, а к югу почти сходит на нет. Пол жилища - материковый, песчаный, сравнительно хорошо выровненный. Вдоль краев жилища местами прослеживаются ямки от жердей. Ряд таких же ямок, прослеженный вдоль всего перешейка, отделял одну часть жилища от другой. Видимо, между ними находилась хорошо закрепленная в полу перегородка. Следует отметить, что пол всей северной части жилища перекрыт тонким слоем мягкой саж и угольков. Как и в жилище 1, это, очевидно, слой сгоревшего войлочного верха. В южной части жилища эта тонкая прослойка не сохранилась, так как сюда сверху набросали много камней и других отбросов, уничтоживших и перемешавших все заполнение. Вход в жилище находился с южной стороны - он заметным "языком" выходил за общий контур жилища. Предматерик во входе сильно стерт, как и во всех вышеописанных жилищах. Недалеко от входа, почти у западной стенки, располагался очаг - чуть заметное углубление в полу, диаметром примерно 0,6 м, с сильно обожженной (прокаленной) поверхностью, покрытой золой и угольками. Рядом с ним находились три куска развалившегося мелового блока, а немного севернее, в полу, прослежено скопление ямок, видимо, от какой-то мебели или невысокой перегородки, отделяющей очаг от остальной, в целом очень небольшой территории помещения. У юго-восточного края справа от входа, на полу, лежал кирпич (24 x 24 x 5).

Непосредственно в очаге, среди золы были обнаружены полуистлевший череп, позвоночник и кости ног, лежавшие компактной кучкой, ребенка 5-6-летнего возраста. Как и в предыдущих жилищах, скелет не является остатками захоронения. Ребенок был убит здесь же и брошен на уже потухший очаг, затем труп был погнущен зверями.

Значительно больший интерес представляет для нас второй, обнаруженный в этом помещении, скелет. Он лежал вдоль восточного края жилища, в небольшом углублении пола, как бы "притиснутым" к стенке жилища. Положение скелета - вытянутое на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Кости сильно истлели, все мелкие кости, в том числе позвонки и часть ребер, отсутствуют, видимо, они растащены грызунами. Скелет был завален камнями, и это обстоятельство вместе с правильной "погребальной" позой создает впечатление, что труп был похоронен согласно ритуалу (только яму не смогли вырыть поглубже). Скелет принадлежал молодой женщине, брахикрану типа среднеазиатского междуречья (САМ) (23, с. 297). Женщина была убита ударом тупого орудия по голове, о чем свидетельствует расхождение всех швов черепа (голова была разбита?) (24, с. 525). У черепа на полу лежали обломки венчика и ручки лощеного сосуда, что также, видимо, говорит о каком-то хотя бы формальном (положена часть вместо целого) соблюдении ритуала. Однако самой интересной находкой при этом скелете являются монеты, лежавшие вдоль голеней обеих ног с внешней стороны. Монеты были, вероятно, спрятаны в сапоги; это серебряные диргемы (4 целых и 19 половинок у левой ноги и 4 целых и 23 половинки - у правой). При рассмотрении вопроса хронологии мы еще раз вернемся к этой находке. Что же касается вопроса о том, погребение это или просто брошенный труп убитой во время побоища и пожара женщины (и ее ребенка!), то вряд ли мы можем ответить на него с абсолютной уверенностью. Так, монеты в сапогах явно не ритуальное действие. Объяснение этого факта скорее всего самое практическое: женщина собиралась бежать, спрятала на себе серебро и в это время была убита, упала навзничь на пол, а затем была покрыта сгоревшими

конструкциями постройки. Не исключено, что нашелся кто-то живой, кто забросал труп камнями, и поэтому он сохранился лучше, чем все остальные. Но этот "кто-то" не знал, что в сапогах у женщины богатство, видимо, это не был близкий человек. Причины такого "полузахоронения" могут быть самыми различными и очень личными и мы вряд ли сможем когда-либо разгадать их?

Заполнение этой постройки слоистое и в то же время сильно перемешанное. Следует сказать, что верхняя часть заполнения буквально забита обломками белых камней, над жилищем находилась большая груда камней эпохи строительства крепости. Под этими камнями в южной части жилища прослежен слой (линза) рыбьей чешуи. Под ней, с краев жилища прослеживается черный, осыпавшийся с краев культурный слой.

Находки сосредоточены в верхней части заполнения и отчасти в "рыбьей" прослойке, причем только в южном отсеке жилища. Северный, сгоревший, покрытый слоем сгоревшего войлока, быстро затянулся окружающим рыхлым слоем, в котором находок почти не было.

5 (I). Жилище двухкамерное, размеры большей камеры 4,3 x 4,4 м, меньшей - 3,1 x 3,3 м (рис. 21). Форма обеих камер круглая или приближающаяся к ней, между собой они соединены проходом шириной 1,6 м. Края большой камеры более изрезаны. Углубление в предматерик одинаковое: 0,2-0,3 м. Вход в жилище находился в юго-восточном "углу" большой камеры, край здесь сильно стерт и расплывчат. По периметру обеих частей жилища прослеживаются ямки от жердей каркаса. Неровный ряд ямок заметен и поперек соединяющего прохода. Кроме того, пол обеих частей жилища буквально усеян ямками от столбиков и жердей, бывших, вероятно, ножками различной, укрепляющейся в полу мебели. Иногда в расположении этих ямок прослеживается порядок. Так, у западного края жилища в полу выделяется квадрат со стороной 0,8 м, а у северной стенки малого помещения ямками обрамлен был кусок белой глины (видимо, производственный запас?). Малое помещение явно было хозяйственным отсеком жилища. Помимо запаса глины там находилась большая, хорошо оборудованная яма. Форма ее цилиндрическая с тщательно вырезанными бортиками, увеличивающими ее диаметр в устье на 0,5 м. Диаметр самой ямы 0,7 м, глубина от пола 1,2 м, а высота бортиков около 0,3 м. У края ямы был наклонно врыт прямоугольный в разрезе массивный столб, дополнительно закрепленный в этом положении небольшим столбиком. Видимо, здесь находилось какое-то устройство, предназначенное для производственных действий. Яма вряд ли служила просто домашним погребком. Дно в ней - материковая красная глина, стенки тщательно обмазаны этой же глиной и побелены белой, которая для этой цели и была уложена рядом с ямой в специально сооруженный "ящик". Эта необычной формы яма, вместе со следами наклонной над ней массивной плахой, бывшей, возможно, частью какого-то подъемного сооружения, могла быть своеобразной емкостью для муки или крупы, сыпавшейся в нее с установленных над ней жерновов (?). Предполагаемый "подъемник" мог быть регулятором расстояния между жерновами, то есть регулятором для крупного или мелкого помола. Рядом с этой ямой находилась еще одна "полусферическая" ямка диаметром в 0,6 м. Она явно относилась к тому же производственному комплексу, что и большая яма, но назначение ее неясно. На полу у этих ям лежал оранжевый кувшин с отбитым венчиком.

Жилым был большой отсек помещения. В центре пола находился углубленный в пол на 8 см очаг расплывчатооформленной в плане формы. Его поверхность сильно обожжена, центральную, наиболее углубленную часть заполняли зола и

угли. По краям очага прослежено несколько ямок от крупных жердей причажно-го сооружения.

Характер заполнения котлована жилища и слоя над ним хорошо прослежен и даже зафиксирован на профиле, поскольку часть помещения уходила под борт раскопа, благодаря чему мы получили разрез заполнения. Весь котлован заполнен интенсивно черным гумусированным песком - гумусным слоем времени существования жилищ. Этот слой делится на два горизонта угольной прослойкой - следом пожара (?). Однако жилище не погибло от пожара, так как на его полу нет никаких сгоревших остатков, а ямки жердей каркаса забиты обычной серо-черной землей, а не углями. Интересно, что угольный слой сливается, особенно в восточной (малой) части помещения, с большим количеством рыбьей чешуи и костей. Даже ямки от столбиков в полу заполнены чешуей. Очевидно, происхождение угольной прослойки синхронно с образованием рыбной помойки. Видимо, жилище было заброшено, начало затягиваться окружающим слоем, затем частично оставшиеся на поверхности деревянные части постройки сгорели (были сожжены), и небольшое углубление превратили в место сброса от рыбного промысла. Этот рыбный слой был перекрыт слоем щебня и мелких камешков - слоем строительного мусора крепости. Над этим слоем постепенно накопился серый гумусный слой.

Находки в заполнении все сосредоточены в слое ниже "рыбно-угольного" завала. Их много, и это, в основном, обломки средневековых сосудов. Кроме них в заполнении были обнаружены три обломка сосудов эпохи бронзы, а в рыбном завале - два рыболовных довольно крупных крючка.

7 (I). Форма жилища в плане очень близка к предыдущему (рис. 22). Оно также состоит из двух камер: большой, почти квадратной с округленными углами и малой - круглой в плане. Размеры первой - 4,15 x 4,15 м, диаметр второй 2,65 м. Проход между ними очень широкий - 2,4 м, что еще более, чем в двух предыдущих случаях, делает жилище единым комплексом. Вход в жилище находился в западной стенке основного помещения - в плане он выделялся в виде полукруглого языка с сильно стертыми стенками. Глубина основной камеры в предметнике 0,35-0,4 м, а меньшей - 0,15 м. Пол у обоих помещений - ровный материковый песок. В нем по периметру прослеживаются многочисленные ямки от жердей каркаса, кроме того, они густо рассыпаны по всей площади жилища. В центре пола большого помещения расположен тарелкообразный очаг диаметром 0,9-1 м. Поверхность его сильно прокалена, но золы и углей нет. К северу от него, похоже, выделяется полукруглое, примыкающее к стене сооружение, огражденное и укрепленное рядом колышков и являвшееся, возможно, т±ром.

В меньшей круглой части жилища, также в центре, находился небольшой костреобразный (неуглубленный) очажок. Поверхность его обожжена и засыпана золой. Рядом с ним с неясной целью вырыта овальная (корытообразная) яма глубиной 0,2 м и размерами 0,8 x 0,4 м.

Жилище погибло в пожаре, следы которого в виде сплошного покрова из сажи, угольков и обломков сгоревших жердей прослежены по всей площади обеих частей жилища. Особенно хорошо куски жердей сохранились на границе между двумя отсеками жилища, края котлована по всему периметру обожжены до красного цвета - пожар был сильным. Сверху пожарище в основной части перекрыто черным гумусным слоем, в меньшей, как в предыдущем жилище, рыбьими костями и чешуей. Этот слой, частично перемешанный с верхним, перекрыт прослойкой строймусора и выше - до современной поверхности - серой гумусированной землей. Среди рыбьей чешуи и камней над очажком малого помещения был обнаружен

полурастащенный скелет человека. Он лежал в неестественно изогнутой позе с поджатыми ногами (от них сохранилась только она бедряная кость). Череп хорошей сохранности. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста, европеоиду САМ (23, с. 297-298). По костям Д. Г. Рохлин определил дегенеративно-дистрофическое поражение суставов на почве застарелого сифилиса (24, с. 525). Женщина погибла во время пожара и гибели жилища, а на поверхность ее труп был вытаскен позже зверьем и птицами.

Следующие два жилища необычной конструкции. Остановимся на их характеристике и осмыслении как можно более подробно.

12 (I). Форма основания в плане “трехлепестковая” с двумя языками входов (рис. 23). Тем не менее очевидно, что жилище представляет собой единый комплекс с хорошо выровненным плотным полом. Размеры его 7,3 x 5 м. В предматерик жилище углублено всего на 0,2 м, у обоих входов края котлована сильно стерты. По периметру жилища прослеживаются ямки от жердей. Ямки от аналогичных столбиков покрывают весь пол помещения.

В соответствии с тремя “лепестками” жилища на полу расположены пятна трех кострообразных очагов. Диаметры их не превышают 0,6 м, вокруг каждого - ямки от жердей-столбиков. Рядом с восточным очагом находилась чашевидная ямка, диаметром 0,2 м с ямкой от вбитого кола в центре (остатки гончарного круга?). У северной стенки жилища, на расстоянии примерно 1 м от восточного очага и 0,8 м от северного четко выделяется ямками от жердей полукруг $t \pm r$, а западнее его у той же северной стенки располагался небольшой тандыр - конусовидная ямка с диаметрами устья и дна соответственно 0,3 и 0,5 м и глубиной в 0,5 м. Стенки и дно тандыра промазаны глиной и обожжены. Третий очаг, относящийся к западному “лепестку”, интересен сопровождающими его находками: рядом с ним найден панцирь и пластины брюшка черепахи, несколько обломков кирпичей и горло лощеного кувшина. Кроме того, над очагом в набросанных камнях и рядом с ним были обнаружены останки двух человеческих скелетов. Один лежал лицом вниз, на животе. Рядом с грудной клеткой находилась нижняя челюсть собаки. Возможно, как и раздавленный панцирь черепахи, это были амулеты убитых у очага людей. Скелет принадлежал старой женщине, европеоиду-брахикрану САМ (23, с. 299). Второй скелет лежал на левом боку. Он принадлежал женщине зрелого возраста брахикрану-монголоиду манчжурского типа (23, с. 299). На его костях заметна крестцово-подвздошная аномалия, затруднявшая роды. Оба скелета сильно повреждены зверьем, растащены, кости погрызены. У первого отсутствуют руки, берцовые кости, частично разрушена грудная клетка, от второго сохранились только череп, несколько костей рук и таза. Помимо этих сравнительно хорошо сохранившихся скелетов, человеческие кости были обнаружены еще в двух местах этого обширного жилища - в восточном “лепестке”: во-первых, в свалке рыбьей чешуи бедренная, две берцовые, две плечевые, фаланги пальцев и сильно обгоревший кусок черепа и, во-вторых, череп, челюсть и обломок разгрызенной плечевой кости у восточной стенки жилища в чашевидной неглубокой ямке.

Остатков пожарища в этом жилище почти не удалось проследить. Только в южной части пол был слегка обожжен, возможно, во время пожара. Однако заполнение жилища не углистое, вся его южная часть и немного восточная почти от пола заполнена рыбьей чешуей и костями, а над заполнением очень неглубокого котлована этого жилища четко прослежен слой строймусора, состоявший из мелких камней и щебня. Местами этот слой вместе с остатками рыбной свалки достигал почти до пола жилища, поскольку углубление его было небольшим и слой

заполнения тонкий. Может быть, вследствие этого не сохранился и не дошел до нас и слой пожара, в котором погибло жилище, о чем говорит не только обожженный участок пола, но и полусгоревший кусок черепа.

Отметим, что при подчистке стенок жилища были обнаружены 3 обломка сосудов эпохи бронзы и наконечник кремневой стрелки.

Остановимся далее на характеристике пяти перестроенных жилищ, вернее жилищ, выстроенных на руинах аналогичных юртообразных построек, заброшенных или сгоревших еще в период жизни поселка.

6, 6а (I). Размеры котлована этого жилища 5,7 x 5 м (рис. 24). В предматерик оно углублено 0,3 м. В это обширное неправильно округлое помещение вписано другое с круглой нишей у западного края. Юго-восточная его стенка совпадает со стенкой большого помещения. Диаметр круглой постройки 3,8 м, глубина от уровня пола первого помещения 0,3 м, а соответственно от предматерика - 0,6 м. Заполнение большого помещения, выявленное по краям, - черный или темно-серый гумусированный песок, пол - хорошо утопанный материковый песок, по периметру жилища в полу и по внешнему краю, а также по всей поверхности пола прослеживается большое количество ямок от жердей каркаса и мебели. В южной части пола находилась чашевидная неглубокая ямка диаметром 0,6 м. Следует сказать, что пятно внутреннего помещения стало видно только после подчистки пола большого помещения, выделяясь интенсивно черным, углистым заполнением. Правда, в перекрывающем его слое строительного мусора именно над этим пятном прослежены были скопления камней, битых кирпичей и над всем пятном лежал пласт рыбьей чешуи.

Малая (вписанная) постройка представляет собой обычное "однокамерное" юртообразное жилище с плотным материковым полом и стенками. Оно было поставлено на место более старого аналогичного жилища большей площади. По периметру в нем также прослеживаются ямки от жердевого каркаса, причем местами идут не только по полу, но, как и в более раннем помещении, вдоль внешнего контура жилища. Ямки от столбиков беспорядочно разбросаны по всему полу, особенно густо в западной его части. Круглый выступ диаметром в 1 м является как бы уменьшенным вдвое вторым помещением двухкамерных жилищ, описанных выше. Он явно - часть этого жилища, вырытый одновременно с ним и в то же время отделенный от него, судя по ямкам от жердей, перегородкой. Рядом с выступом расположено небольшое чашевидное углубление (диам. 0,3 м). Такое же (диам. 0,2 м) с квадратной ямкой от вбитого в дно кола (остатки гончарного круга?) было обнаружено у большого неправильной формы очага, углубленного в пол на 0,1 м. По краям очага прослежены ямки от массивных кольев приочажного устройства. У юго-восточной стенки в жилище находится обширная хозяйственная яма. Диаметр ее устья 0,95 м, дна - 1,2 м, стенки слегка скошены ко дну. Глубина ямы 0,9 м. Дно ямы - материковая красная глина, стенки обмазаны глиной и побелены, как в яме жилища 5. Вход находился в южной стенке. У него, видимо, в виде порога, лежал обломанный белый блок, а рядом яма от довольно большого столба (дверного?), овального в плане. Поверхность пола более старого жилища и его южный край сильно вытерт. Жилище, судя по углистому заполнению, обожженным краям и уголькам, заполнявшим многие ямки от жердей каркаса, сгорело. По следам углей и некоторой обожженности пола большого (раннего) жилища можно предполагать, что этот пол не был засыпан в период застройки и функционирования и гибели второго жилища. Возможно даже, что это было огороженное пространство при втором жилище, утепляющее его с северной и западной сторон.

Следует сказать, что в предыдущих публикациях я определила эти комплексы как единую постройку - юрту с двойным покрытием (17, с. 57). Этот вывод базировался на явственных следах единовременного пожара в обеих постройках. Однако эта реконструкция вряд ли правильна, поскольку аналогий таким сложным сооружениям нет. Находок на полу жилищ не было. Только у порога под белым блоком была найдена серебряная позолоченная серьга с подвеской из четырех ду-тых шариков. В слое рыбьей чешуи и костей были обнаружены локтевая и луче-вая кости человека.

Сооружение более позднего, причем меньшей площади, жилища, на месте более раннего, заброшенного или сгоревшего, встречено нами, как представляется, еще четырежды.

10, 10а (I). Вся северная половина жилища уходит под северный борт рас-копа, благодаря чему нам удалось сверху донизу проследить на профиле разрез заполнения котлована жилища и слоя, перекрывающего его (рис. 25). В плане половина вскрытого котлована овальная или прямоугольная с сильно округленны-ми углами и большим, широким выступом неопределенной формы, отходящим к югу от него. Глубина котлована от уровня предматерика 0,5 м, а глубина выступа 0,25 м. Стенки котлована местами оплыли, а южный край выступа стерт. По пе-риметру пола котлована и, частично, выступа прослеживаются ямки от жердей остова юртообразного жилища, много ямок разбросано и по всей площади котло-вана. Кроме того, на полу были обнаружены два кострообразных очага, окру-женные ямками от столбиков разного диаметра. Интересно, что у восточного очажка один из колышков приочажного устройства был вбит в пол наклонно (60). На обожженных пятнах очагов сохранились зола и угольки. Между очагами нахо-дился тандыр. До середины глубины он цилиндрический, ниже по всей окру-жности прослежен подбой. Стенки и дно, как обычно, обмазаны слоем глины. Раз-меры его: диаметр устья 0,5, дна 0,8, глубина 0,65 м. Около восточного очага бы-ла обнаружена чашевидная ямка диаметром 0,25 м, глубиной 0,1 м. Назначение ее неясно. Во всяком случае, это не остатки гончарного круга, поскольку в ямке не было центрирующего кола в центре дна и она расположена слишком близко от очага. Возможно, что ямка служила как бы подставкой для круглодонного котла или казана.

Еще одна, также чашевидная, яма была врезана в пол выступа-входа. Она значительно больше первой - диаметр ее 0,7 м, глубина 0,3 м. На ее краях были вбиты напротив друг друга два небольших колышка, поддерживавшие, вероятно, легкое перекрытие.

Казалось бы, что это обычное жилище и некоторые неясности в его кон-струкции (два очага, тандыр в центре пола, различия в составе заполнения и пр.) объясняются просто тем, что мы не смогли полностью исследовать и вскрыть это помещение. Попытаемся, однако, дать иное, более сложное и, видимо, более веро-ятное толкование всей имеющейся у нас информации. Думаю, что в котловане этой постройки находилось два одновременных жилища. Первое, более раннее, по-гибло в сильном пожаре. От него в котловане сохранилась западная часть пола и заполнение над ним. Выше говорилось, что пол здесь был слегка обожжен, а за-полнение буквально все пронизано углями и кусками обугленных жердей (круглых, диаметрами до 5 см). По расположению остатков сгоревших жердей в разрезе и плане видно, что они составляли круговой деревянный каркас жилища. Интересно, что расстояние между кругами было примерно 0,4-0,5 м, то есть дере-вянных частей в жилищах довольно много и именно поэтому нам всюду удавалось

проследить в них следы пожаров. В данном жилище они были особенно сильны: сохранились даже нижние концы вертикальных сгоревших жердей, которые при расчистке развалились, но в ямках осталось от них угольное заполнение.

На месте пожара, по-видимому, почти сразу же было поставлено новое жилище, не вполне совпадающее контуром с первым. Не совпали у них и очаги. Первому принадлежит западный очаг, который, очевидно, находился в центре пола этого жилища, а следовательно восточный край последнего проходил примерно в 1,5-2 м от очага. На этом расстоянии в полу котлована были выявлены два сгоревших колышка (ямки с углем), аналогичные тем, которые расчищены в западной части. К сожалению, оба столбика находились на краях восточного очага и могут, конечно, относиться к нему, хотя вокруг него расчищено еще десять ямок, которые, как и все остальные ямки восточной части котлована, заполнены не углем, а просто серо-черной землей заполнения. Восточный очаг принадлежал второму жилищу. Расстояние его от восточного края 1,2 м. Западный край находится на расстоянии 1,2 м от очага и определился не только профилем разреза заполнения, но и рядом ямок от каркаса. Тандыр располагался в этом (втором) жилище у самой его стенки. Форма в плане второго жилища была, вероятно, почти квадратная, с закругленными углами.

Судя по профилю, позднее жилище было врезано в котлован первого, как и предыдущее, только глубина их, в отличие от пары предыдущих жилищ, была одинакова. Заполнение позднего жилища серое, до пола перемешанное с кусками камней, щебнем, рыбьими чешуей и костями. Именно в этом перемешанном заполнении были сосредоточены все находки. В заполнении тандыра обнаружены кусочек стеклянного сосуда и обломок пряслица из стенки кухонного горшка, а при подчистке стенок котлована - 4 обломка сосудов эпохи бронзы.

19, 19а (IV). Первое раннее жилище очень большое: даже только вскрытая часть равна 15 кв. м (5 x 3,2 м). Пятно котлована этого жилища прослеживалось в сероватом песчаном плотном предматерике. Заполнение его то же, что и окружающий его культурный слой - темный (почти черный) песчаный. Отличием является только значительная примесь угольков и остатков сгоревших жердей по периметру котлована (рис. 26). Очевидно, постройка погибла в пожаре. В предматерик жилище было углублено на 0,3 м. Пол - плотный песчаный материк, слегка обожженный и растрескавшийся. Характерно для этой постройки полное отсутствие ямок в полу от каркасных жердей и иных столбиков. Каркас не был закреплен в полу, он просто стоял на нем. Факт его существования зафиксирован нами: вдоль западного края расчищено в заполнении четыре обожженных вертикально стоявших обломка жердей. Расстояние между ними 0,85 м. С учетом данных, полученных при раскопках предыдущего жилища, где были прослежены расстояния между круговыми конструкциями юрты, ясно, что переплеты каркасов юрт были густыми ("клетка" равнялась примерно 0,8 x 0,4 или 1 x 0,5 м и не более). В центре пола этого жилища находился слегка углубленный очаг (диаметром 0,85 м) с обожженной поверхностью, заполненный золой. Вокруг него располагалось несколько ямок от столбиков причажной конструкции.

Для стратиграфии всего поселения представляет интерес еще одно наблюдение, связанное с этим жилищем, а именно - обожженность поверхности предматерика, с которой мы на всей вскрытой площади начинали расчистку "пятен" котлованов. Очевидно, если поверхность вокруг сгоревшего жилища обожжена, то она была открыта во время пожара, то есть была дневной поверхностью времени функционирования и гибели жилища. Это весьма существенно потому, что, види-

мо, первые постройки этого поселения ставились на предматериковую поверхность. Слой же предматерика, судя по выпадающим из него при расчистке жилищ обломкам керамики, относится к эпохе средней и поздней бронзы. Черный гумусированный песок толщиной от 0,2 до 0,6 м вырос на этот предматерик в течение жизни поселения.

Заполнение южного конца этого жилища резко отличается от основного. Оно перемешано с обломками камней, частично рыбьими отбросами, щебнем. При расчистке оказалось, что это заполнение выкопанного в заполнении и в полу первого жилища более позднего помещения. В пол оно вкопано на 0,2 м, диаметр его 2,9 м. Оно круглое, с очажком в северной части пола (диаметром 0,35 м). По периметру жилища и у очажка прослежены ямки от жердей и столбиков. У восточной стенки небольшая яма (0,6 м), которая, очевидно, прорезала заполнение и частично пол этого жилища. В ней находился основной завал рыбьей помойки. У северного края жилища обнаружено скопление столбиков, образующее прямоугольную фигуру и рядом с ним кирпич с остатками извести на нем (28 x 28 x 6).

Немногочисленные находки - обломки керамики и костей - попадались исключительно в заполнении второго (позднего) помещения.

23, 23а (IV). Котлован этого жилища вскрыт почти полностью, только северный его край заходит под борт раскопа (рис. 30). Котлован явно объединяет два одновременных сооружения - позднее, как и в предыдущих случаях, врезается в более раннее, срезая часть его пола. Общая длина котлована с 3 на В 5,3 м. Восточная его часть (раннее жилище) углублено в предматерик на 0,25 м, а западная (позднее жилище) на 0,5 м, то есть 0,25 м от уровня пола первого жилища. Фактически при постройке второго жилища первое было задето только краем, причем, возможно, даже не самое жилое помещение, а вырытый для него котлован. Раннее жилище, судя по хорошо прослеживаемым ямкам от жердей каркаса, было очень небольшим (диаметр немного более 2 м), каркас отстоял от стенок котлована на 0,1-0,5 м. Видимо, этот котлован был после установки в нем жилой постройки немного с краев подсыпан окружающим его слоем. Характерно, что в плане, при подчистке предматерика, это пятно выделилось очень слабо, края его были неясные и расплывчатые. Только в самом центре пятна, то есть над самим очагом, была набросана куча камня и кирпичей, среди них один кирпич был целый (28 x 28 x 6). Видимо, здесь во время сооружения и жизни второго жилища оставалась небольшая впадина, которую постепенно впоследствии заровняли обломками одновременного строймусора.

Несмотря на малые размеры раннего жилища, оно было явно обитаемым, так как в центре пола находился кострообразный небольшой очажок диаметром 0,4 м. Вокруг него - ямки от 4 столбиков, образующих в плане квадрат 0,6 x 0,6 м.

Второе жилище тоже очень небольшое. По периметру его котлована прослежено несколько ямок от жердей. Среди них - ямка от крупного столба круглого в разрезе (диам. 0,15 м), врытого в пол на 0,3 м, то есть ^{на}накрепко закрепленного на этом месте, в отличие от остальных столбиков конструкции каркаса. Вдоль западной стенки, на расстоянии 0,6-0,8 м от нее, в пол были вбиты двумя рядами жерди, вероятно, бывшие опорой "лежанки" или иной "мебели", а рядом с ней - тарелкообразный очажок (диам. 0,5 м) с двумя ямками от столбиков на его окружности. На расстоянии около 0,6 м от этого очага к востоку в полу вырыта ямка для второго совсем небольшого очажка (диам. 0,28 м), заполненного золой. Воз-

можно, это остатки от разрушенного уже полуназемного тандыра. Ямок для приоткажной конструкции рядом с ним не было.

Заполнение этого жилища, как и первого, - черная гумусированная земля, перекрытая и отчасти перемешанная со слоем строительного мусора - кусочками мелового щебня, среди которого находился и крупный белый блок шириной и высотой в 0,35 м. Остальные находки сосредоточены в куче мусора, насыпанной во впадину первого жилища.

17, 17а (IV). Пятно котлована первого жилища, принятого нами первоначально за меньшую камеру двухкамерного комплекса, выделилось при подчистке предматерика очень отчетливо - оно округлое, небольшое, как и все находящиеся в непосредственной близости от него пятна котлованов. В предматерик котлован углублен на 0,25 м, стенки отвесные, пол материковый потрескавшийся. Форма жилища круглая, (диам. 3,2 м), границы его почти совпадают с очертаниями пятна котлована (рис. 30). По периметру пола прослежены ямки от жердей каркаса. В центре пола расположен очажок - небольшое углубление диам. 0,3 м с обожженной поверхностью. Рядом с ним и по полу (особенно в восточной половине) прослежено около 20 ямок от столбиков. У северо-восточного края жилища помещен большой белый тесаный блок (38 x 23 x 11), бывший, возможно, частью тѐра.

Заполнение котлована - черная гумусированная земля (песок) без находок. Последние обнаружены в верхней прослойке из рыбьих костей и чешуи, перекрывающей весь котлован.

Пятно котлована второго жилища, перерезанного первым, значительно больше, но оно отличается крайней расплывчатостью и практически почти не выделяется из окружающего его предматерикового слоя на этом участке очень темного гумусированного песка. На поверхности пятна было обнаружено два целых кирпича (28 x 27 x 6 и 27 x 13 x 5) и обломки нескольких кирпичей. Начиная с этой кучи мусора, которая находилась, как оказалось, над центром жилища, мы по возможности расчистили это помещение, углубленное в предматерик на 0,3 м. Стенку его удалось выявить только в северной части. Она выделяется двумя полукругами (рис. 26). С северо-востока у нее был поставлен меловой блок, аналогичный блоку из первого жилища (37 x 23 x 12). Здесь же, над этой частью жилища, была навалена куча рыбьих отбросов. Стенки остальной части жилища, а значит, и конфигурация его, в целом остались невыясненными. Однако пол в центральной части ровный, плотный, потрескавшийся от сухости. В нем (видимо, в центре) находился большой тарелкообразный очаг (диам. 0,9, углубление 0,1 м) с обожженной поверхностью, угольками и золой. Вокруг него прослежено несколько ямок от глубоко вбитых в пол столбиков, а рядом с ним - две чашевидные ямки, одна из которых с вбитым в середину ее дна колом, была, очевидно, основанием гончарного круга. Ямки от вбитых в пол кольев прослеживаются в западной части жилища, но трудно сказать, были ли некоторые из них следами от жердей каркаса, поскольку рядом с ними в рыхлом черном слое стены обнаружить не удалось.

Таким образом, несмотря на неполную исследовательность этого жилища, величина очага, наличие в юрте гончарного круга (25, с. 60), полукружия северной стенки, свидетельствующие, возможно, о "двухкамерности" постройки, позволяют говорить о том, что оно было значительно больше первого. Однако его забросили и котлован завалили окружающим его слоем. Причины этого неясны, так как явных следов гибели жилища (пожара, например) не было. После довольно небрежного заравнивания поверхности, рядом с бывшим жилищем, немного вре-

заясь в засыпанный котлован, была поставлена новая юрта, значительно меньшего размера (первое жилище).

Поскольку земля в засыпанном котловане уже через год осела, обитатели нового жилища еще раз попытались подровнять поверхность засыпкой углубления кирпичным и керамическим ломом.

За этой последней "парой" жилищ ограничиваются выявленные нами на поселении перестройки. Характерно, что во всех пяти рассмотренных случаях соблюдается главное правило - не нарушать планировку поселения: новые юрты ставились или прямо в ранний котлован, или в самой тесной близости с ним. Видимо, это следует объяснять чисто социальными или, вернее, социально-экономическими причинами: каждая семья на данном поселении владела определенным участком для установки своего жилища и не могла произвольно перенести его в другое место.

Такого типа неоднократные перестройки жилищ, их "многослойность" прослеживаются обычно в поселениях городского типа, где застройка была довольно плотной (см. например 20, с. 107, 109, 112). В небольших поселениях это явление, как мне представляется, удалось проследить впервые.

В заключение раздела о жилищах рассмотрим все не полностью вскрытые раскопами помещения, которые из-за недоисследованности мы не можем уверенно включать в нашу типологию. Тем не менее почти все они представляют самостоятельный интерес и дают нам весьма ценные материалы для изучения стратиграфии поселения, поскольку при раскопках были получены полные разрезы слоя над жилищами и в их заполнениях.

4 (I). Жилище вскрыто нами, судя по расположению очага, примерно наполовину. Другая его половина находилась в раскопе И. И. Ляпушкина и, очевидно, не была там замечена, поскольку, как говорилось, этот исследователь снимал весь гумусированный слой до материка и срезал основания построек, если они не врезались в материк. Котлован данного жилища только в северной части углублен в предматерик на 0,2 м, а в южной сходит на нет.

Пол жилища материковый, неровный, но хорошо утрамбованный и высохший так, что даже в нескольких местах растрескался, особенно у очага (рис. 27). Очаг - тарелкообразный, диаметр его 0,6 м, заполненный углями и золой. В центральной части пола прослежено скопление ямок, отделяющее северную половину жилища от южной. Кроме того, в северной части жилища располагалось какое-то квадратное в плане сооружение, зафиксированное в плане благодаря вбитым в пол по периметру квадрата столбикам. Размеры квадрата 0,8-0,9 м. Внутри его вырыта Т-образная ямка и был положен кирпич (25 x 24 x 5). Назначение этого сооружения, от которого фактически сохранились только следы основания, непонятно.

Жилище погибло от пожара - по всему полу прослежен слой сажи и углей от сгоревшего перекрытия. Заполнение котлована - черный сильно гумусированный песок, как и в большинстве исследованных нами построек. Этот слой перекрыт тонкой прослойкой строительного мусора - натоптанной меловой крошкой и щебнем с отдельными включениями кусков глины.

8 (I). Жилище краем уходит под восточный борт раскопа, однако по открытой части можно восстановить как его форму, так и размеры. Жилище было, видимо, двухкамерным или близким к этому типу: к северу от основного круглого в плане помещения отходила полукруглая пристройка (рис. 28). Длина жилища с севера на юг (вместе с пристройкой) - 5,6 м, размеры основной части в поперечнике были примерно 3,7-4 м, соответственно размеры "пристройки" - 2,2 x 1,5 м. От

пристройки к северу отходит круглая яма с пологими неровными краями (диам. 1 м, глубина 0,5 м). Пол ровный, утрамбованный песчаный материк. Южная часть пола прорезана большой круглой поздней ямой, о которой говорилось выше (см. гл. 1). В центре пола основной части жилища располагался тарелкообразный очаг, очень слабо углубленный в пол. Поверхность очага сильно обожжена и покрыта золой и угольками. Форма его определяется ямками от столбиков, врытых по углам и периметру этого сооружения. Очевидно, очаг был огражден от остального пола и был почти правильно квадратный (разм. 0,8 x 0,8 м). Пол жилища усеян ямками от многочисленных столбиков. Прослеживаются ямки и по периметру жилища, особенно много их вдоль стен "пристройки", причем они зафиксированы не только в полу, но и по внешнему контуру - на поверхности предматерика.

Жилище погибло в пожаре, пол был покрыт тонким слоем сажи и угольками, в двух местах он был так обожжен, что создавалось впечатление существования дополнительных очагов в жилище. Ямки от большинства каркасных кольщиков также были заполнены углем - каркас явно сгорел. Заполнение жилища - черный гумусный слой, перекрытый слоем набросанных в центральную часть жилища (наиболее углубленную к моменту начала образования прослойки строительного мусора), обломками камней, кирпичей, щебня, а также рыбьими чешуей и костями. В этой куче были обнаружены кости двух человеческих скелетов, очевидно, специально заброшенных камнями и щебнем. От одного скелета остались только кости ног, другой сохранился лучше. Он лежал на спине, лицом вверх, с раскинутыми ногами. Череп, который находился фактически на полу жилища, хорошей сохранности, остальные кости, лежавшие выше, переломаны (перегрызены), в большинстве растащены. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста, европеоиду САМ с примесью монголоидности. Тип близок к южносибирскому (23, с. 297). Д. Г. Рохлин полагал, что скелет мог принадлежать и небольшому мужчине, который погиб от множественных травм головы: перелом лобной кости, основания черепа, расхождение всех швов черепной коробки (24, с. 525).

11 (I). Раскопом вскрыта примерно половина площади жилища. В плане оно было, по-видимому, почти квадратное с сильно округленными углами, размеры его с угла на угол - 4,6 м. На западном углу находился небольшой круглый (диам. 1,3 м) выступ, возможно являвшийся входом в жилище (рис. 29). Углубление котлована в предматерик 0,35 м. Пол хорошо утрамбованный, песчаный. В нем прослеживается большое количество ямок от столбиков, особенно много их по периметру жилища. Местами они так плотно расположены относительно друг друга, что возникает предположение о неоднократности установки каркаса в этот котлован. Очаг находился в центре пола, он тарелкообразный, окружен многочисленными ямками от кольев. В северной части пол прорезан более поздней ямой (диам. дна 0,9 м), прорезавшей черный песчаный слой заполнения котлована и прослеживающейся с уровня прослойки строительного мусора. Как и над предыдущим жилищем, прослойка эта тонкая и перекрыта серым, наросшим после строительства слоем, который (здесь это выявлено только на южной части профиля) завален выбросом, образовавшимся при разборке стены.

На полу жилища никаких вещей обнаружено не было.

13 (II). Такой же "спокойный" профиль был получен и в разрезе жилища в раскопе II по линии 0 (рис. 19). В раскопе исследована меньшая часть жилища, но и по ней видно, что оно было прямоугольным или квадратным с закругленными углами. Углубление котлована жилища в предматерик - 0,5 м. Пол - плотный песчаный материк. В центре пола находился очаг, часть которого мы расчистили:

овальную ямку (0,5 x 0,2 м) с глубоко вбитыми в пол двумя столбиками на ее противоположных сторонах. Поверхность очага сильно прокалена и покрыта угольками и золой. Вдоль периметра жилища и по полу прослежены многочисленные ямки от каркаса и мебели. Большинство из них заполнено углем, уголь слоем лежит и на полу жилища, нижняя часть его заполнения углисто-золистая. Очевидно, помещение погибло от сильного пожара. Слой пожара перекрыт обычным для этого памятника черным песчаным слоем, верхняя часть которого сильно перемешана со щебнем. Прослойка щебня и мелких обломков камня перекрывает слой заполнения и, что особенно важно, сливается с набросами камня и обрывками белокаменных кладок, покрывавших большую площадь этого раскопа, заставлявших почти все материковые сооружения (рис. 11). Все они перекрыты серым песчаным слоем, который с южной стороны немного завален отвалом разрушенной стены. Таким образом, на этом профиле отчетливо выявляется стратиграфия или относительная хронология всех средневековых периодов деятельности людей на мысу. Находок ни на полу, ни в заполнении жилища обнаружено не было.

22 (IV). Столь же четкая стратиграфическая картина прослежена и на профиле разреза жилища, расположенного в противоположном предыдущему углу центральной площадки мыса (раскоп IV). Интересно, что здесь слой строительного мусора достигает толщины 0,7 м и сливается с напластованиями, образовавшимися после строительства крепости. Слой разрушения крепости отсутствует (рис. 27).

Жилище вскрыто менее чем наполовину, форма котлована была, видимо, квадратная с закругленными углами, длина западной стенки 3,7 м. Котлован врезан в предматериковый слой на 0,2-0,3 м, стенки его слегка наклонные (осыпавшиеся), обожженные, пол имеет общий наклон к центру - к очагу, он плотный, слегка растрескавшийся. Очаг тарелкообразный, диаметр его 0,9 м, поверхность прокаленная, покрытая золой и углями. Вокруг очага - ямки от колышков, местами они прослеживаются в полу и по периметру постройки. У западной стенки помещалось сиденье или низкий столик, от которого сохранились ямки от столбиков и остатки обгорелых плашек. Жилище погибло от сильного пожара, пол покрыт слоем сажи и угольков, ямки от жердей каркаса и столбиков в полу заполнены углем. Находок на полу жилища не было.

Фактически та же стратиграфия прослеживается и в разрезах, полученных нами при исследовании остальных, ушедших основной частью под борта раскопа жилищ этого участка мыса (раскоп IV; 16, 24, 25). Слой строительства, достигающий местами толщины 1 м, перекрывает черный гумусированный слой, который заполняет, как и всюду, котлованы сгоревших или разрушенных жилищ.

16 (IV). В этом жилище вскрыт и расчищен был только восточный край шириной от 0,3 до 1 м. Однако и по этой небольшой части ясно, что жилище было квадратным (прямоугольным) с округлыми углами. Котлован его был углублен в предматерик на 0,2 м. Особенный интерес оно представляет благодаря находке в специальном тайничке клада железных орудий. Тайничок - неглубокая нишка в восточной стенке - был заложен кирпичом (24 x 25 x 5) с остатками извести на поверхности. Под кирпичом лежали два больших лемеха, наковаленка, костыль, нож, два стремени, маленькая наковаленка с втулкой и железный скребок. Там же, среди очень плотно уложенных вещей, обнаружены были еще два облома кирпича толщиной 5,5 и 6 см.

24 (IV). Жилище было, очевидно, таким же маленьким, как и все остальные обнаруженные здесь постройки.

25 (IV, 25). Жилище отличалось необычайностью заполнения его остатками человеческих скелетов: на сравнительно небольшой открытой нами площади этого помещения (менее 3 кв. м) были обнаружены 4 сильно разбитых черепа и остатки скелета. Помещение было глубоким - в предматерик и материк оно вкопано на 0,6 м. Человеческие кости были набросаны в заполнение, то есть в уже прекратившую существование постройку. Они засыпаны сверху черным слоем и затем перекрыты мощным развалом строительного мусора. Черепа и кости были определены антропологами: 1 - череп женщины зрелого возраста, брахикрана с элементами монголоидности; 2 - череп женщины зрелого возраста, мезокрана с элементами монголоидности; 3 - череп женщины зрелого возраста, европеоида-брахикрана с небольшой монголоидной примесью; 4 - череп женщины подросткового возраста (14-16 лет) европеоида средиземноморского (салтовского) типа; 5 - кости таза и бедренная кость зрелой женщины, на правом бедре намечается третий вертел, а на крестце - следы сегментов (23, с. 299, 300).

Очень выразительны профили разрезов над жилищами южной части городища (раскоп V). Только одно из них (33), заполненное черным гумусированным песком, перекрыто ровной прослойкой строймусора (глиной, щебнем и пр.), которая в свою очередь покрыта ровным, довольно толстым (0,5 м) серым песчанистым слоем времени после строительства крепости. Слоя разрушения крепости над этим жилищем не было (рис. 10).

Профили заполнений и перекрывающих их прослоек у шести остальных жилищ значительно более сложные.

28 (V). Раскопом была вскрыта половина этого жилища (рис. 31). Оно было, видимо, прямоугольное (квадратное?) с закругленными углами, углубленное в предматерик на 0,2-0,25 м. Пол - ярко-желтый материковый песок. В центре пола находился тарелкообразный очаг, диаметром 1,1 м. Поверхность его обожжена докрасна, заполнение - зола и угольки, по краю очага прослежено пять ямок от столбиков. Такие же ямки от жердей каркаса прослежены вдоль стенок котлована, а также разбросаны по всему полу. Кроме того, в полу врезаны ямки для более крупных столбов (диам. до 0,15 м), полусферические пиалообразные ямки с обожженной поверхностью, а также небольшой тандыр: конусовидная ямка с обмазанными глиной сильно обожженными стенками, заполненная углями и крупными песчаниковыми обожженными обломками камней (диаметр устья и дна - 0,2 и 0,35 м, глубина 0,2 м). Вход в жилище находился, по-видимому, в южном углу, так как стенка в этой части сильно стерта. Жилище погибло от пожара - на полу были обнаружены сгоревшие жерди и налет сажи, многие ямки от столбиков забиты углем, а на самом полу видны следы обжига. Угли пронизывают всю нижнюю часть черного песчанистого заполнения, на поверхности которого кое-где прослежены прослойки рыбьей чешуи и натоптанной меловой крошки. Именно на эту поверхность, слегка, видимо, подровненную, была поставлена стена крепости, от которой остался только слой ее разрушения (валы из щебня и камней) и ложбинка на современной поверхности. Таким образом, оказалось, что слой разрушения здесь перекрывает непосредственно дерновой древний слой, отделяясь от него только тоненькими натоптанными прослойками. Над жилищем, уже сгоревшим и даже затянутым окружающим дерновым слоем, была возведена стена, что неопровержимо доказывает разновременность юртообразных жилищ и крепости, выстроенной на их уже подзатянувшихся дерном развалинах. Этот профиль - один из наиболее ярких проявлений разновременности комплексов и наслоений, соответствующих им.

37 (V). Котлован жилища - неправильно прямоугольной формы с широким полукруглым выступом в северо-западном углу (рис. 32). В поперечнике размер жилища около 3,2 м, стенки местами слегка наклонные, углубление котлована в предматерик 0,25-0,3 м. Пол материковый, желтый и ровный, ямки от кольев каркаса прослежены по всему периметру жилища и полукруглого выступа. В северной части пола находился тарелкообразный очаг (диам. 0,6 м) с обожженной поверхностью, окруженный ямками от столбиков. По полу, преимущественно в восточной части, разбросаны еще более двух десятков ямок от столбиков. В северо-восточном углу был врыт массивный столб диам. 0,2 м), а рядом с ним уложены белые меловые камни (целый и два обломка). Размеры целого блока 35 x 20 x 12. Жилище явно погибло от пожара, пол его покрыт сажой и золой, многие ямки заполнены углями, а пол обожжен пятнами. Над слоем пожара заполнение котлована обычное - мягкий сильно гумусированный песок, находок в нем не было. Южная часть жилища разрушена более поздней ямой. Она врезается на глубину 0,6 м в пол жилища, выше прорезает заполнение и гумусный слой, перекрывающий заполнение и начинается от слоя, который мы связываем со слоем строительства стен. Здесь этот слой - глина и щебень толщиной примерно в 0,2 м. Диаметр устья ямы, судя по полученному профилю, был около 0,6 м, диаметр дна 1,4 м, а наибольшее расширение ее было выше дна на 0,3 м и равнялось 1,8 м. Яма имела типичную "кувшинообразную" форму, довольно распространенную на хазарских поселениях (25, с. 46). В заполнении ямы встречаются обломки средневековой керамики и костей животных, среди них несколько разрозненных костей человеческого скелета, а также целые кирпичи и их обломки со следами извести на их поверхности. Размеры кирпичей: 24 x 23,5 x 5, 28 x 28 x 5, 28,5 x 27 x 7.

Слой строительного мусора, из которого в основном и насыпалось заполнение этой ямы, перекрыт серым слоем, образовавшимся после строительства стен и других сооружений, синхронных им. Этот серый слой завален выбросом битого камня и щебня времени разборки стен.

38 (V). Жилище было вскрыто наполовину - восточная часть осталась неисследованной (рис. 31). В плане оно было круглое, диаметром 4,4 м, котлован углублен в предматерик на 0,25-0,35 м. Стенки немного наклонные (осыпавшиеся), пол ровный материковый с общим уклоном к очагу. Очаг тарелкообразный, диаметром 0,9 м, был окружен ямками от вбитых в пол столбиков. Ямки от столбиков прослеживаются вдоль периметра жилища и беспорядочно разбросаны по полу. У западной стенки ямки в полу образуют полукруг или прямоугольник с немного выпуклой "внешней" стороной. Очевидно, это остатки т-ра, размеры его 0,9 x 0,7 м. Ямки от колышков сиденья заполнены углем, внутри ограниченного ямками пространства обнаружены остатки нескольких сгоревших плашек, покрывавших сиденье (ширина их около 10 см, толщина 2 см). Не только сиденье, но и весь пол жилища покрыт слоем угля и золой, стенки котлована сильно обожжены. На полу жилища находок не было.

Жилище сгорело и было затянато ровным черным песчаным гумусом. Этот слой был перекрыт прослойкой глины и выше более, чем на 1 м, - слоем битого белого камня и щебня, который не отделен от прослойки глины, являясь вместе с нею мощным слоем строительного мусора. Прослойки гумусированного серого песка, разделяющего слой строительства и развала, нет. Возможно, объясняется это тем, что здесь - на краю мыса, ветер постоянно сдувал образующийся песчаный гумус с каменной гряды.

39 (V). Жилище было вскрыто примерно на две трети площади. Нераскопанной осталась южная часть. В плане жилище было круглое с большой хозяйственной круглой ямой, выходящей с северной стороны за общий абрис помещения (рис. 33).

Диаметр котлована жилища около 4 м, глубина его в предматерике 0,1-0,2 м. Стенки слегка наклонные, пол имеет, как и в предыдущем жилище, небольшой уклон к центру, то есть к очагу. Очаг тарелкообразный, диаметр его 0,5 м. Вокруг него - три ямки от колышков, по периметру прослежено всего четыре ямки от каркасных жердей, есть они и на восточной половине пола жилища. Хозяйственная яма в северной стороне жилища конусовидная с диаметрами устья и дна 1,4 и 1,6 м и глубиной от пола 0,8 м. Она одновременна жилищу и является его частью. Об этом свидетельствует полное тождество заполнений: черный рыхлый песчаный гумус. Этот слой затянул жилище, полностью перекрыл его и пространство вокруг него. Однако небольшое углубление от этого жилища на поверхности все же оставалось, и оно было, судя по профилю, сnivelировано не отбросами рыбного промысла вперемешку с битым камнем, как большинство жилищ, а двумя подсыпками песка: коричневым, с вкраплениями косточек и щебня, и чистым ярко-желтым материковым. Заметное на древней поверхности углубление от не полностью затянувшейся ямы этого жилища было забито камнем, щебнем, обломками кирпичей, среди которых находился и целый (24 x 24 x 5). Поверх этого также прослеживался нивелировочный слой песка. Мы уже говорили, что это жилище было перекрыто одной из внутренних стен крепости, от которой до нас дошел громадный развал камня и щебня, непосредственно перекрывший здесь слой строительства (подсыпку песка). Причины, по которым мы не можем сейчас уверенно говорить, к какому периоду относится весь этот завал - к остаткам строительства или разрушения, те же, что и в предыдущем случае: гумусный слой после строительства крепости здесь, видимо, не мог образоваться.

31 (V). Жилище круглое в плане, диаметр его 4-4,1 м, углубление котлована в предматерик - 0,2-0,3 м (рис. 34). Стенки жилища вертикальные, пол ровный, материковый. В центре пола тарелкообразный очаг (диаметр 1 м), с прокаленной поверхностью, заполненный углями и золой. Вокруг очага и в нем обнаружено большое количество ямок от кольев. По периметру жилища ямки прослеживались не всюду, а с интервалами в 1-1,5 м. Беспорядочно разбросанные ямки прослеживаются по всему полу. На расстоянии 0,5 м от очага находился тандыр несколько необычной (цилиндрической) формы, глубиной 0,6, диаметром 0,4 м. Он заполнен золой и углями. Жилище краем уходит под борт раскопа. Судя по профилю раскопа, можно восстановить историю гибели постройки. Она явно сгорела, так как котлован почти полностью заполнен золой и углями. Последних особенно много у стенок. Слой пожарища затянут обычным для всех остальных жилищ черным гумусом, который в свою очередь перекрыт прослойкой глины (слоем строительства). Над глиной прослежен серый гумусный слой жизни крепости, который завален камнями и щебнем времени разрушения стен.

В заполнение жилища краем врезалось жилище 40, которое, как было установлено (см. главу 1), относилось к периоду после постройки крепости (рис. 12).

Следует сказать, что не полностью раскрытые жилища на этом крайнем южном участке (раскоп V), исследованном нами, встречались еще трижды (30,34, 35). Все они большей своей частью скрыты под бортами раскопа, поэтому давать их описание не имеет смысла. Важно только отметить, что они, как и описанные выше, имеют каркасные жердевые стены, все углублены в предматерик не более

чем на 0,3 м и все одинаково перекрыты слоем строительства стен и крепости и последующим наросшим на него гумусированным серым песчаным рыхлым слоем.

Помимо жилищ, к этому (нижнему и более раннему) культурному слою относятся некоторые хозяйственные сооружения, к сожалению, не полностью раскрытые производственные постройки и погребения.

Прежде всего большой интерес представляют две открытые нами сырцовые постройки-подвалы или погреба (рис. 19).

Первый саманный погреб сооружен в прямоугольном котловане, размеры которого 2,3 x 2,2 м, глубина в материке 1,2 м. Погреб вырыт в песчаном материке до глубины плотного красного глинистого слоя. Стенки котлована начали осыпаться сразу же по высыхании. Об этом свидетельствует тонкий слой песка, насыпавшийся на дно еще до обкладки стен сырцовыми кирпичами. Толщина сырцовых стен с трех сторон - 0,5 м, с одной - около 0,3-0,35 м. Таким образом, внутренняя площадь погреба совсем небольшая: 1,5 x 1,25 м. Размеры сырцовых "блоков" 40 x 20 x 8 см. Цвет их серый с зеленоватым оттенком, ширина прослоек желтого глиняного раствора между блоками 2 см. По-видимому, сырцовые стены возвышались немного и над поверхностью, они постепенно оплыли внутрь погреба, заполнив его внутреннее пространство почти наполовину.

Следует сказать, что на дне погреба не было найдено ни одной находки, а в заполнении, помимо немногочисленных обломков керамики и довольно значительного количества костей животных, обнаружены были обломки различных строительных материалов: кирпичей саркельского типа (8), тонких плиток для вымостки пола (9), черепицы (выпуклой - 12, плоской - 4).

Второй погреб аналогичен первому, более чем вдвое больше его (рис. 19). Погреб южной частью уходил под борт раскопа, выявленная ширина его котлована 4 м, толщина сырцовых стен 0,5-0,7 м, а первоначальная ширина внутренней части погреба равнялась соответственно 3 м. Однако в процессе эксплуатации погреба юго-восточная его стенка, видимо, упала и была реставрирована. Об этом свидетельствует тот факт, что во время перестройки ее сделали втрое шире, наклонной и, что особенно важно, глиняный раствор, на котором положены кирпичи, не оранжевый, как у двух других стенок, а темно-серый. Этой же темно-серой глиной замазан и стык между северо-восточной и юго-восточной (реставрированной) стенками. Выстроенная наклонно стена, естественно, заняла значительную часть погреба: ширина его стала всего 2,1 м. Длина внутренней раскрытой раскопом части 2,4 м. Глубина погреба, как и первого, около 1,2 м - до слоя красной глины. Кирпичи тех же размеров и того же цвета - зеленовато-серого. Сырцовые стены, очевидно, возвышались над поверхностью и, разрушаясь, эта наземная часть оползла внутрь погреба, а местами расползлась вокруг постройки на уровне серого слоя (немного выше прослойки строительного мусора). Помимо глинистых саманных оползней, погреб завален крупными обломками белых блоков, саркельских кирпичей и множеством обломков плиток и черепицы. Видимо, где-то рядом находилось здание, в котором эти строительные материалы были использованы, хотя, конечно, черепицей могла быть покрыта и крыша этого очень большого фундаментального погреба. В завале, как и в первом погребе, находили обломки характерной лощеной посуды, горшков с линейным орнаментом и амфор. Там же обнаружен был клад железных изделий, о котором подробнее говорилось в главе 1.

Представляется очевидным, что сырцовые погреба синхронны. Об этом говорит абсолютная идентичность строительных приемов и находок строительных

остатков в них. Правда, исследование заполнения погребца II дало несколько иную картину, чем в первом погребе, явно заброшенном, затекшем обвалом стен и затем засыпанном при разборке стен обломками камней. Второй погреб был менее сохранным и устойчивым. Мы видели, что одна его стена была даже подреставрирована и скошена для предотвращения, видимо, очередного обвала. Это свидетельствует о том, что погреб функционировал дольше первого, не исключено, что уже после строительства стен. На одном из профилей прослеживается разлив серой глины, которая была связующим раствором при восстановлении юго-восточной стенки, перекрывающей слой строительного мусора крепостных стен. Это позволяет уверенно говорить о том, что погреб ремонтировался уже в период после (во всяком случае на данном участке) белокаменного строительства. Однако ремонт был, как мы видели, небрежным, и погреб быстро пришел в негодность.

Практически оба погреба являются усовершенствованным вариантом обычных конусовидных хозяйственных ям, стенки которых, как мы видели, все обмазаны глиняным раствором и даже бывали слегка для крепости обожжены, а пол в большинстве ям - крепкая красная материковая глина. Ничем не закрепленная на песчаной поверхности стенок глина быстро осыпалась, и ямы забрасывались. Для большей прочности стенок широко пользовались оплетением их своеобразными круглыми "корзинами" без дна, закрепленными на дне ямы по периметру кольями каркаса "корзины" и затем уже обмазанными глиняным раствором.

Два обнаруженных нами вероятных производственных комплекса находились на северо-западном участке центрального укрепления крепости в непосредственной близости от северной крепостной стены (раскоп IV). Они остались недоисследованными из-за модного каменного завала (1,5 м толщиной), перекрывающего здесь площадку городища (рис. 30).

Вскрытые нами части обоих помещений и полученные в разрезе профили свидетельствуют о том, что они погибли раньше начала строительства, поскольку были затянuty древним гумусным слоем и очень слабо выделялись даже на поверхности предматерикового слоя, в этой части довольно сильно гумусированного. Обнаружить их удалось только благодаря набросу рыбьей чешуи, находке разбитого горшочка, нескольким человеческим костям над одним из них (26) и некоторой заглубленности второго (27), в котором также по всей поверхности лежал слой рыбьих отбросов. Перекрывающий постройки черный древний гумусный слой, в свою очередь, перекрыт завалом камня, о происхождении которого судить трудно. Вполне возможно, что этот единый массив является строительным мусором (на плане Санцыперова он здесь был). Однако толщина каменного слоя, несмотря на отсутствие стратиграфически разделяющей его гумусной прослойки, заставляет предполагать, что он образовался в два приема (во время строительства и разрушения).

Постройки были, судя по открытым частям, вполне стандартны: углублены в материк на 0,2-0,25 м, прямоугольны с округленными углами и очагами в центре пола. Интерес представляют только примыкающие к ним с углов большие круглые в плане ямы.

Яма первого жилища (в северо-восточном углу) цилиндрическая, диаметром 1,2 м, глубина от предматерика 0,65 м. От ямы идет канал со слегка наклонным в стороны ямы полом (длина его 1,1 м, ширина 0,25 м). В заполнении ямы была найдена крица. Эта находка и канал, возможно, служивший "поддувалом", позволяют сделать предположение, что сооружение в целом было основанием кузнечного горна. Однако полное отсутствие следов огня заставляет отнести к гипотезе о

его производственном назначении с осторожностью. Конечно, вполне вероятно, что "горн" только что соорудили перед гибелью поселения, он не был еще в употреблении и стенки так и остались необожженными.

Яма в юго-восточном углу второго жилища фактически расположена рядом с описанной ямой - всего на 0,4 м севернее. Форма ее тоже цилиндрическая, но она меньше (диам. 1 м, глубина 0,3 м). Яма соединена с частично вскрытым жилищем "входом", длина и ширина которого 0,4 м, а в устье его, опираясь на пол жилища одним краем, лежал белый сильно развалившийся блок, как бы "запиравший" яму. С восточной стороны в стенке ямы прослежен небольшой полукруглый подбой. Яма явно не хозяйственного назначения - это не погреб и не кладовка. В какой-то мере она напоминает нижнюю часть небольшой круглой в плане катакомбы "салтовского" типа. Поскольку вырыть катакомбу в песке невозможно, купол ее могли изготовить просто из дерева (плетеный, дощатый) и завалить землей. Как и в предыдущем случае, постройка, видимо, не была завершена, поэтому никаких остатков ил следов деревянного свода до нас не дошло.

Наличие аланской катакомбы на хазарском поселении казалось бы невероятным, если бы мы не знали, во-первых, о том, что во дворе Саркела также была обнаружена одна катакомба с захоронением частей скелета (26, с. 209, рис. 143) и, во-вторых, о присутствии долихокранного (аланского) поселения на Правобережном поселении свидетельствуют и антропологические данные (23, с. 301). Наконец, важно отметить, что аланы и болгары в Хазарском каганате нередко сооружали погребальные комплексы в заброшенных жилищах или погребках, поэтому нет ничего необычного в сочетании остатков жилой постройки с погребальной камерой (26, с. 12, рис. 3; 27, с. 91, рис. 40 и др.).

Подведем некоторые итоги о конструкции, строительных приемах и деталях обстановки жилых и хозяйственных построек поселения на Правобережном мысу.

1. Всюду на вскрытых нами участках котлованы жилищ врезаны в предматериковый слой. Как правило (почти всюду), это серовато-желтый песок. Только местами он гумусирован почти так же сильно, как и перекрывающий его и заполняющий котлованы разрушенных жилищ культурный черный, насыщенный нахodkaми слой.

2. Все основания обнаруженных на мысу построек в той или иной степени углублены в землю, причем некоторые из них настолько глубоко, что их можно назвать полуземлянками (угл. на 0,5-0,6 м).

3. Подавляющее большинство жилищ в плане были круглыми или квадратными с настолько "скругленными углами", что трудно решить круглым или квадратным следует считать исследуемое помещение. Размеры жилищ колеблются с 6 до 12-16 кв. м.

4. Пол во всех жилищах ровный, обязательно материковый (желтый плотный песок), без подмазки глиной.

5. По периметру котлована в полу жилища прослеживаются ямки от жердей каркаса стен, свидетельствующие о том, что каркас ставился внутрь котлована и закреплялся в нем путем вбивания жердей в пол. Однако последнее совершалось не всегда. Нередки случаи, когда в полу закреплялись только несколько жердей, а иногда, бывало, что и ни одной. В нескольких жилищах удалось проследить ямки от каркасных колышек не только внутри котлована, но и вдоль внешнего его контура на поверхности предматерика. Это позволяет предполагать, что стены были "двойными" или, что вероятнее, каркас ставился неоднократно - один раз изнутри, другой - снаружи, как бы перекрывая котлован.

6. Судя по тому, что ямки от жердей всегда вертикальны, стены построек в нижних их частях также были вертикальными. В двух-трех котлованах сгоревших жилищ удалось проследить остатки рухнувших жердей (толщина их 4-5 см), а по ним предположительно восстановить "частоту" переплета каркаса, то есть соотношение друг с другом вертикальных и горизонтальных жердей: размеры каждой ячейки 0,4 x 0,6 м.

7. Каким же было покрытие жердевого каркаса? Уверенно мы можем говорить, что каркас не был основой турлучной постройки, то есть не был оплетен и затем обмазан глиной. Ни в одном из котлованов ни разу нами не было обнаружено ни остатков сгоревшего плетня, ни обожженных кусков обмазки с отпечатками плетня, ни оплывов глины вдоль стен котлованов. При этом нельзя считать, что принцип турлучного строительства не был известен в поселке, поскольку стенки хозяйственных ям, как мы видели, укреплены плетнем и глиняной обмазкой. Очевидно, покрытие этих решетчатых стен было каким-то органическим, достаточно тонким и потому нигде не сохранившимся. Однако в нескольких случаях нам удалось проследить по всей поверхности пожарища, в котором погибло жилище, тонкий слой, вернее "налет" черной сажи, которая, как мы полагаем, была остатком от сгоревшего войлока или кожи, покрывавшей каркас. Интересно, что в жилище 1 следа этой сажи не было над очагом (в центре котлована). Видимо, над очагом в покрытии было отверстие, равное диаметру очагу. Пожар, как уже предполагалось, происходил в безветренную погоду, и потому рухнувшее перекрытие легло ровно и не было развеяно позже, возможно в результате начавшегося дождя, промочившего весь пласт пожарища и как бы "законсервировавшего" его.

8. В центральной части пола располагался так называемый открытый очаг. В настоящее время известно несколько типов открытых очагов. В исследуемых жилищах они относятся к двум простейшим типам: кострообразному и тарелкообразному. Первый представлен примерно в трети раскопанных помещений. Это просто обожженные пятна пола диаметрами 0,5-0,6 м, но, если это "дополнительный" очажок, он бывал и много меньше. Как правило, площадь очажков строго ограничена, однако попадались очаги и с расплывчатыми очертаниями, достигающими в поперечнике 0,7-1 м. Тарелкообразные очаги размерами равны очагам первого типа. Изредка они имеют не круглую, а продолговатую в плане форму, в таких случаях длина овала примерно в полтора-два раза больше его ширины. Название "тарелкообразные" условно, так как очаги данного типа представляют собой скорее сегментовидные в разрезе углубления - скорее пиалы или плоские блюда (углубление не более 0,1 м). Поверхность очагов без обмазки, никаких обкладок камнями краев очага также ни разу не прослежено. Материковая поверхность очагов обоих типов сильно прокалена, и ее покрывал слой золы и угля. Ясно, что очаги ежедневно чистились. На ряде хазарских поселений рядом с жилыми постройками были обнаружены большие кучи золы. Представляется весьма вероятным, что зола из очага, как и сам очаг, была почитаема и бросать ее на ветер или в помойку было не принято. Однако на Правобережном поселении таких куч золы не было - их просто негде было разместить, так как жилища стояли слишком близко друг к другу. Возможны были и иные причины, но мы остановимся на них ниже.

Следует сказать, что разница между очагами первого и второго типов очень незначительна. Дело в том, что при многократной очистке места кострообразного (плоского) очага на песчаном полу оно естественно углублялось и в результате мог образоваться очаг второго типа.

9. Вокруг очага, как минимум, находились две ямки более глубокие и массивные, чем остальные. Очевидно, это остатки приочажной П-образной конструкции, на перекладине которой укреплялась цепь (или ремень) для подвешивания железного казана или глиняного котла с внутренними ушками. И очаг, и котел над ним были основной частью интерьера жилища, имеющего не только сугубо практическое, но и ритуальное значение (7, с. 58).

10. Помимо очага, в ряде жилищ были обнаружены небольшие ямки с сильно обожженной, обмазанной глиной поверхностью, изредка наполовину заполненные золой и мелкими угольками. К. И. Красильников справедливо полагает, что это были тандыры - своеобразные хлебные печи (22). Несомненно, это начальная форма тандыров, в дальнейшем развитии они "поднялись" из земли, превратившись в довольно крупные глиняные, слепленные в виде конусов сооружения.

11. Иногда (в трех жилищах) рядом с очагами были обнаружены полусферические (пиалообразные) ямки с вбитым в их дно колом. На других поселениях вместе с аналогичными ямками, как правило, находились развалы производственной глины для изготовления керамической посуды (25, с. 42-44). В данных жилищах никаких следов производства посуды не было. Надо сказать, что изготовление лепной или сделанной на "домашних" кругах керамики здесь не было крайней необходимостью, хотя некоторое количество обломков лепных кухонных горшков в заполнении жилищ и слое было зафиксировано. Основной "массив" керамических обломков принадлежит прекрасно сформированной на быстро вращающихся кругах сосудах разной формы и типов (см. след. главу этой работы). В связи с этим возникает иное объяснение остаткам конструкций в виде пиалообразных ямок. Скорее всего здесь это след столь же неподвижно закрепляющихся в полу устройств, а именно ручных мельниц.

12. Весь пол большей части жилищ буквально усеян многочисленнейшими ямками от вбитых в него кольев. Очевидно, эти колья были ножками каких-то находившихся в жилищах предметов мебелировки. Как правило, восстановить их форму невозможно. Исключением является явно полукруглое в плане сооружение (оконтуренное ямками), примыкавшее к стене жилища. Оно прослежено в пяти жилищах и типологически всюду одинаково. В одной из предыдущих работ (7, с. 52) я высказала предположение, что на этом полукруглом сооружении располагался "т±р", то есть наиболее привилегированное место в юрте - место хозяина и священного покровителя данного дома - тенгри (скорее всего духа предка). Т±ры должны были бы быть в каждом жилище, но в остальных раскопанных нами помещениях подобных полукругов выявить не удалось. Вполне возможно, что они были иными, менее выразительными по форме в плане или сделаны не на деревянной основе, а из других материалов: белых блоков, кирпича и просто в виде материкового останца. Подобные сооружения - возможные составные части т±ров, были обнаружены во многих исследованных жилищах.

В единичных случаях в полу через все жилище прослеживается ряд ямок, отсекающих широкий сегмент площади: это, возможно, следы перегородки или ложа. Остальные ямки, хотя иногда и компануются в какие-то геометрические правильные фигуры (прямоугольные и квадратные), вряд ли необходимо и правомерно связывать с мебелью определенных форм, так как композиции могли образоваться и случайно.

13. В нескольких жилищах правильный круглый или овальный контур котлована нарушался своеобразным круглым или полукруглым выступом, условно называемым нами "нишей". Это была дополнительная площадь, предназначенная

для хозяйственных нужд. Размеры ниш в поперечнике редко бывали более 1 м. Однако представляется весьма вероятным, что так называемые “двухкамерные” постройки следует считать жилищами с дополнительными хозяйственными пристройками - просто в них были выступы (ниши), значительно превышающие по размерам обычные, но отделенные от жилой части перегородками и использующиеся, очевидно, только в хозяйственных целях - для мелких домашних работ (28, с. 26). В одной из таких пристроек-ниш нами была обнаружена большая прекрасно оборудованная хозяйственная яма, приспособленная для хранения муки или крупы.

14. Хозяйственные ямы-погребки нередко располагались именно на дополнительной площади ниш, практически занимая всю нишу. В таких случаях это просто вынесенная за пределы жилища хозяйственная углубленная пристройка (погреб).

Иногда такие погребки выкапывались и на основной площади жилища, как это делалось в постройках большинства исследованных салтово-маяцких поселений. Изредка выкапывались на этом поселении и ямы рядом с жилым помещением. На других поселениях такие ямы насчитываются десятками, а в Саркеле - сотнями. Как правило, они служили зернохранилищами. Очевидно, здесь надобности в таких зернохранилищах не было.

15. Помимо погребов, в полу жилищ нередко попадались разнообразные по размерам, но обычно слабо углубленные чашевидные ямки. Частью каких сооружений они являлись - неясно.

16. Одним из наиболее сложных вопросов планировки жилищ - определение местонахождения входа. Определяются они в каждом конкретном случае, во-первых, по стертости предматериковой поверхности и стенки котлована на узком участке, во-вторых, по “порогу” в виде лежавшего у входа кирпича и, в-третьих, проем входа прослеживается иногда по двум ямам, вырытым для более массивных столбиков, диаметры которых достигают 0,1 м. Зафиксированы все эти “признаки” входов только в 12 жилищах, в остальных они неопределимы. Известно, что ориентировка жилищ была у степных народов строго регламентирована. Но на Правобережном поселении она не единообразна, хотя как будто преобладает южная ориентировка, типичная для тюркских этнических групп. Существенно отметить, что обнаруженные следы тёров всегда располагались напротив входа, что соответствует этнографическим данным о расположении этого почетного места в юртах степняков.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют нам с полным основанием считать жилища юртообразными или просто юртами, используя этот термин в качестве общего наименования вида открытых построек. Однако известны различные типы и варианты юртообразных жилищ от ставившихся на телеги подвижных “кибиток” до вкопанных в землю полуземлянок, то есть стационарных построек. На Правобережном поселении были открыты именно стационарные юртообразные жилища, более или менее углубленные в землю. Говорить о конструкции верхней части жилищ сейчас, как говорилось, трудно. Мне представляется, что есть некоторые основания говорить о том, что деревянный каркас был “решетчатым”. Вполне возможно, что это была наиболее примитивная форма “решетки” типа описанного Радловым жилища алтайских тюрков: “Они состоят из цилиндра вышиной приблизительно аршина 1,5, на верхний конец которого опирается кеглеподобная крыша... Остов нижней вертикальной стены юрты делается из палок, вертикально воткнутых в землю, которые наверху скреплены посред-

ством поперечных колец... свет в них проникает отчасти через дверь, отчасти через дымовое отверстие..." (28, с. 23-24). Л. Г. Нечаева полагала, что такими и были правобережные и саркельские юрты. Следует сказать, что остатки поперечных колец и следы отверстия над очагом нам удалось проследить. Наличие колец создавало, во всяком случае в нижней части, "решетку", а значит, подобные юрты были, возможно, первыми шагами к созданию совершенного по исполнению решетчатого съемного каркаса. Впрочем, такой каркас и не был нужен в углубленных юртах - алтайский вариант каркаса был рациональнее и устойчивее.

Более фундаментальных жилых построек в этом слое обнаружено не было. Открыты были только обстоятельно сложенные из сырцового кирпича два погребка. Были ли они отдельными постройками или нижними (подвальными) сооружениями наземных строений, выяснить не удалось.

Несмотря на то, что площадь поселения вскрыта нами далеко не полностью, а точного плана расположения жилищ в большом центральном раскопе И. И. Ляпушкина не сохранилось, попытаемся восстановить топографию поселения. Напомню, что Ляпушкин снял перед закладкой своего раскопа подробный нивелировочный план (горизонталь через 0,1 см) центральной части городища (рис. 2). Это дало нам возможность выявить чуть видимые западины, которые, как оказалось благодаря нашим раскопкам, в какой-то мере совпадают с месторасположением котлованов жилищ, хотя, конечно, они сильно расплывчаты, некоторые совсем не видны, а другие сливаются друг с другом. Несмотря на неточности, все-таки можно, видимо, сопоставить некоторые явные западины на поверхности раскопа Ляпушкина с котлованами жилищ и так хотя бы частично восстановить расположение нескольких жилищ на этом участке поселения.

Первое впечатление об общем расположении жилищ в поселке не дает ясного представления о каком-либо устойчиво сохранявшемся порядке (рис. 35-37). Исключением является уже неоднократно упоминавшееся в литературе размещение семи жилищ по кругу с большой (восьмой) юртой в центре (17). Это широко известное и не менее широко используемое в степном кочевом мире построение стойбища, о чем писали в IV в. Аммиан Марцеллин о гуннах, а через 1000 лет - в XIV в. - Рашид-ад-Дин. Первый сообщал: "Придя на изобильное травую место, они располагают в виде круга свои кибитки" (29, с. 236-243), а второй писал: "В давние времена какое-либо племя останавливалось в какой-либо местности, оно располагалось наподобие кольца, и старейшина находился в середине (этого) круга подобно центральной точке" (30, с. 86). Такое построение сохранялось у некоторых кочевников вплоть до середины XIX в., причем тогда, как и во времена Рашид-ад-Дина, считалось архаичным (31, с. 100).

На Правобережном поселении благодаря этой планировке появилась четко одна, по-видимому, наиболее влиятельная или ранее других поселившаяся на данном мысу семья, поскольку она заняла наиболее удобное положение на площадке мыса.

Основные восемь юрт окружены юртами второго ряда. Это №№ 3, 4, 10, юрта под завалом камней, обнаруженная в профиле траншеи, а также, возможно, две юрты, предположительно выделенные нами по западинам на раскопе Ляпушкина. К этому же комплексу относится большая хозяйственная яма цилиндрической формы с неровными, но обмазанными красной глиной стенками и красным глиняным материковым дном (яма Б, рядом с жилищем 12). С южной стороны у дна в яме сделан довольно глубокий, но с неровными очертаниями (осыпался?) подбой. Размеры ямы: диаметр и глубина 1,6 м, глубина подбоя 0,5 м.

К югу от этой ямы располагался небольшой тандыр обычной для данного поселения формы, но сильно разрушенный и осыпавшийся. Размеры его: диаметр устья 0,45, дна 0,6, глубина 0,6. Стенки и дно обмазаны довольно толстым слоем глины. В отличие от рассмотренных выше тандыров, глина не обожжена, очевидно, он не был ни разу в употреблении. Причины этого могут быть самые разные. Скорее всего сооружать тандыр вне помещения (без перекрытия) было нерацionalmente: углубленный в землю, он при первом дожде неизбежно был бы залит, что, видимо, и случилось, поскольку тандыр сильно разрушен.

Здесь же - на центральной площадке рядом с большой юртой (к юго-востоку от нее) было обнаружено погребение ребенка, ориентированное головой на юго-восток, уложенного не вытянуто на спине (рис. 20). Ребенку не более 7 лет, это брахикран европеоид, пол неясен (23, с. 301; 24, с. 525-526), у черепа найдена характерная бронзовая литая "салтовская" серьга (рис. 52, 7). Следует отметить, что погребение было совершено почти на древней поверхности, на которую ставили юрты. Объяснить это можно только тем, что над погребением был сооружен небольшой "курганчик" или просто земляная насыпь. Для того, чтобы она не рассыпалась и не раздувалась ветром (она была, как и все в этом поселке, песчаной), ее окружили кусками белого мелового камня. Угол, выложенный этим камнем, дошел до нас. Если предположить, что погребенный лежал точно в середине образованного этими камнями прямоугольника или круга, то первоначально размеры их равнялись примерно 1,75 x 1,75 м, а высота насыпи вряд ли превышала 0,6-0,8 м. Тем не менее, погребение, в отличие от трупов, брошенных незахороненными в сгоревших и разрушенных юртах, осталось сохранным: земля и камни уберегли его.

Следует подчеркнуть, что расположение юрт по кругу было на данном участке мыса, у данной семьи (аила) строго традиционным. Свидетельствует об этом тот факт, что в случаях пожаров, гибели того или иного жилища, входившего в круг или примыкавшего к нему, его восстанавливали точно на том же месте (жил. №№ 6, 10). В обоих случаях более раннее жилище перекрыто более поздним, относящимся к тому же отрезку времени, к которому принадлежит подавляющее большинство юртообразных жилищ.

Расположение остальных жилищ на поселении довольно беспорядочное, хотя и прослеживаются местами какая-то "рядность" или, наоборот, скученность, иногда даже напоминающая круговую планировку. Однако о двух особенностях размещения жилищ на площадке мыса мы можем все-таки говорить более уверенно. Во-первых, жилища на всей площадке распределены неравномерно. Они были сосредоточены на центральной площадке (северо-восточная половина мыса). Много их на юго-западном участке. Жилища совершенно отсутствуют на площадке перед узким перешейком-въездом на мыс и, судя по данным северного раскопа Ляпушкина, их совсем нет вдоль северного края мыса. Во-вторых, несмотря на наличие на мысу явно незастроенных участков, в местах застройки жилища размещаются кучно, близко друг к другу. В нескольких местах скопление юрт настолько тесное, что рядом с ними негде было разместить даже малогабаритную хозяйственную яму. В археологической литературе принято считать, что хозяйственные ямы - хранилища зерна (вроде пифосов в причерноморских античных и средневековых поселениях), но это могли быть и просто погребки, и поэтому отсутствие их на поселении нельзя объяснить исключительно скотоводческим характером хозяйства на нем. Зернохранилище здесь могло быть общим - ими служили прекрасно обустроенные сырцовые погреба. Они были значительно лучше ограждены от вторже-

ний мышей и просто осыпей стен. Вместительность погребов была очень значительна.

Хорошо известен обычай разноэтничных представителей хазарского государства хоронить умерших прямо на поселении в заброшенных жилищах или рядом с функционирующими жилыми комплексами. Об одном таком захоронении ребенка мы уже писали выше. Среди скопления юрт в южной части мыса разместилось еще одно захоронение (рис. 20). Скелет, как и детский, был ориентирован головой на юго-восток, лежал вытянуто на спине, принадлежал мужчине старческого возраста, брахикрану, САМ с монголоидной примесью (23, с. 297). Справа у таза обнаружено пряслице из черепка амфоры. Других находок не было, что характерно для подавляющего большинства рядового населения каганата (см., например, аналогичные захоронения у стен Саркела - 26, с. 55 и др.). Не соответствует общепринятой в этом регионе только ориентировка, которая для степных захоронений этого времени и культуры обычно западная. Что касается могильного сооружения, то оно было, видимо, весьма близко к первому (детскому) захоронению. Дело в том, что могильная яма врежется в древний слой всего на 0,1-0,15 м. Форма ямы прямоугольная с округлыми углами, в предматерике она выделяется довольно четко, но при ее засыпке погребенный не покрывался землей. Необходимо было насыпать над этой могилой холм, иначе труп был бы практически открыт, даже если допустить, что могила была выкопана уже после некоторого накопления культурного слоя вокруг жилищ, то есть на глубину до 0,3 м.

В дальнейшем, при строительстве крепости, холм этот, как и жилища, был сравнен общей, возможно, немного отnivelированной поверхностью.

Наиболее сложный вопрос, с которым мы сталкиваемся при исследовании материалов этого памятника, является его стратиграфия. В целом, все исследователи, в том числе и я, ранее считали этот памятник однослойным. Правда, конечно, и И. И. Ляпушкин (5), и я в отчетах отмечали, что задолго до средневековья на мысу существовало поселение эпохи бронзы, к которой, по моему мнению, подтвержденному находками, принадлежал тот серо-желтый (местами коричневатый) предматериковый слой, в который были врыты основания юрт. Надо сказать, что средневековые жилища так сильно изрезали этот слой, что мы не сочли необходимым следовать "букве закона" ОПИ - вскрывать всю исследуемую площадь до материка. Однако при подчистке поверхности слоя, при подчистке стенок врытых котлованов жилищ постоянно попадались обломки сосудов эпохи бронзы и изредка - кремневые орудия и их обломки. Изучение специалистами этого небольшого материала позволило установить, что слой бронзы также, вероятно, не был единовременен: он относился к двум периодам - ранней и поздней бронзы. Возможно, именно этим объясняется изменение цвета "предматерикового слоя", в отдельных местах очень сильно гумусированного.

Что же касается средневекового слоя, то его, как говорилось, считали монолитно единовременным. Это подтверждалось вещевым и керамическим комплексами в целом абсолютно единообразными на всей глубине культурного слоя, заполнения котлованов и находками на полу жилищ. Правда, на городище было обнаружено несколько вещей, "выпадающих" из этого очень строго датирующегося комплекса. Это, прежде всего, обломки двух фибул, относящихся к кругу "вещей с выямчатой эмалью", о которых Г. Ф. Корзухина справедливо писала, что они находились там во вторичном использовании" (32, с. 20), а также наконечник и обломки пряжки аварского времени (VII в.) и, наконец, обломки сарматского зеркала. Ни слоя, ни отдельных сооружений эти вещи датировать не могут так же,

как не могут датировать его естественно попадающие из нижнего слоя отдельные находки обломков сосудов бронзовой эпохи.

Мне кажется, что сделанные нами в поле наблюдения позволяют в настоящее время с полным основанием считать, что первоначально на мысу возникло поселение - зимовище, состоявшее из нескольких десятков стационарных юрт. Ставились они с уровня поверхности культурного слоя эпохи бронзы, который мы в данной работе всюду условно называли серовато-желтым песчанистым предматериком. Эта уверенность подтверждается несколькими фактами.

Так, у двух жилищ, построенных на поселении (№№ 8 и 19), видимо, одними из первых сгоревших от случайного пожара, обожжена поверхность вокруг котлована на уровне предматерика. Это значит, что она была еще открыта во время пожара, являясь тогда дневной поверхностью возникшего на мысу поселения. Жилище № 19, как мы указывали выше, было восстановлено на том же месте, но площадь его уменьшилась. Второй факт (№ 8) также весьма показателен - на поверхности предматерика четко прослеживаются ямки от каркаса юрты, поставленного не внутрь, а снаружи котлована. Они абсолютно аналогичны по величине и глубине ямкам в полу. Проследить эти ямки на поверхности предматерика было возможно только в том случае, если колья были вбиты именно в эту поверхность.

Надо сказать также, что хозяйственная яма у жилища 12 и полуразвалившийся тандырчик рядом с ней явно выкопаны с уровня поверхности предматерика, поскольку прослежены их верхние края (устья).

Таким образом, в период средневековья жизнь на мысу началась с поверхности древнего поселения эпохи бронзы. Теоретически за период от бронзы до средневековья должен бы был накопиться стерильный слой, который мы обязаны были зафиксировать хотя бы в профилях. Может быть, он и был в виде тонкого слоя перегноя, накопившегося за несколько тысячелетий, но мы его не смогли уловить, так как он, вероятно, по цвету не отличался от перекрывающего "бронзовый слой" (предматерик) черного сильно гумусированного слоя времени жизни и гибели поселения на мысу.

Мы видели в начале данного раздела при исследовании конкретных комплексов, что черный гумусированный песчанистый слой всюду окружает жилища и является основным их заполнением поле разрушения.

Следует сказать, что слой этот свидетельствует об интенсивной жизни поселения не только из-за своего черного, явно насыщенного органическими выбросами цвета, но и большого количества находок, преимущественно, конечно, обломков керамики и костей животных.

Во время полевых экспедиционных работ мы фиксировали на планах трех основных раскопов (№№ I, IV, V) местонахождение всех находок в культурном слое городища от современной поверхности до предматерика по нескольким "пластам", то есть по глубинам (рис. 10; 11; 38 и 39). Поскольку толщина средневекового культурного слоя на всех трех раскопах различна, количество "пластов" там также разное. В раскопе I - три пласта: 0-0,2 м, 0,2-0,4 м, 0,4-0,65 м. В раскопе IV всего два пласта: 0-2,2 м и 0,2-0,4 м. В раскопе V их четыре: 0-0,2 м, 0,2-0,4 м, 0,4-0,6 м, 0,6-0,8 м.

Перед тем, как перейти к материалам, характеризующим пласты культурного слоя, отметим, что находки распространены на площадях раскопов очень беспорядочно. Это отличает данное поселение от других салтовских поселений, где находки, как правило, с самого верхнего пласта сосредоточиваются над остатками жилых или хозяйственных комплексов и в их заполнениях. В разведках мы даже

определяли наличие разрушенных жилищ по скоплениям обломков керамики и костей на распаханной поверхности поселения. Что касается Правобережного поселения, то здесь над жилищами скоплений находок почти не наблюдалось, хотя не всюду и не во всех пластах находки распределялись равномерно по всей площади.

Рассмотрим распределение находок сначала в нижних напластованиях, то есть в черном, наиболее раннем культурном средневековом слое поселения. Естественно, что наши "пласты", или "штыки", толщиной в 0,2 м не совпадали с выделенными позднее, после анализа профилей и разрезов, слоями культурного слоя. При рассмотрении материала нижних напластований мы используем данные не только нижнего третьего, но и второго - среднего пласта, который, как мы увидим, представляет особенный интерес.

Раскоп I. В нижнем пласте находки располагались абсолютно бессистемно. В северной части раскопа они попадались даже не во всех квадратах: почти на половине площади находок вообще не было. Зато в южной части раскопа их было много. Среди них преобладали обломки костей животных. Вторым компонентом находок в этой части раскопа были обломки строительных материалов: кирпичей, черепицы, плиток пола. Остальные находки нижнего пласта - обломки характерной хазарской керамики: лощеных сосудов, кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом (среди них один обломок котла с внутренней ручкой), амфор, крупного красноглиняного толстостенного пифоса и лепных горшков. Аналогии всем обнаруженным группам керамики и отдельным типам известны прежде всего в Саркеле, который находился от этого поселка всего в 15 км по прямой или немного дальше по реке вверх по течению.

В среднем пласте, глубина которого 0,2-0,4 м находок вдвое больше, чем в нижнем. Много обломков строительных материалов: кирпичей, черепиц, плиток пола. Преобладают среди находок многочисленные обломки костей животных. Керамический материал в целом тот же, что и в нижнем пласте: обломки лощеных сосудов, кухонных с линейно-волнистым орнаментом, котлов с внутренними ушками, амфор. Распределение находок по всей площади раскопа более равномерное, однако есть и очень заметное своеобразие в их содержании - очень много так называемых "индивидуальных находок", в основной массе - орудий труда: деревообделочных инструментов, сельскохозяйственных орудий, рыболовных крючков, железных частей конской упряжи и самых разных бытовых предметов. Это изобилие находок создает впечатление, что они были просто потеряны или разбросаны (брошены) на поверхность поселения во время обрушившегося на него бедствия. В процессе раскопок мы не смогли точно уловить уровень этой поверхности, но, вероятно, это были верхние 10 см черного слоя - на него падали и в него втаптывались все эти предметы. Массовые же находки накапливались в слое постепенно - вместе с ростом самого слоя.

В соседнем **раскопе IV** культурный слой значительно тоньше, поэтому выделить в нем "прослойку бедствия" значительно труднее: вещи начинали попадаться уже на глубине 0,2 м и пронизывали почти весь черный слой до "предматерика". Находок в слое сравнительно меньше, чем в предыдущем раскопе, и набор их беднее. Характерно, что почти полностью отсутствуют в слое обломки кирпичей и совсем нет обломков черепицы и плиток пола. Преобладают в слое обломки костей животных, а из керамической посуды обломки лощеной посуды и кухонных горшков с линейным орнаментом. Обломков лепных горшков всего три, а амфор - два. Среди индивидуальных находок чаще всего встречаются об-

ломки железных котлов (казанов) и другие хозяйственные бытовые предметы, хотя, конечно, и здесь попадаются изредка сельхозорудия и даже отдельные предметы вооружения. В целом этот участок явно беднее предыдущего, где, как говорилось выше, юрты были побольше и спланированы по кругу, а здесь почти все расширенные нами жилища не превышали диаметрами 3 м.

Раскоп V. Значительно отличается от двух предыдущих участков содержание черного слоя этого раскопа, расположенного соответственно на расстоянии 40 и 60 м южнее их. Черный ранний слой здесь вдвое толще, то есть примерно 0,4-0,5 м. Нижние 20 см этого слоя характеризуются в основном явным преобладанием обломков костей животных, но попадаются среди них обломки лощеной посуды, кухонных горшков с линейным орнаментом, лепных горшков, амфор, а также несколько обломков кирпичей и даже 10 индивидуальных находок - разных бытовых предметов. Следующий (вышележащий) пласт относится к этому же раннему слою существования жилищ. Он насыщен находками интенсивнее, хотя есть квадраты совсем без находок (впрочем, в нижней части слоя они тоже были). Костей животных в слое много, но много попадает и самой разнообразной керамики: обломков лощеной посуды, горшков с линейным орнаментом, амфор и лепных горшков. Поскольку самая верхняя часть этого слоя является, по нашему мнению, "прослойкой бедствия", то именно в ней и были сосредоточены почти все индивидуальные находки этого пласта. Думается также, что и часть перекрывающего пласта в своей нижней части также относилась к этой прослойке и индивидуальные находки в нем также с большой долей вероятности можно относить к той же прослойке гибели поселения. В целом, состав находок очень однороден - это, в подавляющем большинстве, различные бытовые предметы или обломки их (много пластин от железных котлов).

Таким образом, пронизанный находками, аналогичными саркельским и близким ему поселениям, мы, естественно, относим черный слой к эпохе средневековья, причем синхронного саркельскому. Подробнее обоснование датировок будет сделано при анализе находок в следующей главе. Сейчас нам важно установить, что слой, окружавший жилища и частично заполнивший их, - средневековый. Не вызывает сомнения, как представляется, и датировка самих жилищ, в большинстве которых (на полу и у очагов) обнаружены были белые меловые блоки и их обломки, саркельские кирпичи и сооружения из них, характерные целые или раздавленные, но полностью восстанавливаемые хазарские (салтовские) сосуды, наконец, монетный "клад" в голенищах сапог убитой женщины и клад железных сельскохозяйственных и кузнечных орудий.

В предыдущей главе мы писали, что черный гумусированный слой покрывал всю поверхность мыса до постройки на нем крепостных белокаменных стен, которые ставились прямо на дневную поверхность этого слоя. В данном случае важно отметить, что жилища до начала строительства уже были довольно сильно затянута наплывшим в них окружающим культурным слоем, а непогребенные убитые люди основательно растащены и изгрызаны диким зверьем. Крепость стали возводить на уже свободной от поселения площадке. Оставшиеся еще заметными западины жилищ, остатки трупов (а вернее человеческих костей), были слегка забросаны камнями и часто просто использовались в качестве помоек - туда сбрасывали остатки рыбообделочного промысла: чешую, крупные кости больших осетров и стерлядей. Потом они присыпались землей. Все это составляло вместе со строительным сором слой или, вернее, прослойку времени строительства крепостных стен. Сей-

час трудно сказать, какой период времени отделяет гибель поселка от строительства крепости, можно только предполагать, что он не был длительным.

Самым существенным подтверждением этого является полная идентичность керамического комплекса верхнего слоя городища (от поверхности до 0,2-0,4 м). Это те же обломки лощеных сосудов и кухонных горшков с линейным орнаментом, амфор, небольшое количество обломков кирпичей и черепицы. Индивидуальных находок мало: на всю довольно большую площадь трех раскопов их в этом слое всего 11. Как правило, они попадались среди скоплений керамических обломков. Типологический состав их тот же, что и в нижележащих пластах культурного слоя.

В первой главе мы рассмотрели содержание слоя, начиная от строительства на мысу крепостных сооружений и кое-каких синхронных им построек до уничтожения белокаменных стен в XVIII в.

Совершенно ясно, что поселение из стационарных юртообразных жилищ не синхронно крепости. Надо сказать, что этот вывод противоречит выводам всех моих предшественников, в том числе и моим. Это значит, что в заключительной главе данной работы, после более подробного, чем это сделано выше, исследования вещевого материала памятника и в связи с этим более обоснованных заключений о его хронологии, мы должны будем пересмотреть весьма существенные исторические выводы, которые сделаны были об этом памятнике.

Глава 3. Находки и хронология

В раскопках 1958-1959 гг. нами было обнаружено более 150 предметов, изготовленных из глины, камня, кирпича, железа. Необычайная сохранность железных изделий на этом памятнике объясняется, очевидно, сухостью песчаного грунта, из которого практически состоял весь мыс. Железные изделия самого различного назначения: оружие, сельскохозяйственные, столярные, кузнечные орудия, части конской сбруи, обломки котлов (казанов), склепанных из длинных пластин, явно преобладают среди "индивидуальных" находок на городище. Очень мало (буквально единичные находки) найдено предметов из других металлов, в основном это украшения.

Однако естественно, что больше всего в слоях городища было обнаружено обломков керамической посуды. Целые или раздавленные, но собирающиеся полностью, сосуды - большая редкость. Обычно же - это только обломки сосудов. Следует учитывать, что в настоящее время мы хорошо представляем себе весь так называемый "салтовский" керамический комплекс, которым широко пользовались жители поселка, а позднее - крепости. В поле мы вели подсчеты обнаруженных обломков керамики и по слоям и по квадратам с учетом их принадлежности к определенным группам сосудов. В первый год раскопок было взято почти 1000 обломков - почти все, что было обнаружено, во второй, имея уже достаточный опыт, такая тотальная "музеефикация" материала не представлялась нам необходимой, хотя при общих полевых подсчетах все, даже мелкие, но определимые обломки, конечно, учитывались. То же касается стройматериалов: обломков кирпичей, плиток, черепицы. Все целые кирпичи обмерены так же, как и все целые меловые блоки и даже их более или менее крупные сохранившиеся обломки.

В предыдущей главе мы видели, что в самих жилищах, на полу и у очагов, вещи попадались крайне редко. Еще реже они встречались в каких-то собранных воедино комплексах: одном монетном кладе и двух кладах железных вещей. Остальные вещи были просто в суете бегства или погрома и грабежа разбросаны по поверхности. Безусловно, частично они были потеряны и при жизни поселка.

Так, например, серьга из жилища 6 была утащена мышкой в норку и только при расчистке норки обнаружена нами. Все сказанное позволяет нам рассматривать обнаруженные вещи не комплексами, а по категориям, а внутри категорий, если это необходимо, по видам, типам и вариантам. Необходимость будет возникать в тех случаях, когда нужно будет точно установить типологическую принадлежность предмета, давно уже четко выделенную по материалам других памятников.

Следует сказать, что в работу включены и некоторые вещи из раскопок И. И. Ляпушкина, не попавшие в его публикацию, но представляющие определенный интерес при интерпретации обнаруженных нами деталей аналогичных предметов.

После этих предварительных замечаний начнем рассмотрение находок с вещей, имеющих отношение к вооружению и всадничеству. Набор оружия в целом характерен для степного воина. Находки на городище состоят из копий, остатков луков со стрелами, колчанов, боевых топориков. Разумеется, входили в вооружение сабли и различные части оборонительного доспеха - от шлемов до панцирей и кольчуг. Однако в культурных слоях поселений, даже погибших от неожиданного налета, практически никогда не находят сабель. Это дорогое изделие степных мастеров не бросали на поле битвы - его (даже сломанное) подбирали победители. То же относится и к оборонному доспеху. Сделанные из тысяч колечек, сотен тщательно выкованных пластинок, кольчуги и панцири также не оставались на телах убитых врагов. Тем более, конечно, такое оружие не могло "потеряться" в поселке или быть спрятанным во время опасности: его брали с собой и надевали на себя защитники крепости. То, что у убитых врагов оружие отбиралось, объясняет, видимо, факт небольшого количества предметов вооружения, обнаруженных на городище.

Самой распространенной находкой являются наконечники стрел (рис. 40). Тем не менее, нам на всей вскрытой нами площади удалось обнаружить всего пять наконечников, но в раскопах И. И. Ляпушкина их было найдено более 30 (рис. 40,7-35). Возможно объясняется это большей близостью его раскопов к границам поселения, на которые в первую очередь (особенно со стороны коренного берега) обрушился шквал стрел. После победы они даже не все были собраны. Что касается типологии, то типы наконечников, найденных на Правобережном городище, хорошо известны специалистам, занимавшимся средневековым оружием. Надо признать, что, несмотря на то, что прошло уже четверть века, работа А. Ф. Медведева (33), посвященная стрелам, не устарела до сих пор. Новые исследователи оружия очень интенсивно пользуются ею, создавая свои "новые" типологии, по существу, абсолютно адекватные медведевским. Стрелы - самый архаичный вид оружия, как говорил нам на лекциях А. В. Арциховский. Он имел в виду стрелы бронзовой и скифской эпох, но в такой же степени это относится и к средневековью.

На громадных пространствах, на протяжении почти тысячелетия стрелы изменялись очень мало, а новации вводились синхронно всюду по всей Евразии.

Это позволяет нам пользоваться типологией Медведева, не меняя ее, не давая своих описаний наконечников и своей нумерации типов. Согласно Медведеву, стрелы на Правобережном городище все черешковые. Примерно 25% их трехлопастные (типы 14 и 15). По многочисленным аналогиям Медведев правильно датирует эти типы от VIII до середины X в. (336 с. 59). Преобладают на городище так называемые "плоские" наконечники, половина которых на самом деле в разрезе имеет форму уплощенного ромба.

Среди плоских характерны пятиугольные наконечники, датировка которых также в целом не выходит за рамки VIII-XI вв. (тип 36), и килевидные небольшие (тип 38, вариант I¹). Ф. Медведев делит типы стрел на виды. Я считаю, вслед за А. В. Арциховским, что вид - более крупная единица классификации, и потому сочла возможным наименование "вид" заменить словом "вариант". Сути типологии это не меняет.>), относящиеся к тому же времени. К плоским же относятся и ромбовидные наконечники с наибольшим расширением в верхней части (тип 52, вариант I). Хотя обычно они встречаются в более поздних памятниках, но именно этот вариант наиболее ранний - аналогии ему встречаются в памятниках начиная с VIII в.

Попадаются на городище стрелки ромбовидные или овальные (эллипсовидные) в сечении. Форма их пера почти треугольная с длинными верхними сторонами и короткими, иногда почти вертикальными нижними. Они датируются Медведевым VIII-X вв. (тип 52). К этому же типу относится и изящный наконечник стрелки со слегка выпуклыми верхними гранями, вогнутыми нижними и длинным черенком (вариант 4, рис. 40,30).

Были обнаружены на городище и стрелки совершенно уникальных форм. Это, во-первых, два срезня: тип 56 - фигурная прорезная лопаточка и тип 59 - двурогий срезень. Датируются они VIII-X вв, но двурогие срезни доходят даже и до XI в. Последний тип наконечника, встреченный на Правобережном городище, - ланцетовидный без упора (тип 62, вариант I), дата его - IX - первая половина XI в. (рис. 40,30).

Вполне понятно, что от кожаных колчанов на городище сохранились только их металлические части - железные небольшие крючки от придонных ремней. Некоторые из них выкованы с большим искусством, но в общем они все относятся к одному типу и состоят из петли для ремня и крюка для цепляния ремня к поясу воина (рис. 40,37-41).

Несмотря на очень большое количество обломков костей животных и рыб в слое, костяных вещей в нем очень мало (рис. 41, 1, 2). Так, от лука сохранились только обломки одной плечевой фронтальной накладки и концевая характерная накладка с глубоким вырезом для тетивы. Для уточнения датировки эти вещи дать ничего не могут.

Единичны на городище и находки наконечников копий и их обломков: целых экземпляров, хотя и с сильно поломанными втулками обнаружено всего три (рис. 40, 1-3). Все они относятся к одному типу, но по форме пера их следовало бы разделить на три варианта: треугольный, неправильно ромбовидный, листовидный. Такое деление имело бы, вероятно, смысл, если бы копий этих вариантов было много и распространение их на городище можно было бы проследить стратиграфически и топографически. Датировка этого типа по аналогиям с древностями Второго Восточно-Тюркского каганата VIII-X вв. (34, с. 162, рис. 71), а по Кирпичникову (типы I и III) - IX - начало XI в. (35. с. 7, рис. 1).

Помимо копий указанного типа, нами в слое были обнаружены очень массивные обломки "копьевидного" орудия с листовидным лезвием уплощенно-ромбовидным в разрезе (рис. 40,4, 5). Видимо, это обломки не копья, а рогатины, использовавшейся для охоты на крупного зверя. Столь же редким оружием, в целом вообще неизвестным в степях, были сулицы - небольшие листовидные черешковые наконечники, которыми не только сражались в рукопашном бою, но и метали во врага на сравнительно небольшое расстояние (рис. 40,36). Как попала сулица на хазарское городище, пока неясно.

Не исключено, что наконечником копья, безусловно, самодельным, можно считать и конусовидную, свернутую из листа железа трубку, кстати, сохранившуюся очень плохо (рис. 40,6). Такие так называемые втоковидные наконечники были известны в степях в несколько более позднее время - среди печенегов и половцев. Втоковидными (трубчатыми) назвали их потому, что предположительно считалось, что их закрепляли на древке копья с противоположного от наконечника конца для укрепления древка и, возможно, дополнительного использования в бою. Однако, вполне возможно, что многие кочевники пользовались "втоками" в качестве основных наконечников, поскольку изготовление настоящего копья с прекрасно кованым наконечником не всегда было по карману рядовому кочевому воину.

Орудиями ближнего боя были и боевые топоры (рис. 41, 3, 4). Мне уже приходилось писать, что топоры широко использовались в аланском наборе вооружения, в степях же им предпочитали копья и сабли (7, с. 158). О нераспространенности топоров в древнетюркских войсках писал и Ю. С. Худяков (34, с. 157). Интересно отметить, что степные топоры и, в частности, обнаруженные на Правобережном поселении, типологически сильно отличаются от красивых и необычайно пропорциональных аланских топориков. Оба они с длинным массивным неправильно треугольным и довольно узким лезвием и коротким молоткообразным обухом. На Дмитровском могильнике было обнаружено более 70 боевых топоров и только один относился к тому типу, что описанные (25, с. 75, рис. 35). В то же время для древнетюркского вооружения были характерны достаточно массивные и тяжелые топоры, только с более длинным, но также молоткообразным обухом (34, с. 162).

В настоящее время в науке утвердилось мнение о типичности для комплекса вооружения кочевника кистеней, преимущественно костяных с железным стержнем. По-видимому, следует считать случайностью, что на изучаемом нами кочевом поселении не найдено ни одного кистеня или даже его обломка. Зато был найден довольно тяжелый (диаметром 5 см) меловой шар, обтянутый кожей (рис. 41, 5), который, как нам кажется, мог быть концом аркана - одного из наиболее эффективных средств вооружения кочевых воинов, владевших им в совершенстве.

Встреченные на городище удила и их части (грызла, псалии) свидетельствуют о явном преобладании здесь для хазарской эпохи удила с прямыми так называемыми "гвоздевидными" псалиями, поскольку у некоторых из них концы сделаны в виде более или менее тщательно выкованных "шляпок" (рис. 41, 6-10). Исключением из этой стандартной формы являются удила без псалий, но с отверстием для закрепления. Возможно, что в данном обломке удила обычные металлические псалии просто не сохранились (рис. 41, 11), но могло быть и то, что они были костяными или даже деревянными. Это сближает удила с отверстиями для псалий с хорошо известными и распространенными на Руси удилами, датирующимися там X в.

Следующим дошедшим до нас предметом конского снаряжения являются стремена (рис. 42, 1-5). Их, как и удила, на городище обнаружено немного: целых всего 4 и несколько обломков подножек. Эта категория предметов неоднократно подвергалась типологизации в трудах советских ученых, поэтому подробно останавливаться на принципах их классификации мы не будем. Отмечу только, что, несмотря на очевидную принадлежность этих стремян к хазарской эпохе, они относятся не к ранней стадии существования этого государства в донских степях, то есть не VIII и даже не к первой половине IX в. Характерно, что прямые

“производные” от этих типов известны в печенего-гузском могильнике у Саркела - Белой Вежи, датирующемся X - началом XI в. (36, рис. 24, 16, 17).

Значительно чаще стремян попадаются в слое большие железные подпружные пряжки (рис. 41, 12-15; 42, 6-10). Формы их довольно разнообразны: полукруглые, прямоугольные, прямоугольные с одной закругленной стороной, пятиугольные с подвижной трубочкой-хомутком, облегчающим движение ремня через пряжку. Размеры их различны: от 3 до 5 см в поперечнике. Надо сказать, что некоторые экземпляры выкованы с необычайным искусством: особенно тщательно отковывался язычок - фигурный, в виде головки змеи (как у браслетов) или просто тонкой “лопаточки”. Так, даже в этих безусловно массовых предметах искусные степные кузнецы проявляли свою высокую квалификацию. Добавлю, что ни одна из многочисленных подпружных пряжек, обнаруженных в салтовских могильниках, не может сравниться по красоте и тщательности отделки с изделиями правобережных мастеров. Обычно этот невидный предмет изготавливали довольно небрежно.

Перейдем к категориям вещей, которые можно считать в какой-то мере относящимися к всадникам-воинам, а с другой стороны, они могли быть предметами, широко использовавшимися в быту. Прежде всего, это железный замок от конских пуг (рис. 42, 6). Такие замки были известны на Руси. Б. А. Колчин отнес их к типу Д (37, с. 156-157, рис. 127, 131). К всаднической “аммуниции” могли принадлежать и небольшие серпы и косы-горбуши (рис. 43, 7-8). Ими накашивали при необходимости траву коням во время похода. Если коса представляла собой просто уменьшенный вариант настоящей рабочей косы, то серп с зубчатым рабочим краем был складным: он вкладывался лезвием в костяной футляр, подвижно соединенный с серпом кольцевидной “ручкой” последнего. При косьбе отогнутый костяной футляр служил удобной, достаточно длинной для охвата его рукой, рукоятью этого орудия.

Обычно весьма затруднительно отличить обычный бытовой ножик от боевого кинжала, поскольку кинжалы у хазар были, как и ножи, однолезвийными и типологически не отличались от обычных ножей (рис. 44, 6-10). Считать нож кинжалом позволяют нам только размеры: все ножи длиной лезвия от 12 до 16 см мы условно относим к кинжалам, то есть боевым предметам (25, с. 91). При этом не подлежит сомнению, что в хозяйстве также нередко были просто необходимы длинные ножи, например, при убое скота. В этом отношении интересны два очень массивных ножа с крепкими лезвиями и рукоятками, которые, вероятно, служили для убоя крупных животных (рис. 43, 9-10). Однако с таким ножом можно было выходить и на охоту, годились они и для убийства человека.

Чисто бытовыми “мирными” домашними орудиями следует считать хорошо известные по всей широкой евразийской степи мотыжки (рис. 44, 11-16), которых на городище обнаружено около десятка, а вместе с обломками более 15. Как и всюду, они разной величины и разной тщательности изготовления и могут с достоверностью свидетельствовать только о принадлежности памятника к степному раннесредневековому миру. Значительно более интересны находки на городище, причем в сравнительно большом количестве весьма характерных овальных железных скоб с отогнутыми на обоих концах овала “шипами” (рис. 43, 1-5). Они попадались иногда и в древнерусских памятниках, их считали своеобразными подковками-приспособлениями для хождения по льду. Однако такое приспособление скорее способствует падению на любой скользкой поверхности, так как шипы недостаточно острые, воткнуться в лед они не могли, а идти на таком неустойчивом предмете

было крайне опасно. Итак, назначение этих вещей пока неясно. Пока археологи не найдут их *in situ* рядом с человеком или конем, этот вопрос останется нерешенным. К сожалению, их почему-то никогда не помещали в могилы.

В целом, бытовых предметов на поселении было разбросано довольно много, и они весьма ординарны. Гвозди, пробои, обрывки больших звеньев цепей, обломки цилиндрического замка (рис. 46, 33), многочисленные целые и ломаные точильные камни (рис. 45). Как на любом средневековом поселении - славянском, древнерусском или хазарском - на правобережном мысу было обнаружено довольно много пряслиц. Казалось бы, этот узкопрофессиональный предмет - обычное колесико - не может отличаться особенным разнообразием. Однако это не так. Прежде всего они отличались материалом: каменные и керамические, сделанные из стенок различных сосудов. Камень, из которого изготовлялись пряслица на Правобережном городище, был очень плотный, красивый, почти черный сланец (рис. 45, 1-5, 7). По форме это все низкие (10-12 см) цилиндрики, диаметрами 2,5-4 см, только одно пряслице было из белого мелового камня, оно более крупное, поверхность его, особенно по краям, стерлась, и потому в разрезе оно почти эллипсоидное (рис. 45, 6). Всего на раскопанной нами площади обнаружено 21 пряслице, из них каменных всего 7, остальные - керамические. Очевидно, наиболее подходящим материалом для изготовления пряслиц были стенки амфор, поскольку эти сосуды отличались плотным, прекрасно обожженным до оранжевого цвета черепком. Кроме того, их сравнительно большие размеры позволяли выбрать среди обломков стенок почти плоские, из которых, естественно, легче было выточить ровный кружок пряслица. Толщина их зависела от толщины стенок, диаметры иногда доходили даже до 5,5 см. Другим также достаточно крепким и пригодным для пряслиц материалом были обломки лощеных столовых сосудов.

Пряслица из кухонных сосудов делались очень редко: их было трудно обтачивать из-за большого количества твердого кварцевого песка в тесте, и они быстро начинали ломаться с краев, поскольку тесто было недостаточно плотное (рис. 45, 10-11).

Помимо пряслиц, в слоях поселений попадает большое количество так называемых "заготовок" для пряслиц - небрежно обточенных кружков обычно из амфор, но иногда и из других сосудов (рис. 45, 20-22). Встречались они в небольшом количестве и на Правобережном поселении. Разумеется, это не были заготовки для пряслиц, думается, что отверстие в них сверлилось на станочке одновременно с обточкой края, так как центральное отверстие давало центровку всему изделию, что для пряслица было абсолютно необходимо. Керамические кружки без дырочек, диаметрами в 4-5 см, служили пробками для узкогорлых сосудов с прямым (без слива) венчиком. Скорее всего это были амфоры, в которых чаще всего перевозили жидкости. Пробку плотно вставляли в горловину амфоры и затем заливали воском.

Большой интерес для нас имеют находки кресал. Надо сказать, что отсутствие их находок на салтово-маяцких памятниках поразительно: трудно допустить, что в этом довольно цивилизованном обществе, огонь добывали как в палеолите - трением палочек. Тем не менее, долгое время кресала не попадались археологам. Затем кресала разных форм и типов были обнаружены в Больше-Тарханском могильнике (38, с. 44, табл. X), а несколько позже - в Дмитриевском могильнике (25, с. 92-93). Преобладал там сложный и довольно поздний тип кресал - "щипцов". На Правобережном кресала самой простейшей формы: это С-видные скобки, вставлявшиеся, видимо, в деревянную рукоять (рис. 45, 23-25). Их всего

3, причем два из них, быть может, были обычными соединительными скобочками, скреплявшими различные деревянные детали разных предметов и построек. Третье, с довольно массивной рабочей частью и короткими острыми концами, в целом довольно близко по типу к большестарханским второго типа. Только там рукоять была железная, а у нашего кресала ее сделали из дерева, что, вероятно, было удобнее. Два остальных правобережных кресала-скобочки также имели деревянные рукояти.

Кресала - небольшие железные предметы - плохо сохранялись в слоях поселений и, возможно, поэтому мы не находили их до сих пор. То же можно сказать и о таких находках, как шилья, и тем более - иголки. На Правобережном поселении, где железо сохранялось прекрасно, удалось обнаружить иголку и шило, а также два "пробойчика", квадратные в сечении с сильно заостренными концами, возможно, употреблявшиеся при шивании толстой грубой кожи (рис. 45, 26-30). К предметам женского домашнего шитья я считаю возможным отнести и два массивных кабаньих клыка, которые могли использоваться, в частности, при заглаживании швов (рис. 45, 31-32).

Значительно более важной и интересной группой вещей, обнаруженных на поселении, являются орудия сельскохозяйственного труда. Прежде всего, это пахотные орудия: железные наконечники плугов и чересла (рис. 46, 1-4). Надо сказать, что эти находки неоднократно упоминались в археологической литературе, они вошли в классификацию, созданную Ю. А. Красновым (39), после того - в типологию В. К. Михеева (40, с. 34-36), изучался и состав железа и другие технологические их особенности, которыми подробно занималась М. М. Толмачева, работа которой о железных изделиях Правобережного городища до сих пор, к сожалению, не издана, хотя практически полностью вошла в ее диссертацию (41). О рабочих свойствах этих орудий, а также орудий по уборке урожая - серпах и косах-горбушах (рис. 47, 1-7) - также подробно, с многочисленными аналогиями (археологическими и этнографическими) писал В. К. Михеев (40, с. 29-40). Кстати, к числу орудий по обработке земли он относит и мотыжки, которые мы считаем предметами быта, поскольку сфера их использования была очень широкой: ими долбили землю, выкапывая основания юрт в глине, начерно оббивали блоки, рыли глубокие погребки и, вполне возможно, после пахоты разбивали крупные пласты земли перед боронованием.

Несмотря на то, что столь же часто, как об остальных орудиях, писали исследователи и о виноградном ноже, найденном на Правобережном поселении, мы еще раз упомянем об этой принципиально важной для характеристики хозяйства жителей поселения находке (рис. 47, 8). Дело в том, что поселение с юртообразными жилищами представляется более или менее постоянным зимником. Рядом с ним на расстоянии нескольких километров вверх и вниз по берегу нет ни одного поселения, синхронного ему. Можно думать, конечно, что на соседних холмах высокого берега пасся скот. Однако очевидно, что зимние пастбища находились у подножия мыса - в широкой многокилометровой пойме Дона, заросшей высокой травой. На южной стороне правобережных высоких холмов располагались, как и сейчас, богатые виноградники. Если бы не находка характерного, еще с античности известного в низовьях Дона (в Боспорском царстве) орудия для всесторонней обработки виноградников, никаких данных о существовании последних в окрестностях Правобережного поселения у нас бы не было. В. К. Михеев полагал, что и складные серпы служили виноградарям для подрезки лозы. Аналогичные серпы, используемые с этой целью, известны и в настоящее время в Болгарии

и Албании (40, с. 42). Этнографическая параллель вполне убеждает в правильности этого предположения, но надо помнить, что многие орудия, и даже их обломки, нередко использовались в средневековом хозяйстве. Небольшой складной серп с зубринами мог быть принадлежностью не только мирного виноградаря, но и виноградаря, севшего на коня и отправившегося в поход.

Не менее часто, обстоятельно и всесторонне рассматривались в различных археологических трудах предметы, связанные с деревообработкой и кузнечным ремеслом. Ими занимался еще в начале 50-х гг. Б. А. Колчин, работая с древнерусскими материалами (37). После, с обязательными и многочисленными ссылками на него, вопросы, касающиеся этих орудий труда, поднимались и освещались по мере сил во многих работах, в том числе и тех, в которых начали просто печатать, а потом и серьезно исследовать салтово-маяцкий (или, вернее, хазарский) инструментарий. Естественно, что очень большое место среди этого материала занимала коллекция Правобережного городища, которой я разрешила пользоваться всем специалистам, занимающимся ремесленной деятельностью в Хазарии. В частности, особенно подробно и полно коллекция была привлечена в работах В. К. Михеева при написании кандидатской и докторской диссертаций и книги, посвященной социально-экономической жизни в Хазарском каганате (40). Кроме того, как и сельхозорудия, все эти предметы были исследованы М. М. Толмачевой (41).

На трех приложенных к работе рисунках (рис. 48, 49, 50) мы попытались поместить все найденные нами на городище орудия этих двух ремесел: деревообрабатывающего и кузнечного: долота, пробои, сверла, токарные резцы, скребла, молоты и молоточки (ювелирные?), ножицы по металлу и клещи, наковальни и наковаленки самых различных типов. Мы включили в эти таблицы несколько вещей из раскопок И. И. Ляпушкина: это три долота ($t \pm s$), как трактует их В. К. Михеев (40, с. 69, рис. 32). Б. А. Колчин, предположительно, называл подобные орудия сошниками (37, рис. 46). Не беремся интерпретировать эти предметы, но считаем необходимым издать их все рядом и как можно точнее и крупнее, чтобы хотя бы заинтересовать читателей этой, пока не вполне ясной, небольшой "проблемой" (рис. 48, 12-14).

"Неразгаданным" пока предметом является железное довольно массивное колесико (толщиной до 1 см, диаметром 5 см) с квадратным отверстием в центре, то есть неподвижно закреплявшееся на крепкую деревянную или, скорее, железную ось. Очевидно, это часть какого-то технического сооружения (станка?), но аналогии ни колесику, ни тем более всей "системе", в которую оно входило, мы пока не знаем (рис. 49, 7).

Как уже неоднократно говорилось в предыдущих разделах работы, на городище были обнаружены громадные спрессовавшиеся кучи отходов "рыбного производства": чешуя, кости крупных осетровых рыб. Мы неоднократно подчеркивали, что эти рыбные помойки явно относились ко времени, когда поселение уже не существовало и отбросы заполняли полузатянутые культурным слоем котлованы погибших жилищ. Как бы там ни было, но ясно, что такому количеству остатков рыб должно соответствовать и большое количество разнообразных орудий для ловли рыбы. Действительно, на городище было найдено несколько десятков прекрасно выкованных крючков для крупной рыбы и довольно много разнообразных специально обточенных и с желобком для обвязывания веревкой или ремнем грузил, сделанных из камня и обломков кирпичей (рис. 51). Однако сравнительно с массовостью отходов производства, орудий, способствующих добычанию необхо-

димого продукта, сравнительно немного и, по-видимому, это требует какого-то, хотя бы гипотетического объяснения. Кто бы ни были рыболовы, оставившие рыбные помойки, - жители юрт или строители и частично уже и жители белокаменной крепости, - при бегстве такие в общем легкие предметы, какими были крючки, конечно, брали с собой. Это тем более вероятно, что многие из них выкованы с большим мастерством, а значит, на них было потрачено много труда и они были довольно дорогими вещами. Что же касается грузил, то любой камень или обломок кирпича, даже без обработки, мог быть грузилом, и, кроме того, сети с грузилами, очевидно, не сушились на мысу - там было мало места для распялки сетей, и потому грузила попадали на поселение в виде исключения. Возможно, только те, которые после изготовления еще не были прикреплены к сетям. Известно в слоях античных и раннесредневековых приморских городов огромное количество керамических небольших конусовидных грузил, всегда прекрасно обожженных и сделанных из плотной, хорошо промешанной глины. На Правобережном поселении нет ни одного керамического специально сделанного грузила - их заменили, видимо, также добросовестно обожженные кирпичи, не размокавшие в воде (рис. 51),

К рыболовным крючкам все исследователи хазарских древностей безусловно относили очень массивные крюки с петлей или просто отогнутым Г-образным концом, согнутым под углом в 50-70° к стержню с длинным острием. Длина стержня достигает 12-15 см, а отогнутого острия 5-7 см (рис. 51). Эти крюки вполне могли служить и для ловли громадных осетров и белуг, однако форма их отличается от всегда слегка изогнутой формы тоже очень больших (почти таких же) типичных рыболовных крючьев. Б. А. Колчин точно такие "прямые" крюки очень убедительно считал важнейшей частью безменов. Такое использование крюков для взвешивания рыбы было очень удобно и рационально.

Мы уже говорили, что мелких предметов, в частности украшений, подвесок, бляшек, амулетиков, предметов туалета, на городище очень мало: находки исчисляются буквально единицами (рис. 52, 53). Дата их довольно широкая - весь IX в. - от сравнительно ранней серебряной серьги с подвесками-шариками, которую можно отнести к началу IX в. (рис. 52, 5-6), и коромыслообразной копоушки (рис. 52, 14) до бляшки с неподвижным колечком (рис. 53, 6) и зеркала с орнаментом-жемчужинками (рис. 52, 16), относящихся к концу IX в.

Необычайно интересными являются, на наш взгляд, многочисленные находки железных котлов, вернее, "казанов" (рис. 54). Сосуды эти склепаны из железных полос шириной примерно 4 см, дно у них также не сплошное, а склепанное из трех-четырех неровных секторов, а иногда сегментов, и срединных полос. Диаметры казанов, судя по обломкам днищ, доходят до 20-22 см, высота составляла, видимо, не более четырех полос, то есть 16-18 см. Клепка производилась посредством продетых через пробитые по краям полос коротких отрезков железной проволоки, расклепанной с внешней и внутренней сторон. Отверстия на полосах стенок пробивались на расстоянии 1-1,5 см друг от друга, а на дне значительно реже - до 5 см. Несомненно, кузнецы должны были обладать высоким мастерством, чтобы сделанные таким образом сосуды не пропускали воду. Широкое распространение эти казанов свидетельствует об их популярности, а значит, полной пригодности к употреблению. Очевидно, "пригонка" швов - проковка их - были очень тщательными. Насколько можно судить по дошедшим обломкам, никакого покрытия поверхности котлов не было. К верхней пластине, то есть к краю котла с двух противоположных сторон столь же основательно, как это делалось при соединении пластин, приклепывались железные петли. Сама петля возвышалась над уровнем

верхнего края котла, а ее расклепанные и пробитые концы надежно закреплялись на пластине. Петли соединялись подвижно с плоской с загнутыми концами железной ручкой. Ручка цеплялась за крюк (иногда выкованный с особенной тщательностью и "щегольством" (рис. 54, 11), а крюк был скреплен с причажной цепью, звенья которой выковывались не всегда в виде замкнутых овалов. Бывали они и круглыми, а чаще S-видными (рис. 54, 13). Характерно, что S-видные цепочки нередко использовались и при изготовлении украшений: этот технический прием был, очевидно, очень широко распространен среди ремесленников каганата - простых кузнецов и ювелиров (25, рис. 58).

Среди различных железных находок на городище попадалось довольно много круглых или четырехгранных кованых длинных, но, к сожалению, сломанных стержней, часто заостренных. Определить их хозяйственное назначение трудно и, видимо, не стоит, так как оно может быть весьма разнообразным. Особого внимания заслуживает только витой стержень (диам. 7 мм) с одним отломанным концом, а другим раскованным на два острия (правда, одно из них загнуто почти в кольцо (рис. 54, 16). Несмотря на плохую сохранность этой находки, мы можем все-таки указать полностью сохранившиеся аналогии ей, обнаруженные на городище Маяки, - это вилки, предназначенные для вынимания кусков мяса из котлов (40, с. 146).

Как на любом памятнике, наиболее массовой находкой являются обломки керамики и, как говорилось, редкие целые или разбитые, но собирающиеся почти полностью сосуды. Несмотря на фрагментарность материала, большинство работавших над ним археологов именно по этому, казалось бы, скучному, всегда пыльному и на первый взгляд невыразительному материалу делают свои выводы почти по всем проблемам, касающимся изучаемого памятника или культуры: их этнической принадлежности, хронологии, торговым и культурным связям, уровня развитости ремесленного производства и еще многим другим менее важным, но иногда более интересным вопросам.

Керамикой Хазарского каганата (салтово-маяцкой) разных регионов и даже разных типов, групп и категорий занимались и занимаются многие российские ученые, а также ученые других стран, где распространены весьма близкие или идентичные типологически и хронологически формы керамической посуды: Болгарии, Румынии и Молдавии, отчасти Венгрии. Основными российскими исследователями салтово-маяцкой керамики являются М. И. Артамонов (3), И. И. Ляпушкин (6; 42), С. А. Плетнева (43; 44), работавшие над этим материалом в 30-60-х гг. Нет сомнения, что сейчас следует поднять изучение этой громадной массы материала на более высокий современный, соответствующий общему развитию науки, уровень. Однако пока это не делается, только некоторые археологи пытаются заниматься отдельными, наиболее эффектными группами керамики и главное - делать на основании самого беглого знакомства с коллекциями и с трудами вышеуказанных "первопроходцев" самые ответственные, в основном этнические выводы.

Во всяком случае, ясно, что никто еще не предложил более стройной общей классификационной схемы всего салтово-маяцкого керамического материала. Позднейшие исследования, касающиеся близких к хазарской керамике керамических массивов, с более или менее крупными добавлениями, практически повторяли эту схему (45).

Мы в данной работе, касающейся всего одного памятника, не можем и не имеем права вносить какие-то существенные добавления и исправления в созданную ранее на значительно большем материале классификацию. Также вряд ли

стоит повторять уже давно устоявшиеся в науке типологические членения посуды, обломки которой обнаружены на Правобережном городище. Поэтому дадим здесь только общую характеристику ее по группам и категориям.

Наиболее сложной и даже дискуссионной группой является лепная от руки посуда, представленная немногочисленными обломками горшков различной величины (рис. 55). Дело в том, что при продолжении исследований на городище в 1987-1989 гг. в слое на южном углу мыса, где проводились раскопки, стали попадаться в довольно значительном количестве обломки лепных сосудов поздней бронзы. Мне кажется, что даже при слабой изученности поздней бронзы в те годы, когда мы раскапывали это городище, вряд ли возможно было спутать эту керамику со средневековыми лепными горшками, изготовленными из теста с примесью мелкорубленой дресвы и травы, а иногда по поверхности затертые пучками травы. Стенки горшков получались крепкими, но немного рыхловатыми от пустот, получившихся в результате сгорания мелких кусочков травы. А. А. Бобринский считает, что при изготовлении посуды к формовочной глине подмешивалась не мелкорубленая трава, а, как в саманном производстве, навоз, исключая при этом естественную черту человека - брезгливость.

Горшки с покатыми плечиками, яйцевидным туловом, слабо отогнутыми венчиками, сделанные из глины с отощителем - рубленой травой, были выделены мной в коллекциях Саркела - Белой Вежи и Тмутаракани. Характерно, что в Тмутаракани они существовали почти в неизменном виде вплоть до XIII в. - так долго женщины сами изготовляли их и довольно широко использовали в хозяйстве. Правда, в Тмутаракани, наряду с примесью рубленой травы, пользовались и другим отощителем, очень распространенным по всей приморской полосе поселений, - морским песком, перемешанным с мелкой дробленой ракушкой. Кроме того, там в поздний период появились горшки, сделанные на медленном гончарном круге (домашнем), формами подражающие лепным.

Следует сказать, что в Саркеле таких горшков в целом немного и они очень часто приобретают черты, свойственные совсем иной группе керамики - так называемой кочевнической "роскошного стиля". Это или выделенный, резко отогнутый с прогибом край венчика, или ручки, прикрепленные к плечикам, или неожиданный "пышный" орнамент по венчику и плечикам. Тем не менее, группа лепных яйцевидных горшков выявилась достаточно четко (43, рис. 49). В Тмутаракани процент их от общего количества обломков посуды значительно заметнее (около 50%).

Особое место среди лепной посуды занимают обломки венчиков двух лепных котлов. Сделаны они из того же теста, что и остальные лепные сосуды, один из них по краю венчика украшен такими же, как у горшков, пальцевыми вдавлениями (рис. 57, 6). Аналогии лепным котлам хорошо известны на хазарских степных поселениях, в частности в Саркеле.

Несмотря на немногочисленность находок, лепная средневековая посуда занимает на Правобережном поселении определенное место, являясь одним из типичных компонентов его керамического комплекса. Судя по тмутараканским аналогиям, мы не можем считать, что это наиболее ранняя форма посуды, позволяющая делать какие-либо хронологические выводы о ранней дате поселения, поскольку такие горшки долгое время сосуществовали с самыми совершенными сосудами других категорий, сделанными на гончарном круге.

Группа сосудов, изготовленных на круге, и типологически, и функционально очень разнообразна.

Наиболее характерной для поселения находкой являются обломки кухонных горшков, сформованных из глины со значительной примесью речного кварцевого песка, наиболее крупные вкрапления которого, как правило, тускло поблескивают на поверхности сосудов. Некоторые из гончаров вместе с песком добавляли в качестве отощителя и мелкодробленые кусочки мела. Обжиг горшков производился в гончарных печах, поверхность их преимущественно ровно темно-серая, излом - коричневый. Горшки шаровидные с более или менее отогнутыми венчиками (рис. 56). Край венчиков чаще округлый, но попадаетея и плоский. Последний нередко покрывался орнаментом в виде отпечатков многозубого штампа или просто насечками. Типичнейшей чертой этих горшков является линейно-волнистый орнамент, сплошь покрывавший их от венчика почти до донца. На некоторых обломках донца удалось обнаружить клейма.

Из этого же песчанистого теста того же обжига изготавливались иногда миски с прямыми, немного наклонными стенками и плоским дном (рис. 56, 17, 18). Край их украшался обычно орнаментом в виде насечек или многорядной волны, волна же наносилась изредка и на внешнюю сторону стенки. Надо сказать, что эти миски, видимо, индивидуальные изделия местных (поселковых) мастеров. В других синхронных памятниках таких явно примитивных (почти лепных от руки) сосудов не встречено.

То же глиняное тесто с примесью речного песка, а иногда меловой крошки использовалось и при изготовлении глиняных котлов с внутренними ушками-ручками (рис. 57). Обычно они повторяют формы внутренних горшков, только ниже их, как бы "мискообразные". Очень редко бывают с округлым дном. Орнаментация на них та же, что на горшках, - сочетание линейно-волнистого узора или отпечатки многозубого штампа по краю венчика и на плечиках. Ручки - продолговатые налепы с внутренней стороны венчика с двумя круглыми отверстиями, через которые и продевался ремень для подвешивания котла над очагом. Диаметры котлов часто сильно превышают диаметры даже довольно крупных горшков. Удивительно, что налепы внутренних ушек удерживали довольно значительную тяжесть котла с его содержимым. Возможно, конечно, что чем шире был котел, тем он был ниже, то есть его старались сделать легче. Впрочем, известны находки очень больших котлов с маленькими налепами-ушками (в памятниках Болгарии, Румынии, Молдавии).

Интересно, что очень редко на всех памятниках, где попадаются эти сосуды, археологи находят отвалившиеся от котлов ручки.

Очевидно, гончары хорошо рассчитывали тот вес, который смогут выдержать налепные и даже незакрепленные в теле сосуды глиняными "штырями" ручки. Известно, что ручки многих лощеных сосудов и амфор закреплялись на сосуде именно такими "штырями". Видимо, такие усовершенствования в свою работу вводили наиболее квалифицированные мастера. Да и сосуды предназначались для более долгого употребления.

Встречались на поселении и обломки совсем небольших котелков, причем один из них, судя по обломку, имел своеобразную "пиаловидную" форму (рис. 57, 5).

Большой процент среди обломков посуды на поселении занимают обломки лощеной керамики (рис. 58). К сожалению, большинство из них настолько мелкие, что понять, какому виду и типу сосуда они принадлежали, в подавляющем большинстве случаев совершенно невозможно (рис. 58, 11-12). По сохранившимся более или менее крупным обломкам удалось установить, что на поселении широко

пользовались в качестве столовой посуды лощеными разной величины горшками, иногда с кольцевидными ручками (рис. 58, 1-5), обычными для культуры в целом приземистыми кувшинами (рис. 58, 6, 10), большими кувшинами с парными ручками, прикрепленными к шейке и плечу кувшина с помощью глиняного “штыря”, о котором говорилось выше (рис. 58, 7, 8, 13). Кувшины эти были, вероятно, большими и, вместе с содержимым, очень тяжелыми (25, рис. 79; 46: с. 113-114).

Лощеные сосуды формовались обычно из прекрасного плотного теста. Однако на Правобережном поселении это не всегда соблюдалось. Довольно часто попадались обломки горшков, сделанных из довольно грубого теста с примесью кварцевого песка. Поверхность их ложила вертикальными или горизонтальными полосами, орнаментация помимо того усложнялась волнистыми линиями, проведенными поверх лощения. Изготовление лощеной посуды из “кухонного” теста - особенность данного памятника: поселение было, видимо, очень провинциальным.

Тем не менее, на поселении попадались и обломки привозных керамических изделий.

Прежде всего, весьма частой находкой в слое были обломки амфор. На поселении встречены оба, выделенные еще А. Л. Якобсоном, варианта, датируемые им VIII-IX вв. (47, с. 29-31, рис. 13). Первый вариант сделан обычно из глины с примесью шамота (мелкодробленых амфор), красно-оранжевый, крупнорифленый. Не исключено, что такие амфоры изготовлялись не только в Крыму, как предполагает А. Л. Якобсон, но и на нижнем Дону, где также было развито виноделие, в частности, в Саркеле. Второй вариант - из тонкоотмученного теста, обычно гладкой поверхностью, часто с белым ангобом и линейным орнаментом на плечиках, проведенным тонким острым многозубым штампом. В целом, несмотря на сравнительно большое количество обломков, обнаруженных нами на городище, амфоры, которые, как было статистически доказано, разбивались в среднем на 100 обломков каждая (44, с. 47, сноска 43), привозились на данное поселение не так часто и отнюдь не были преобладающей категорией сосудов в поселке. За крепость и красоту эти сосуды ценились и использовались не только для тарных перевозок. На всех раскапываемых поселениях хазарского времени целые амфоры попадались очень редко. На Правобережном была обнаружена всего одна разбитая еще в древности, но “сшитая” амфора (об этом говорят просверленные в ее стенках маленькие отверстия). В сшитом виде сосуд мог служить для хранения сухих сыпучих продуктов еще долгое время (рис. 59, 1).

Обломки других привозных сосудов встречаются на поселении много реже - практически в единичных случаях. Это два красно-оранжевых ангобированных кувшина, обнаруженные в жилищах №№ 5, 20, не характерные, в общем, для хазарского керамического комплекса (рис. 14; 21). Аналогии им можно указать в крымских памятниках (48, с. 97, рис. 33, 9). Близкие по форме кувшины были обнаружены на соседнем с Правобережным Потайновском поселении (на одном из них почти совпадают даже начертания гончарного клейма). Очевидно, туда также шел экспорт из Крыма (3, стр. 84, рис. 37).

Из Крыма же привозились на Правобережное и ойнохоевидные тонкостенные изящные кувшинчики с линейно-волнистой белой ангобированной росписью (47, с. 61, рис. 33, 3, 4). Один из них восстановлен полностью (рис. 59, 2), обломок другого найден поблизости от него. Характерно, что оба обнаружены, как и обломки амфор, рядом с юртами, поставленными в круг, то есть, видимо, в наиболее богатой части поселка.

Уникальной и также привозной находкой является обломок лошеного кувшина с полой ручкой-носиком, своеобразный небольшой "водолейчик", сделанный с большим искусством (рис. 58, 9). Впрочем, вполне возможно, что этот сосуд мог относиться и к другой, более ранней эпохе существования жизни на поселении - эпохе появления здесь фибулы V в. или даже к еще более раннему времени. Вероятно, синхронен ему обнаруженный на городище большой обломок лощенного сплошным лошением светло-серого горшка, изготовленного из великолепно отмученной глины. Оба эти обломка "выпадают" из характерного, с очень устойчивыми признаками комплекса лощеной "салтовской", или хазарской, керамики.

В заключение характеристики керамического комплекса поселения упомянем о двух весьма важных, на наш взгляд, находках. Во-первых, это обломок венчика очень крупного лощенного серого толстостенного с резко отогнутым венчиком пифоса (рис. 59, 3), производство которых было особенно широко налажено в IX в. (46, рис. 15, 16), и, во-вторых, обломок венчика с частью горла (рис. 59, 4) кувшина, типа, хорошо известного и распространенного в Крыму и на нижнем Дону (в Саркеле) в слоях от начала IX до XI в. включительно. Это так называемые красноглиняные кувшины с плоскими ручками. Анализ таманских кувшинов позволил мне установить, что кувшины темно-красного обжига с диаметром края венчика до 8 см относятся к более раннему времени, то есть, в основном, IX в. (44, с. 54). Диаметр венчика с Правобережного городища - 8 см.

Рассмотрение находок, обнаруженных нами на городище, свидетельствует прежде всего об их одновременности, а это значит, что фактически они не позволяют считать возможным определить хронологическую разницу двух выделенных нами в предыдущей главе слоев жизни на мысу в эпоху средневековья.

Представляется также вполне очевидным, что среди находок нет ни одной, которая бы дала основание для более точной (хотя бы в пределах столетия) датировки культурного слоя, в целом относящегося к IX в. Казалось бы, вполне логично обратиться за аналогиями в Саркел (Белую Вежу), слой которого датирован по письменным источникам рамками 120-летнего периода (840-е-960-е гг.), а глубины залегания вещей в ряде случаев позволяют конкретизировать некоторые более общие датировки. Однако сделать это пока не представляется возможным.

Причина заключается в том, что автор работы о железных орудиях Саркела - Белой Вежи жестко разделил все вещи на два периода: хазарский и славянский, сделав очень категорический вывод о высоком развитии ремесла в славянский период и значительно более слабым - в хазарский (49, с. 194 и сл.). Вывод этот представляется мне крайне необоснованным и предвзятым, появившемся в науке из-за крайне политически опасного упоминания хазар и тем более о сравнении их культуры со славянской, поскольку не только хазары, но и самое существование их государства тогда (в период написания статьи) официально отрицался или, в лучшем случае, умалчивался (50, стр. 78).

Почти все железные предметы Саркела - Белой Вежи (обоих, выделенных автором периодов) имеют абсолютные аналогии на Правобережном хазарском поселении. Особенно это касается разнообразных орудий труда. Исключения очень редки. В древнерусский период появились в Белой Веже топоры новых форм (с оттянутым лезвием), шарнирные ножницы, неупотребляемые в каганате, и большое количество разнообразных замков. Судя по единственной находке цилиндрического корпуса замка, на Правобережном городище, они иногда использовались и там, но, естественно, на небольшом поселении с юртами замки просто не были

нужны. В городке же, где все время толкся чужой люд, а жилища были уже полуземлянками с крепкими стенами и дверями, эти двери должны были запираться.

Надо сказать также, что С. С. Сорокин не всегда правильно интерпретировал некоторые мелкие предметы, относимые им к славянскому периоду жизни города. Так, типичное “скобковидное” хазарское кресало он называет просто скобой, характерные петли от железных казанов связывает со считающимися характерными славянскими предметами - деревянными ведрами (49, рис. 26, 13, 9, 10), а обычные для кочевников шампуры и вилки нейтрально называет стержнями (49, рис. 26, 20-22). Сравнительный анализ железных предметов с обоих памятников крайне затруднился отнесением ряда явно аналогичных правобережных вещей к славянскому периоду, то есть уже ко второй половине X и к XI в. С. С. Сорокин в начале статьи справедливо отмечал крайнюю перемешанность саркельского слоя и писал, что “вещи из нижних слоев попадали в менее глубокие горизонты” (49, с. 135). Это дало ему основание, как он считал, не учитывать стратиграфических данных залегания вещи или же относиться к ним с осторожностью. Он связывал вещи только с хорошо датированными, как ему казалось, жилищами, мастерскими, ямами, погребениями в городском могильнике конца X-XI вв. Оказалось, что это всего шесть комплексов на городище (три мастерских и три жилища), яма і З и еще “несколько ям”, а также вещи из могильника, которые могут в какой-то мере быть датируемыми, но, за исключением одного “салтовского” топора, не имеют аналогий на Правобережном городище. Представляется очевидным, что к изделиям из железа Саркела - Белой Вежи необходимо будет вернуться исследователям и все-таки сделать попытку распределить их по слоям и глубинам. Я не разделяю точку зрения ни С. С. Сорокина, ни некоторых других исследователей, у которых сложилось мнение об абсолютной перемешанности саркельского культурного слоя. Она, конечно, была, как и диффузия вещей в слое, но в массе вещи оставались там, где их потеряли или бросили. Работа над керамическими изделиями убедила меня в этом (43). Однако пока исследование стратиграфии железных вещей не сделано, мы не можем по Саркелу - Белой Веже датировать правобережные вещи, поскольку, согласно С. С. Сорокину, большинство их относится к сравнительно позднему периоду (вплоть до начала XII в.). В настоящее время мы констатируем, что в культурном слое Саркела - Белой Вежи преобладают вещи, характерные для хазарской культуры. Керамический комплекс там также долгое время оставался типично хазарским с естественными для торгового городка “инородными” примесями. Этих примесей, исключая привозную посуду, не было на Правобережном поселении.

Какие же факты позволяют нам все-таки говорить о хронологии Правобережного поселения и крепости?

Рассмотрим данные о самой ранней дате памятника или, во всяком случае, о самых датированных находках на нем. Выше мы уже говорили, что в жилище і 2 был обнаружен скелет убитой женщины, вдоль голенных костей которого (видимо, в сапогах) лежали 8 целых монет и 42 обломка сасанидского, арабо-сасанидского, табаристанского, омейядского, аббасидского и идрисидского чеканов. Один обломок принадлежал к монетам собственно хазарского чекана.

Древнейшей из монет клада была драхма Хормизда IV (579-590 гг.), самыми поздними являлись обломки дирхемов аббасидского халифа Харуна-ар-Рашида (786-809 гг.), самая младшая и определяемая среди них относилась к 799-80 (или 82) гг. (51; 52; 53).

Серебро в этой семье накапливалось долго (около 200 лет), хотя, конечно возможно, что ранние монеты могли циркулировать в Халифате, и особенно за его пределами, многие десятилетия после чеканки. Как бы там ни было, но поздние дирхемы все же дают нам право говорить о том, что они попали на поселение примерно в начале IX в. Таким образом, одна абсолютная дата у нас есть. Однако без остального материала было бы неясно, с каким периодом или событием жизни поселения мы можем ее связывать: с основанием поселения, его расцветом или гибелью. Конечно, логично предполагать, что, поскольку более поздних монет у этой “накопительницы сокровища” нет, то и поселение погибло где-то в первые десятилетия IX в., хотя следует помнить о внутренних и внешних событиях в жизни каганата того времени, которые не способствовали общению принявшего тогда иудаизм государства с мусульманским Халифатом. Во время гражданской войны серебро, возможно, какое-то время вообще не поступало в каганат.

Рассмотрим иные обоснования датировки поселения и крепости на мысу. Поселение, очевидно, было синхронно Саркелу времени постройки крепости и возникновения в ее стенах городка, когда там началась частичная перепланировка и разборка кирпичных, ставших ненужными, построек. Последнее подтверждается тем, что в нескольких жилищах (№№ 2, 4, 8, 16, 20, 36) на полу, обычно в качестве части какой-то “обстановки”, находились саркельские кирпичи стандартных для этой крепости размеров (24 x 24 x 5) (2, с. 14), причем с остатками немного соскобленной или отколотой извести. Такие же кирпичи были обнаружены и в заполнении жилищ (№№ 25, 37, 39), а это значит, что они относились к тому же культурному слою, который окружал жилище и затем, после его гибели, заполнил котлован. Обломки кирпичей толщиной в 5 см обнаружены в заполнении еще пяти жилищ (№№ 5, 25, 36, 37, 38). Очевидно, все эти кирпичи попали на Правобережное поселение из Саркела - просто были утащены владельцами жилищ, когда там разбирали ту или иную кладку.

Помимо кирпичей, соответствующих, согласно мнению П. А. Раппопорта, саркельским стандартам, на полу и в заполнениях жилищ Правобережного поселения были обнаружены в не меньшем количестве кирпичи совсем иных размеров.

М. И. Артамонов неоднократно подчеркивал, что и в Саркеле кирпичи отнюдь не отличались единством размеров (1, с. 24-25). Часть дополнительных сооружений внутри крепости была выстроена позднее. Мастера-кирпичники были уже другие и делали кирпичи тех же форм, но ошибались или не считали нужным придерживаться тех же размеров. Из таких кирпичей были построены сооружения в южном углу крепости. М. И. Артамонов указал, что большинство их имело размеры 26-28 см, но были и более крупные - 29-30 см при толщине 7 см. Кирпичи этих размеров составляют примерно половину обнаруженных на Правобережном городище. Как и первая группа кирпичей, они попадают как на полу жилищ, так и в их заполнении. Так, на полу жилищ №№ 19 и 21 были обнаружены кирпичи размерами 28 x 28 x 6 см, в жилище № 20 были кирпичи размерами 28 x 28 x 8, 30 x 27 x 6 и большая “плита” - 55 x 36 x 5. В заполнениях попадались кирпичи 28 x 28 x 5 и 28,5 x 27 x 7 (№ 37), 26, 5 x 25,5 x 5,5 (№ 36), 28 x 27 x 6 и 27 x 13 x 5 (№ 17). Как мы видим, средние размеры кирпичей, указанные М. И. Артамоновым для южной постройки, постоянно повторяются в этом перечне целых кирпичей, обнаруженных на поселении. Обломки кирпичей толщиной в 6 и 6,5 см встречены в заполнении шести жилищ (№№ 1, 16, 36, 37, 38, 39). Все обнаруженные кирпичи второй группы, как и первой, имеют на поверхности следы извести, более или менее тщательно оббитые и стертые.

Таким образом, нам представляется очевидным, что все кирпичи были вынуты из кладок Саркела. Предполагать наличие кирпичного здания на Правобережном мысу нет никаких оснований: здесь для него нет места, нигде не сохранились даже "обрывки" строительного мусора, которые неизбежно были бы замечены нами в профилях раскопов и траншей, так как общее пространство мыса очень невелико. Кроме кирпичей, на поселении было обнаружено небольшое количество обломков кровельной черепицы и плоских продолговатых плиток вымостки пола. Они могли использоваться и в строительстве на мысу в саманных постройках, но утверждать этого нельзя, поскольку обломков мало - всего собранного материала едва хватило бы для перекрытия и вымостки помещения, не превышающего 4 кв. м. Кстати, в Саркеле плиток совсем не было, а черепицы - всего несколько десятков обломков. Ими было покрыто всего одно здание города (2, с. 37, рис. 37).

Таким образом, наличие саркельских кирпичей в постройках нижнего слоя Правобережного городища свидетельствует о том, что поселение существовало со времени постройки кирпичных сооружений крепости и позже - когда появилась необходимость ее частичной перестройки. Освобождающиеся кирпичи растаскивали, видимо, не только новожители нового городка, но и обитатели соседних поселков.

Напомним, что крепость Саркел строилась в 30-х гг. IX в., а ее превращение в укрепленный поселок (городок) и разборка некоторых стен в связи с этим, видимо, не могли начаться ранее 40-50-х гг. этого же века. И даже, если предположить, что разборка стен началась сразу после их возведения, самая ранняя дата появления кирпичей на поселении относится к 30-50 гг. IX в.

Однако появление кирпичей в жилищах не может быть свидетельством для датировки не только всего поселения, но и самих жилищ с кирпичами, поскольку последние могли быть принесены в них значительно позже постройки жилища. Для установления (хотя бы приблизительного) времени гибели поселения следует учитывать практически полное отсутствие на нем красноглиняных кувшинов (найден всего один обломок!) и поливной ранней зеленой керамики. Кувшины получили распространение в Саркеле с самого начала существования (вернее образования) городка, то есть с середины IX в., а полива - с первых десятилетий X в.

Отсутствие этих же категорий керамической посуды в Фанагории, в то время как в соседней Тмутаракани обломки их заполняли культурный слой, естественно привело меня к выводу о том, что Фанагория просто не дожила до распространения этой керамики (54, с. 16). То же, видимо, произошло и с Правобережным поселком - он погиб примерно в 70-х гг. IX в. Его жители не успели освоить красноглиняные кувшины и, видимо, так и не увидели ни одного поливного сосуда.

Таким образом, жизнь на поселении возникла, судя по монетному кладу, во всяком случае не ранее начала IX в. и длилась по вторую его половину, то есть не более 50 лет. Замедленное нарастание слоя на поселении (менее 1 см в год, как это было, например, в Саркеле) объясняется в первую очередь сезонностью активного обитания на поселении, поскольку это был зимник, а летом людей в нем оставалось немного.

Рассмотрим далее факты находок в нескольких жилищах поселения белокаменных блоков, использовавшихся, как и кирпичи, в качестве необходимых предметов обстановки.

В первой главе мы писали, что, несмотря на некоторую стандартизацию размеров блоков, из которых сложены были стены (60 x 30 x 40, 80 x 30 x 40),

попадались в кладках и блоки других пропорций, хотя основные размеры и в них, как правило, повторялись, но в разных сочетаниях. Блоки, обнаруженные в жилищах, сильно отличаются от "крепостных" и размерами, и пропорциями. Кроме того, и между собой они различаются величиной и, главное, пропорциями. Только в жилище № 17 находилось два сходных блока (38 x 23 x 11 и 37 x 23 x 12). Остальные семь блоков все разные: 56 x 32 x 32 (№ 1), 60 x 22 x 12 (№ 3), 48 x 30 x 20 (№ 3), 42 x 30 x 20 (№ 6), 49 x 32 x 11 (№ 15), 30 x 20 x 20 (№ 27), 35 x 20 x 12 (№ 37).

Полное отсутствие стандартизации и сходства с прекрасно обработанными крепостными блоками с очевидностью свидетельствует об отсутствии каких-либо связей со строительными приемами или со строителями крепости владельцев жилищ, в которых были обнаружены меловые блоки. Ясно, что все эти блоки, в отличие от кирпичей, не были вынуты из кладок и даже не были утащены со строительных площадок, на которых такие блоки не изготовлялись. Однако же белые чистые камни пользовались популярностью в поселке, хотя обрабатывали их с гораздо меньшей тщательностью, чем это делали строители.

Где же доставали их жители поселения? Очевидно, в тех же правобережных каменоломнях. Экспедиция В. С. Флерова, шурфуя в поисках могильника коренной правый берег у городища, обнаружила на пологом склоне верхней высокой террасы под слоем глины меловые отложения щебня. Такие отложения всегда сопровождают массивы меловых напластований (являясь как бы их "шлейфами"), которые безусловно шли выше по склону к гребню террасы. Вот их, видимо, нашли и начали разрабатывать вначале жители поселения, затем византийцы и хазары в период строительства Саркела.

Разработка этих уже хорошо знакомых жителям региона каменоломен стала, естественно, особенно интенсивной при строительстве Правобережной крепости. Время возведения стен мы можем указать только предположительно - по стратиграфии слоя, о чем уже неоднократно говорилось выше. Слой разграбления и пожара поселка уже немного зарос дерном до того, как на мыс снова вернулись люди - строители крепости. Видимо, между этими двумя событиями прошло примерно 10-15 лет, то есть строительство началось где-то в 80-90-х гг. IX в., то есть через 40-50 лет после постройки Саркела. Поскольку разницы между материалами нижнего и верхнего горизонта Правобережного городища нам установить не удалось, датировать более точно и четко верхний слой в настоящее время не представляется возможным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М. И. Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
2. Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. № 75.
3. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. 1935. Вып. 131.
4. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. VI.
5. Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. 1940. Вып. IV.
6. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
7. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

8. Коршиков П. С. Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова // СА. 1985. № 1.
9. Сизов В. И. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI А. С., 1889. Одесса. Том IV.
10. Баскаков Н. А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985.
11. Даль В. И. Толковый словарь. Т. 1. М., 1955.
12. Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950.
13. Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. 1958. № 62.
14. Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. 1958. № 62.
15. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
16. Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище // СГЭ. XXV. 1964.
17. Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря - Вежи // СА. 1964. № 3.
18. Афанасьев Г. Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977-1979 гг. // Маяцкое городище. М., 1984 г.
19. Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
20. Плетнева С. А. Работа Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в СССР и Болгарии (1975-1982 гг.) // КСИА. 1984. № 180.
21. Плетнева С. А. Стратиграфические исследования в древней болгарской столице - Плиске // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990.
22. Красильников К. И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1968. № 2.
23. Гинзбург В. В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. 1963. № 109.
24. Рохлин Д. Г. Паталогические изменения на костях // МИА. 1963. № 109.
25. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. 1989.
26. Артамонова О. А. Могильник Саркела - Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.
27. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд. ВУ, 1991.
28. Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. - первая половина II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
29. Аммиан Марцеллин. История / Пер. с латинского Ю. Кулаковского. Киев. 1908. Вып. III.
30. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М., Л. 1952.
31. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа. 1957.
32. Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978.
33. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. М., 1966.

34. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
35. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М., Л., 1966.
36. Плетнева С. А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела - Белой Вежи). М., 1990.
37. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. 1953. № 32.
38. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
39. Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы // СА. 1978. № 4.
40. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
41. Толмачева М. М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца). Автореферат канд. дисс. М., 1990.
42. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX-XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
43. Плетнева С. А. Керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959, № 75.
44. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
45. Die Keramik der saltovo-majaki Kultur und ihrer varianten. Budapest. 1990.
46. Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
47. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
48. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев., 1990.
49. Сорокин С. С. Железные изделия Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
50. Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
51. Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории Юго-восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974.
52. Быков А. А. О хазарском чекане VIII-IX вв. // Труды Государственного Эрмитажа. 1971. т. XII.
53. Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
54. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав, 2, София. 1981.

S. A. PLETNEOVA
**RIGHT-BANK TSIMLIANSKOE GORODISHCHE (FORTIFIED
 SETTLEMENT). EXCAVATIONS IN 1958 - 1959.**

Summary

This article is devoted to the research of Right-bank Tsimlianskoe Gorodishche on the basis of the materials of archaeological excavations in 1958-1959. The Gorodishche is situated on the right bank of the Don River, in its lower part and alongside with Left-bank Tsimlianskoe Gorodishche (Sarkel) - the capital of Khazar

Caganate; it is one of the most interesting and outstanding settlements of Khazar Culture.

Archaeological investigations discovered the type of the defensive constructions, revealed the remains of different dwellings and house-hold buildings, and stratigraphy of cultural layers of the settlement.

Archaeological material is represented by numerous different wares of iron, precious metal, stone and clay, which characterize economic and political life of the Gorodishche under investigation.

The opinions about the periodization of the Gorodishche stated in scientific literature are refuted in this article. The results of the excavations enable the author to assume that the life in this Gorodishche originated in the beginning of the 9th century on the place of a settlement of Bronze Age and lasted not more than 50 years, after that it decayed. 10-15 years later, i. e. about 80s - 90s of the 9th century the life here revived. The building of white-stone fortress is connected with it, and that is 40-50 years later than the building of Sarkel.

Distinct differences between the materials of the upper and low horizons are not traced, that is why it is impossible to date the upper layer for certain.

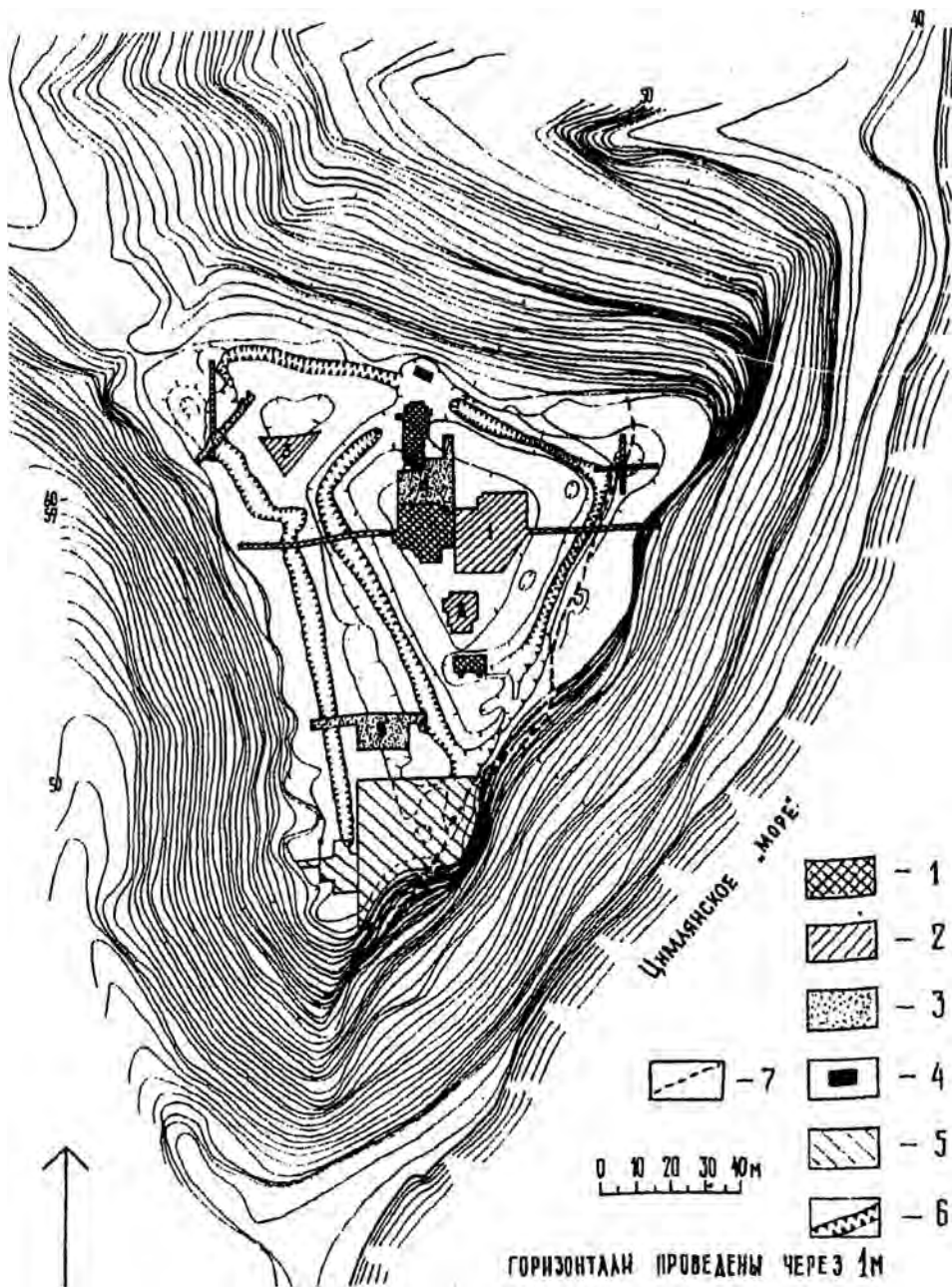

Рис. 1. План Правобережного Цимлянского городища с нанесенными на него раскопами. Условные знаки: 1 - раскопы И. И. Ляпушкина, 2 - раскопы С. А. Плетневой 1958 г., 3 - раскопы С. А. Плетневой 1959 г., 4 - башня на северо-восточной стене, 5 - раскопы В. С. Флерова, 6 - «вземки» от разобранных стен крепости, 7 - линия берегового обрыва в 1989 г.

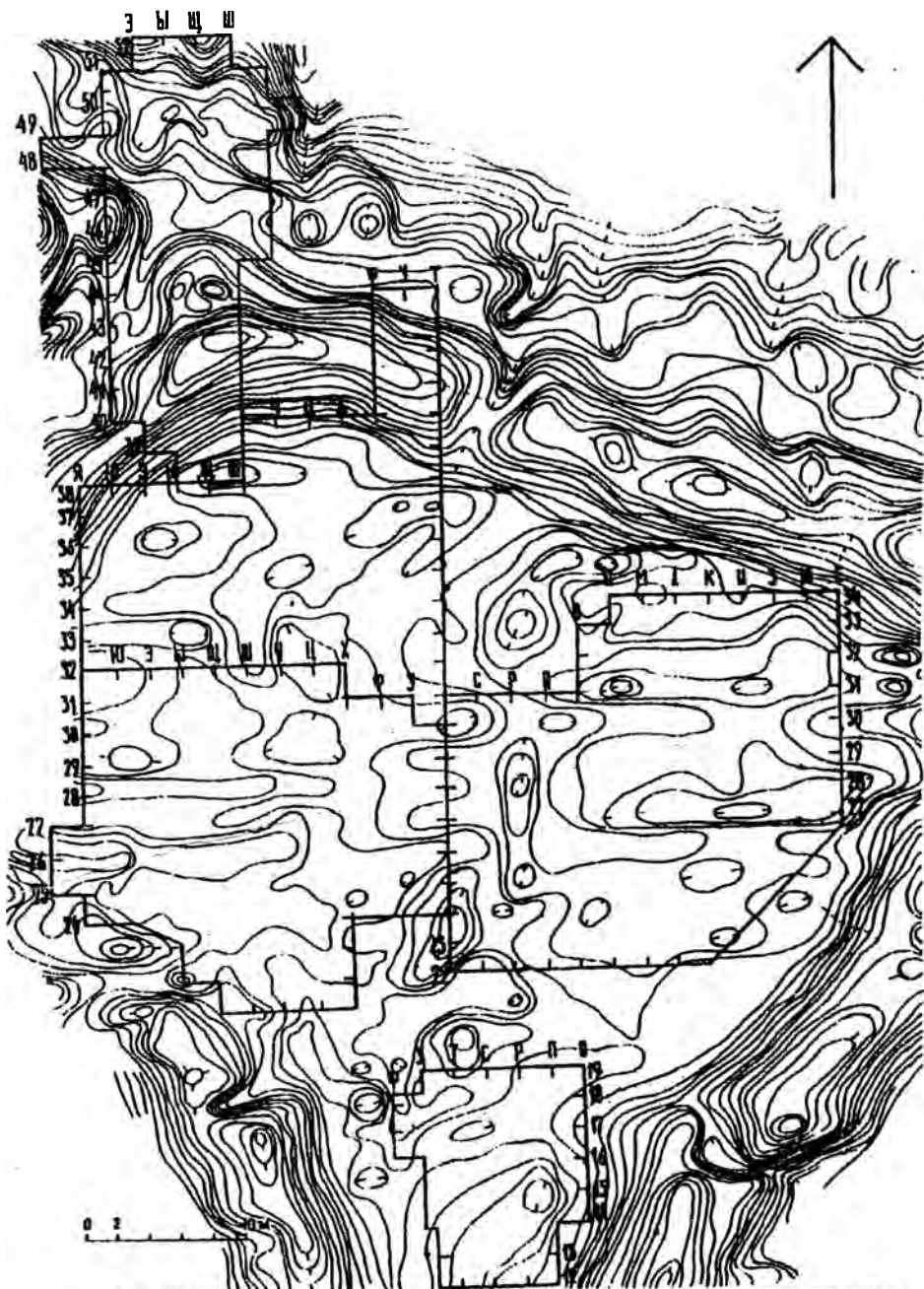

Рис. 2. Микрорельеф центральной части городища. Чертеж выполнен исследователем И. И. Липушкиным в 1939 г. Горизонталы через 10 см.

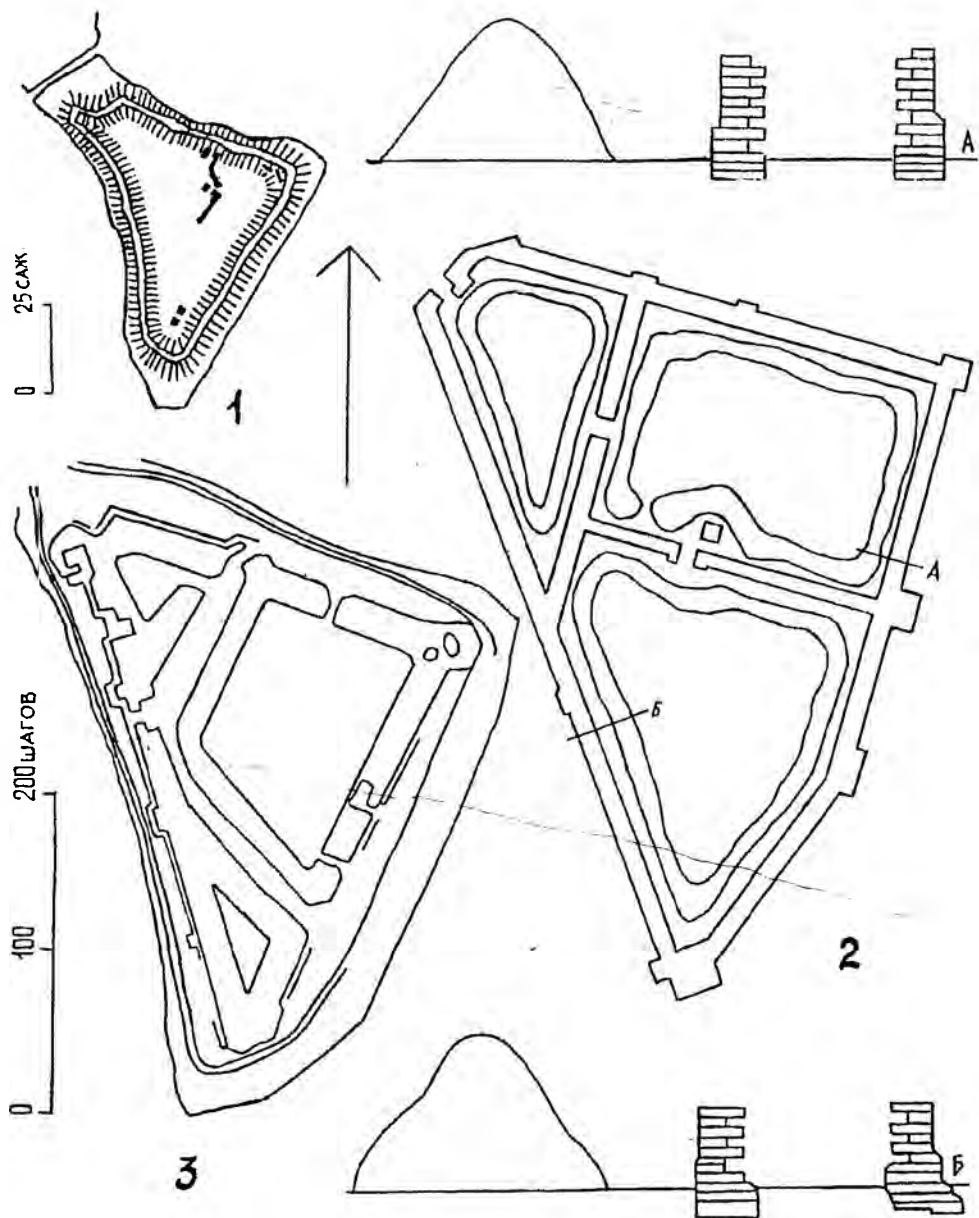

Рис. 3. Правобережное городище. Чертежи выполнены В. И. Сизовым (1), Сап-щиперовым (2), М. И. Артамоновым (3).

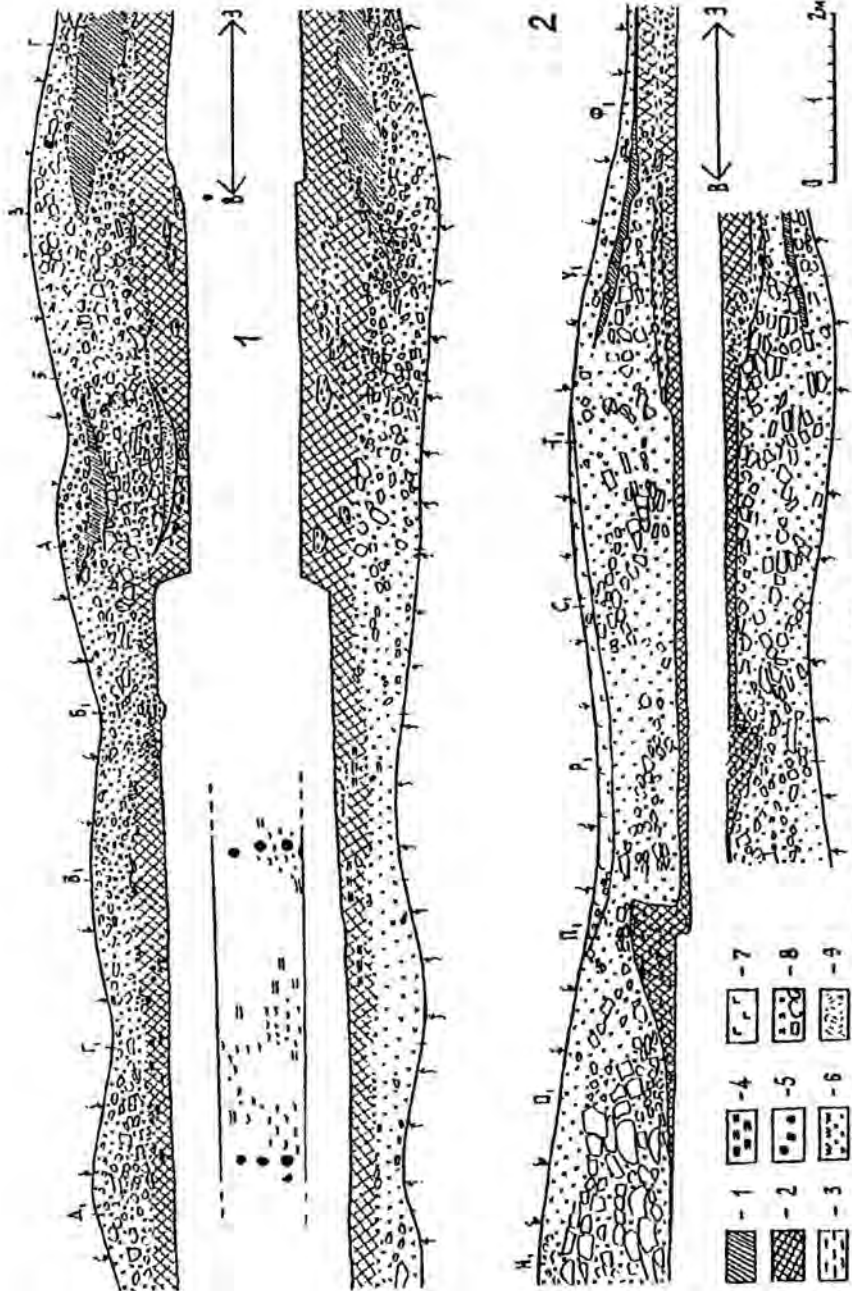

Рис. 4. Профили траншей по линии 27 в местах пересечения с «выемками» стен крепости. 1 - профили и участок плана юго-восточной стены, 2 - профиля юго-западной стены. Условные знаки: 1 - серый гумусированный песок, 2 - черный гумусированный песок, 3 - глина, 4 - обожженная глина, 5 - углистое заполнение впадок от столбиков, 6 - мала и угли, 7 - дери, 8 - щебень, камни, 9 - чешуя и кости рыб.

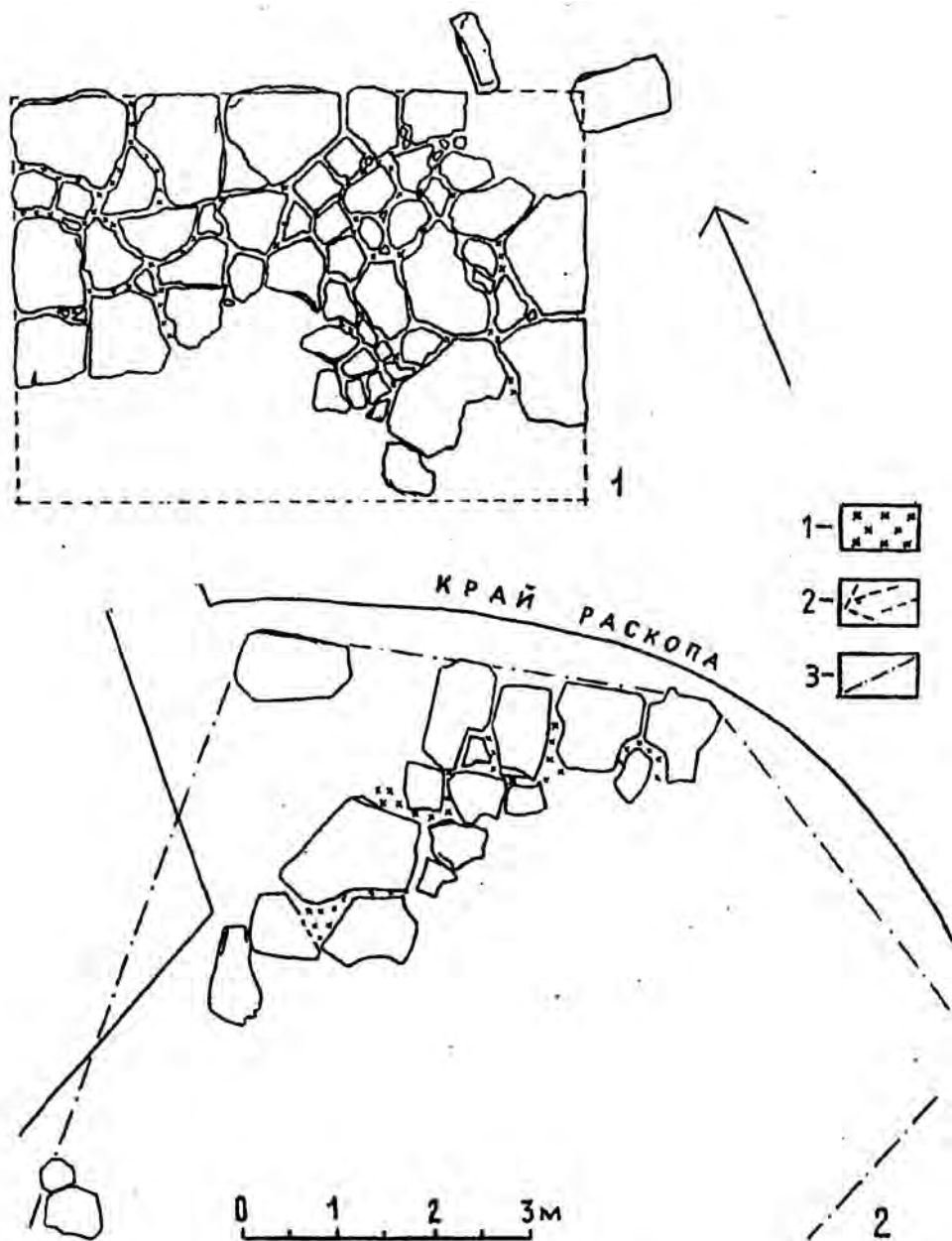

Рис. 5. Остатки полов башен. 1 - вымостка башни северо-восточной стены, 2 - остатки вымостки угловой северо-восточной башни. Условные знаки: 1 - щелеви, 2 - предполагаемые очертания первой башни, 3 - предполагаемые очертания второй башни.

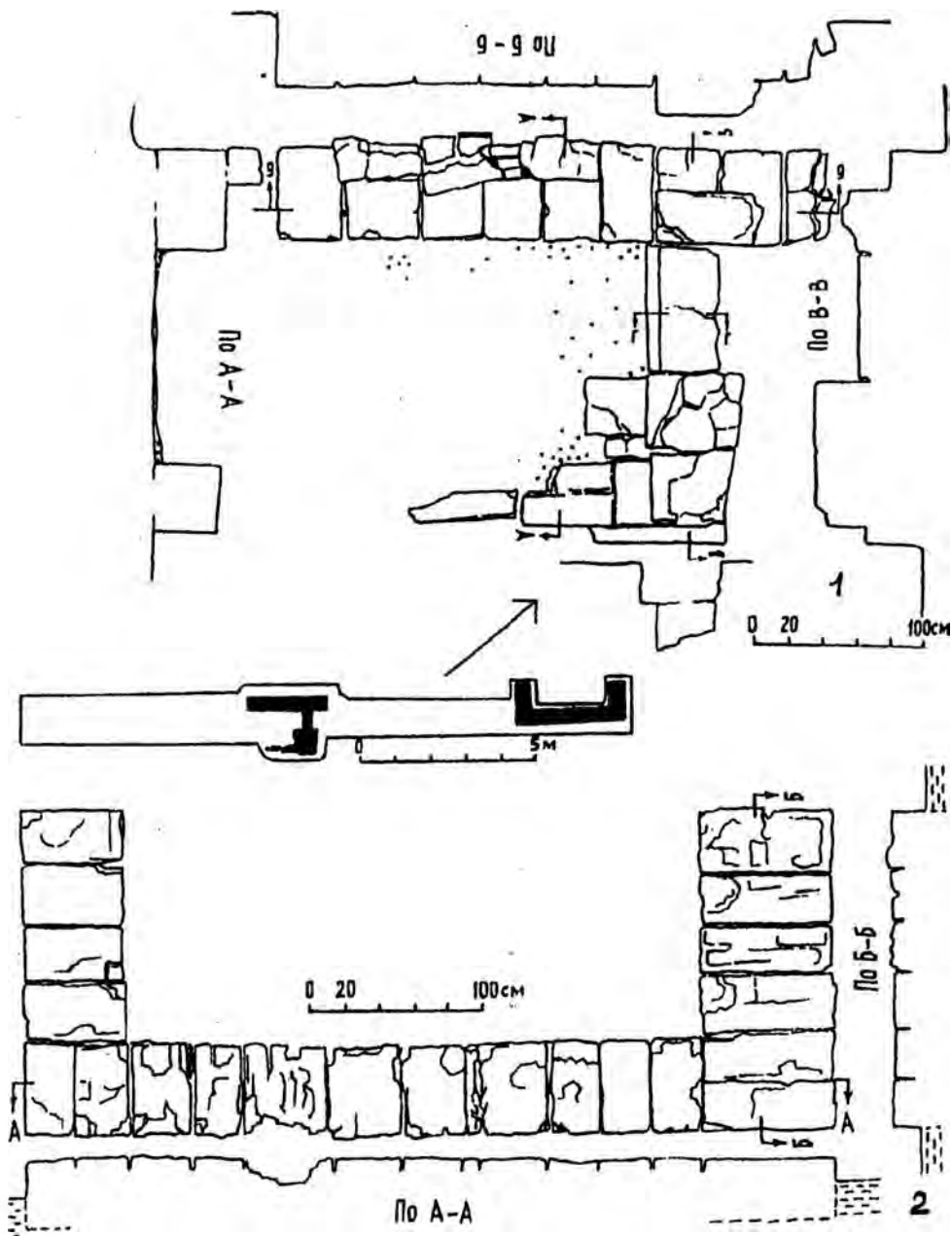

Рис. 6. Остатки пристроек привратных сооружений. 1 - пристройка А (план и разрез), 2 - пристройка Б (план и разрез).

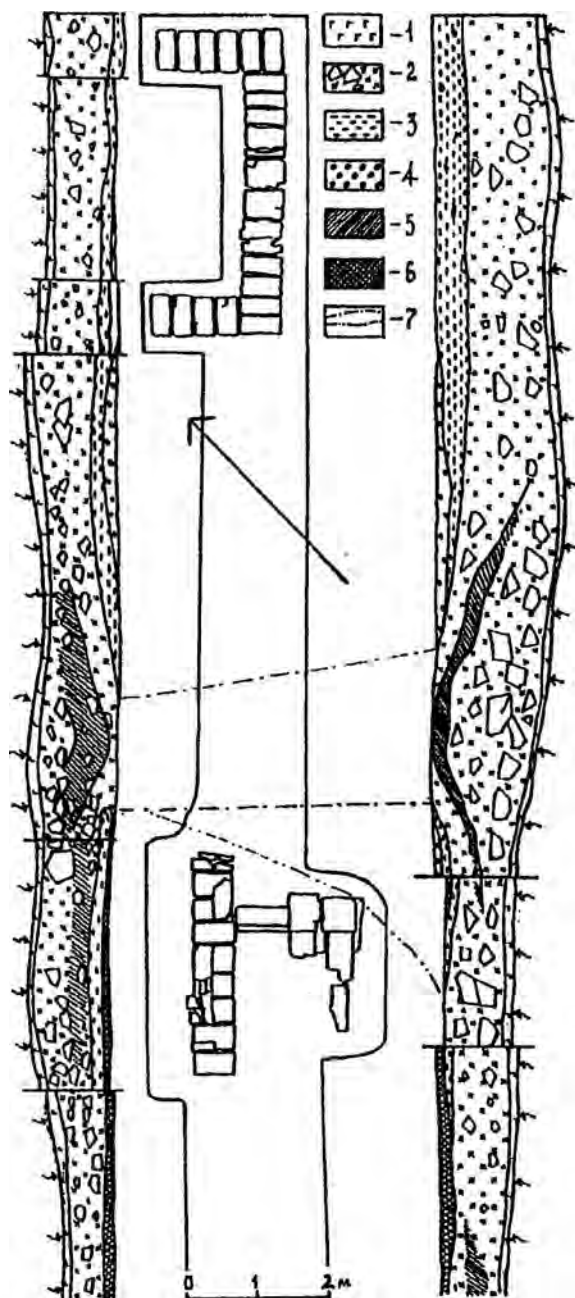

Рис. 7. Профили слоя на участке вокруг привратных сооруже-
 (114)

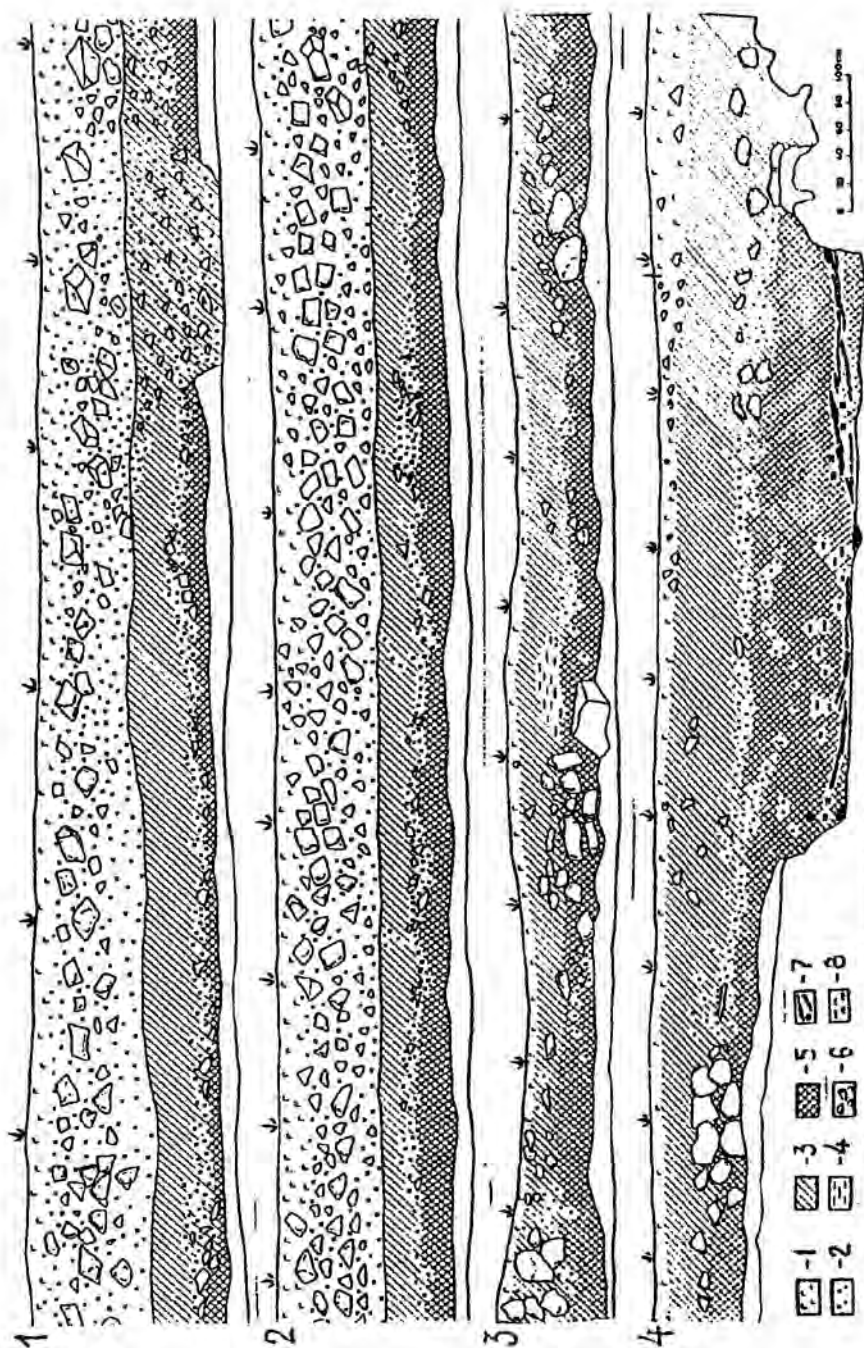

Рис. 8. Стратиграфические разрезы слоя на городище: 1 и 2 - северо-западный и северо-восточный профили раскопа III, 3 и 4 - северный и восточный профили раскопа II. Условные знаки: 1 - дерн, 2 - щебень, 3 - серый гумус, 4 - глина, 5 - черный гумус, 6 - камни, 7 - горелое дерево, угли, 8 - зола.

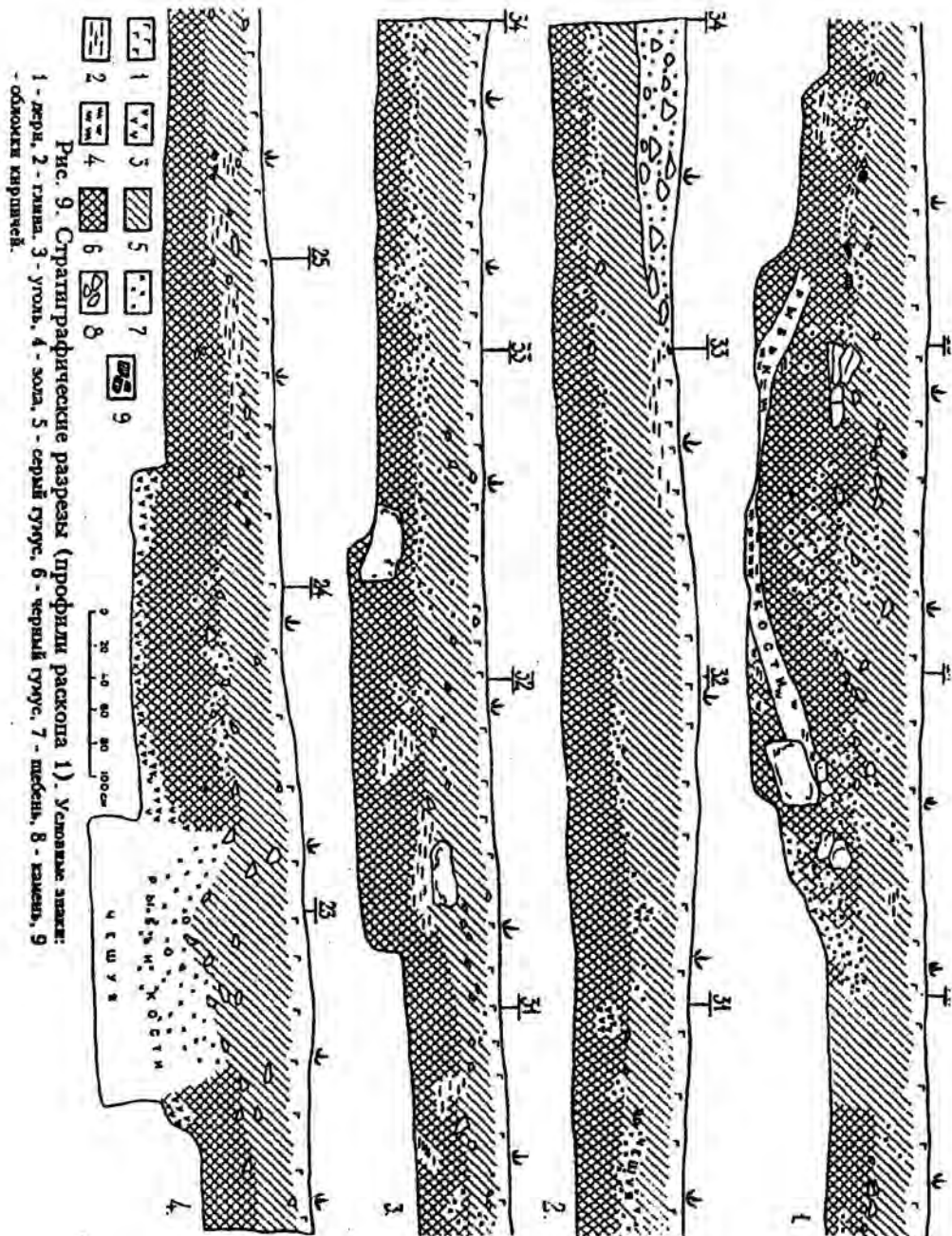

Рис. 9. Стратиграфические разрезы (профили раскопа 1). Условные знаки:

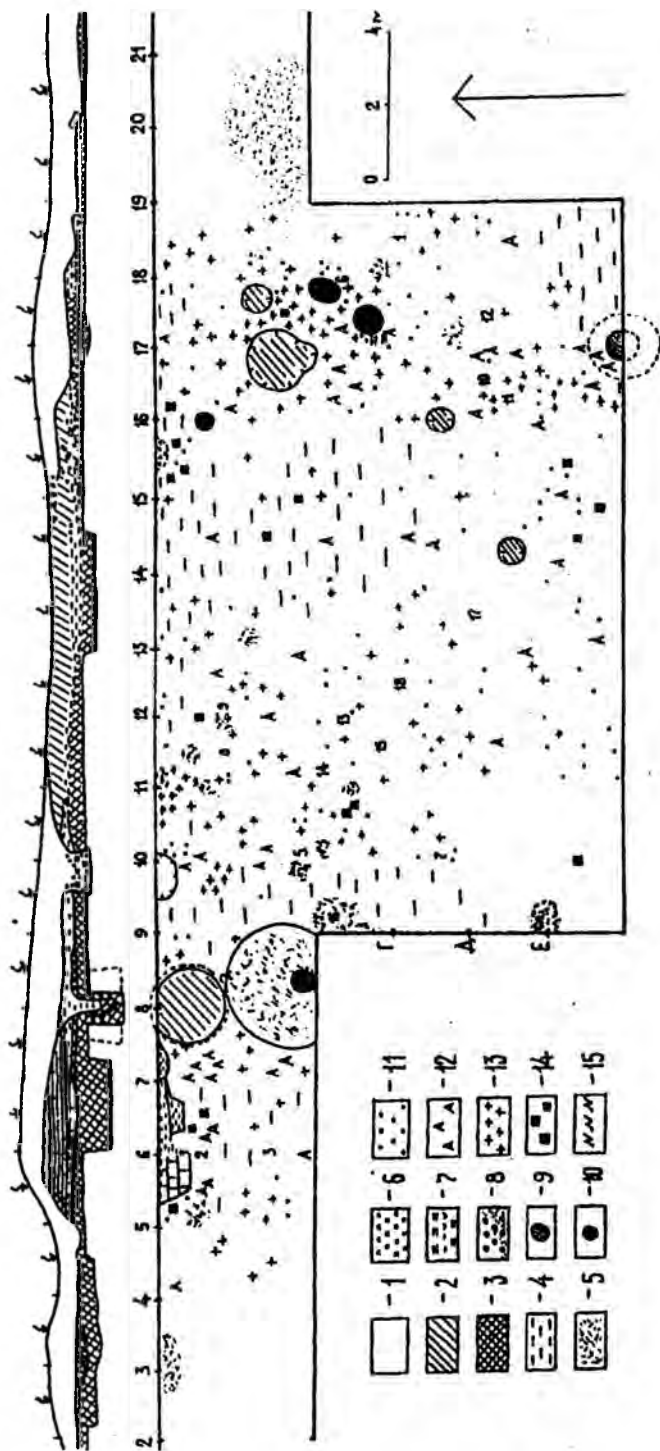

Рис. 10. План раскопа V позднего периода жизни на мысу и северный профиль раскопа. Условные знаки: 1 - слой разрушения стен (развалы богатого камня), 2 - серый гравий, 3 - черная глина, 4 - глина, 5 - развал остатков, 6 - песок, 7 - обожженная глина и уголь, 8 - меловая крошка и песок, 9 - ямы, 10 - очаги, 11 - кости животных, 12 - обломки амфор, 13 - обломки бытовой керамики, 14 - обломки строительного (кварцевой и пр.), 15 - индивидуальные находки: 1, 2, 4, 6, 7, 9, 12 - обломки железных котлов, 3 и 11 - крошки, 5, 8 - точильные камни, 10 - пряжки; 13, 17, 18 - ножи, 14 - сверло, 15, 16 - железные стержни.

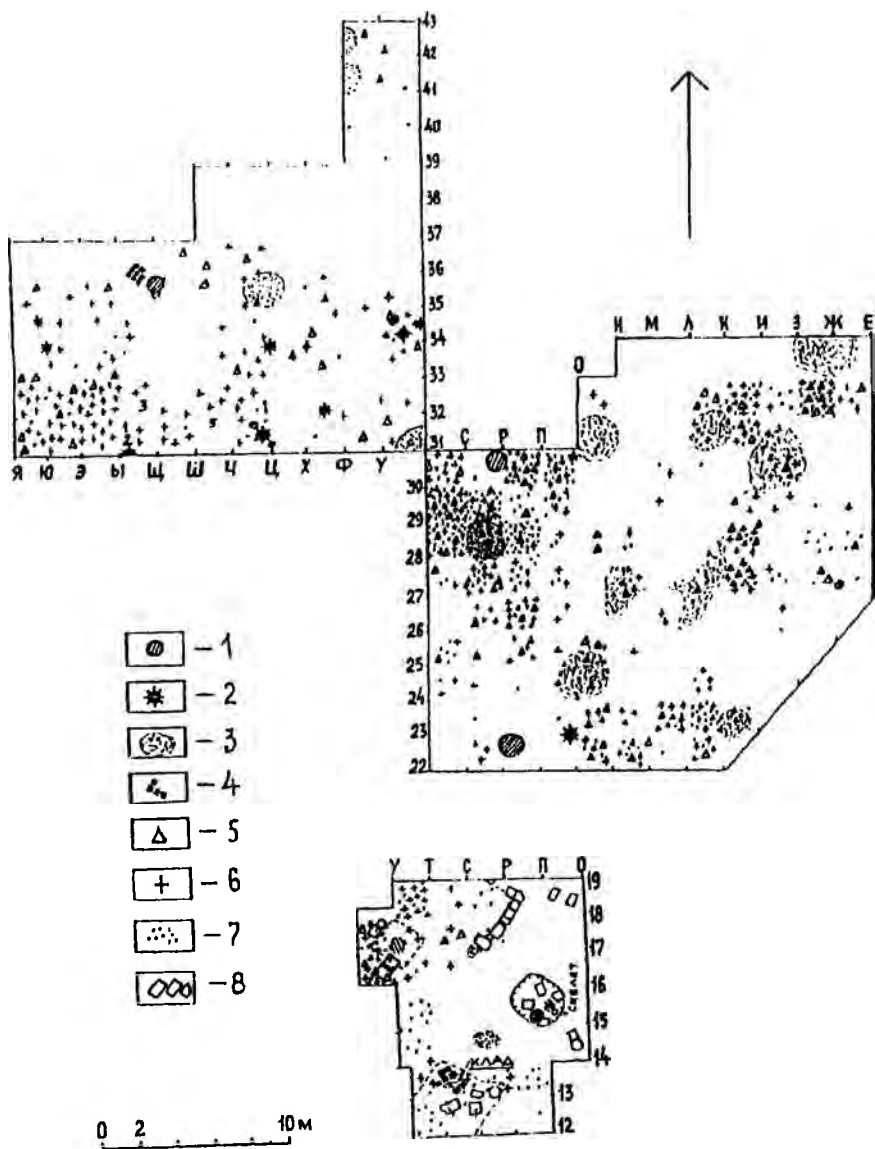

Рис. 11. План раскопок I, II, IV позднего периода жизни на мысу. Условные знаки: 1 - ямы, 2 - очаги, 3 - скопления рыбьих отбросов, 4 - кирпичи, 5 - обломки амфор, 6 - обломки бытовой посуды, 7 - кости животных, 8 - камни (блоки). Индивидуальные находки: 1 - мотыжка, 2 - удила, 3, 4 - серпы, 5 - обломок фибулы V в.

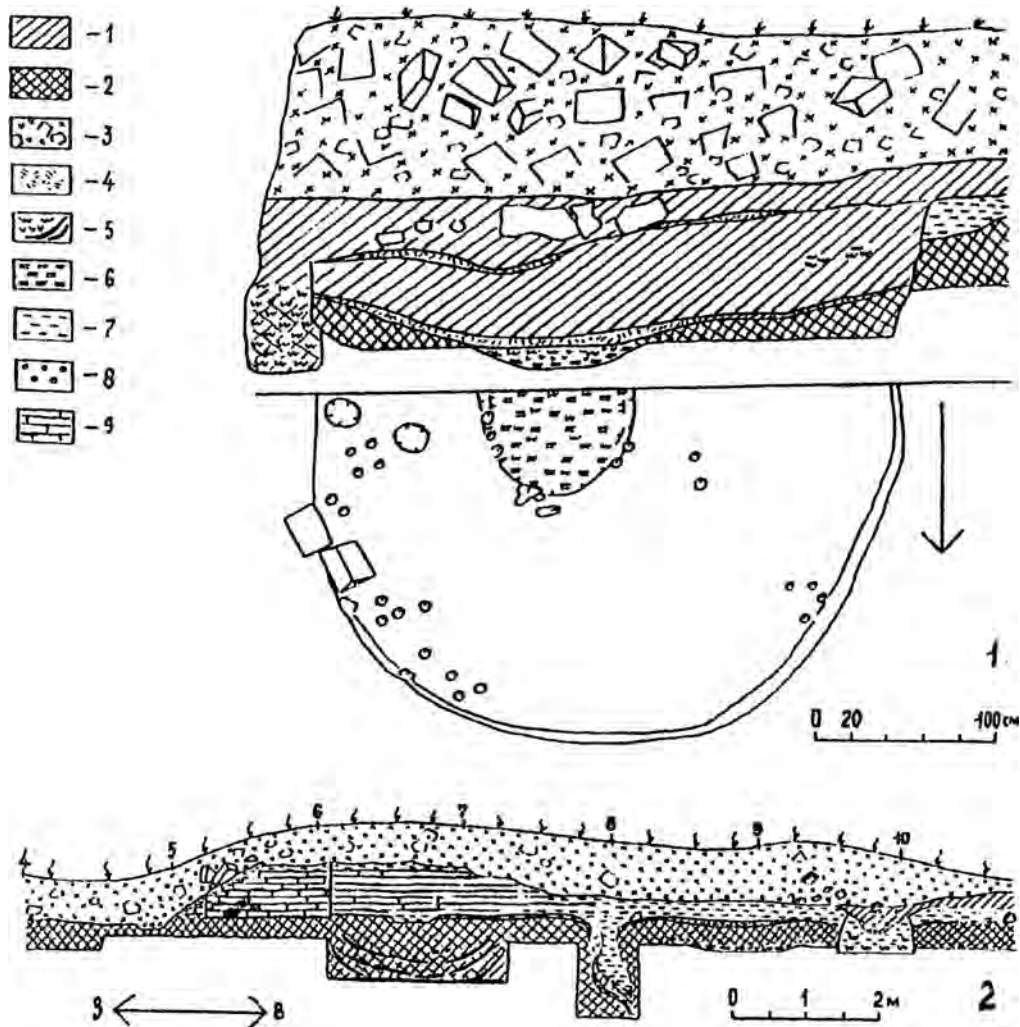

Рис. 12. Жилище 40(1) и разрез сырцовый постройки на северном профиле раскопа V (2). Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - щебень и камни, 4 - рыбы чешуя и кости, 5 - зола и угля, 6 - обожженная глина, 7 - глина, 8 - меловая крошка, 9 - сырцовая кладка.

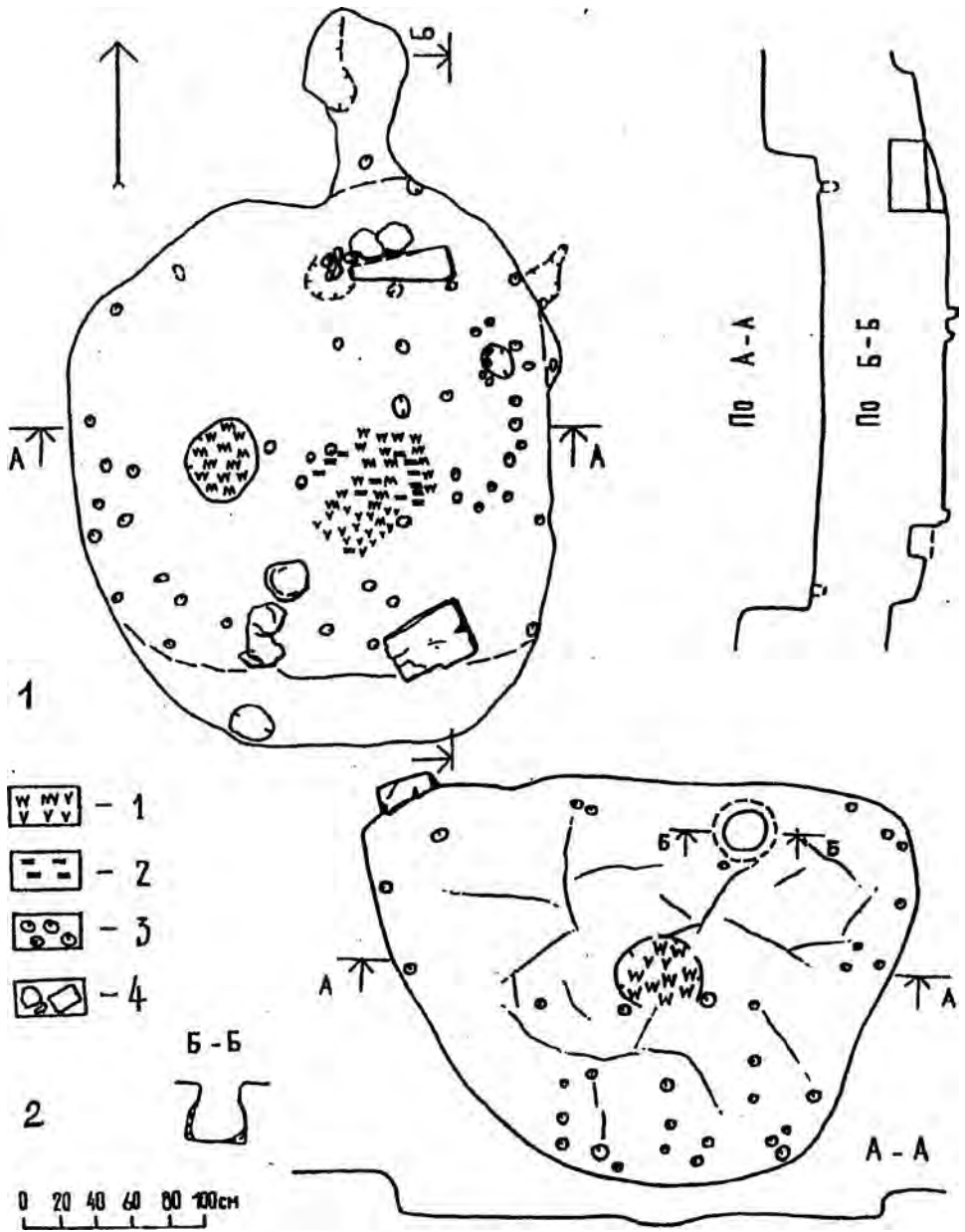

Рис. 13. Жилище 3/1 (1) и 15/IV (2). Условные знаки: 1 - угли и зола, 2 - обожженная глина, 3 - ямки от жердей, 4 - камни и блоки.

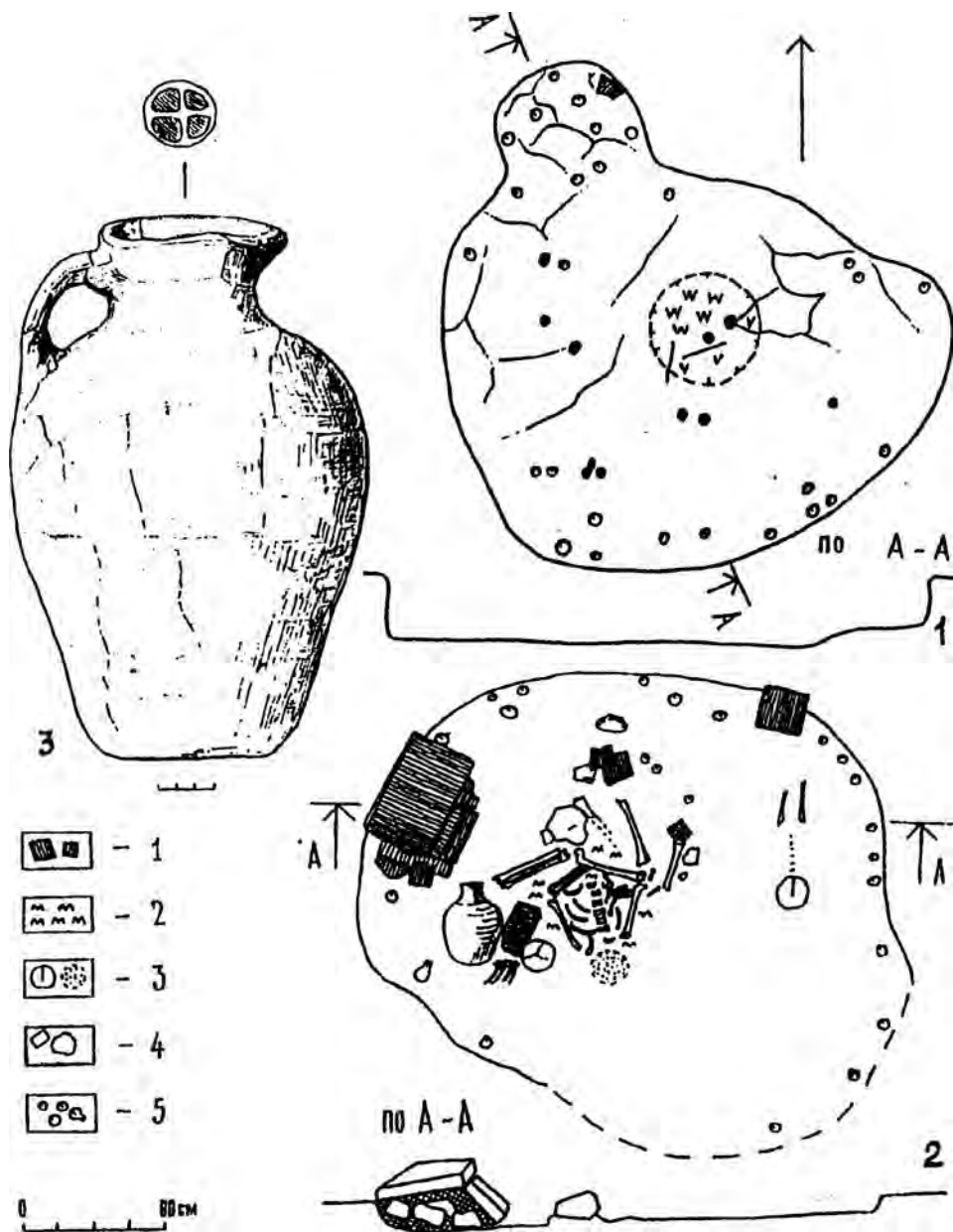

Рис. 14. Жилище 18/IV (1) и 20/IV (2), кувшины из жилища 20 (3).
 Условные знаки: 1 - кирпичи, 2 - зола, 3 - осколочно черепа детей, 4 - камни, 5 - ямки от жердей.

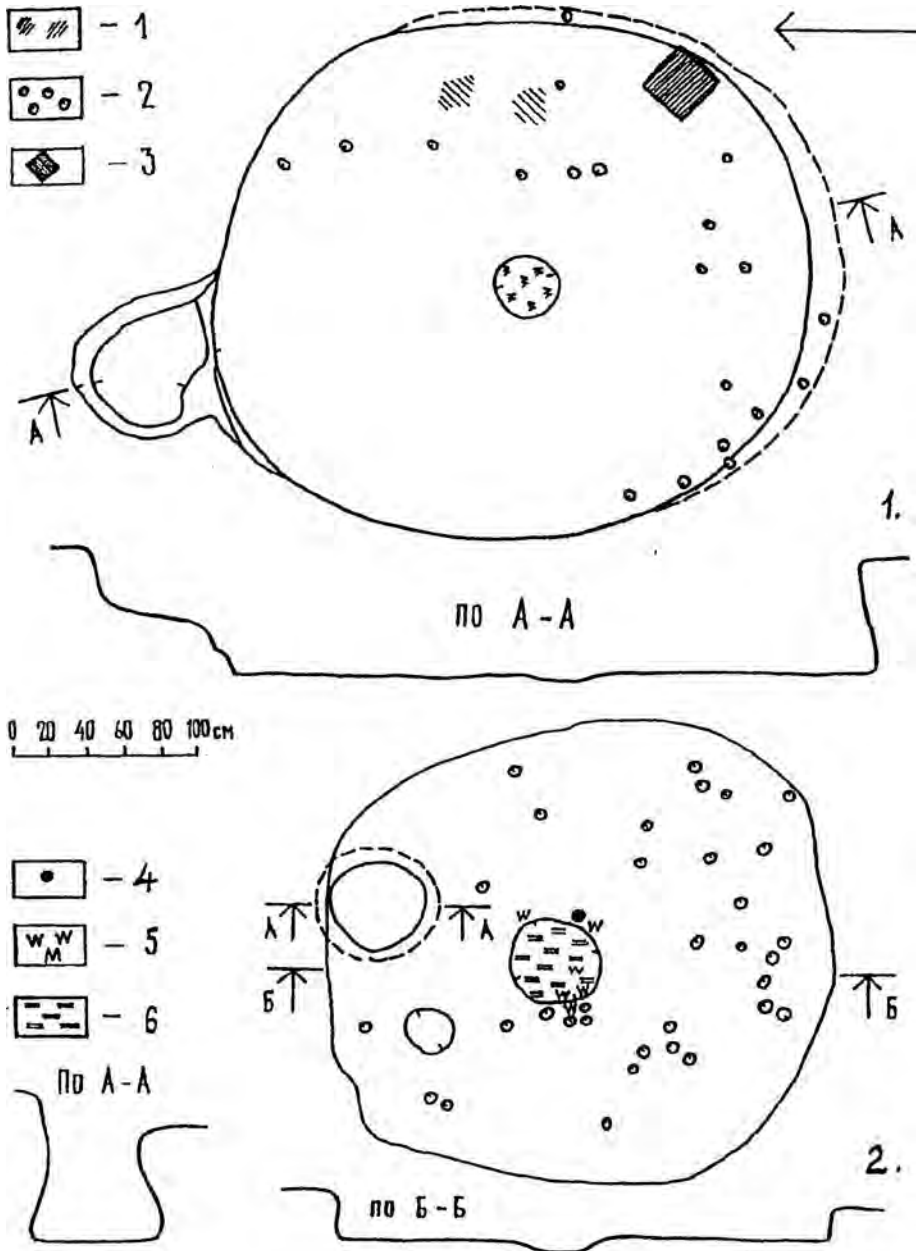

Рис. 15. Жилище 21/IV (1) и 32/V (2). Условные знаки: 1 - ятна гунуса, 2 - ямки от жердей, 3 - кирпичи, 4 - ямка от сгоревшего столбика, 5 - зола, 6 - обожженная глина.

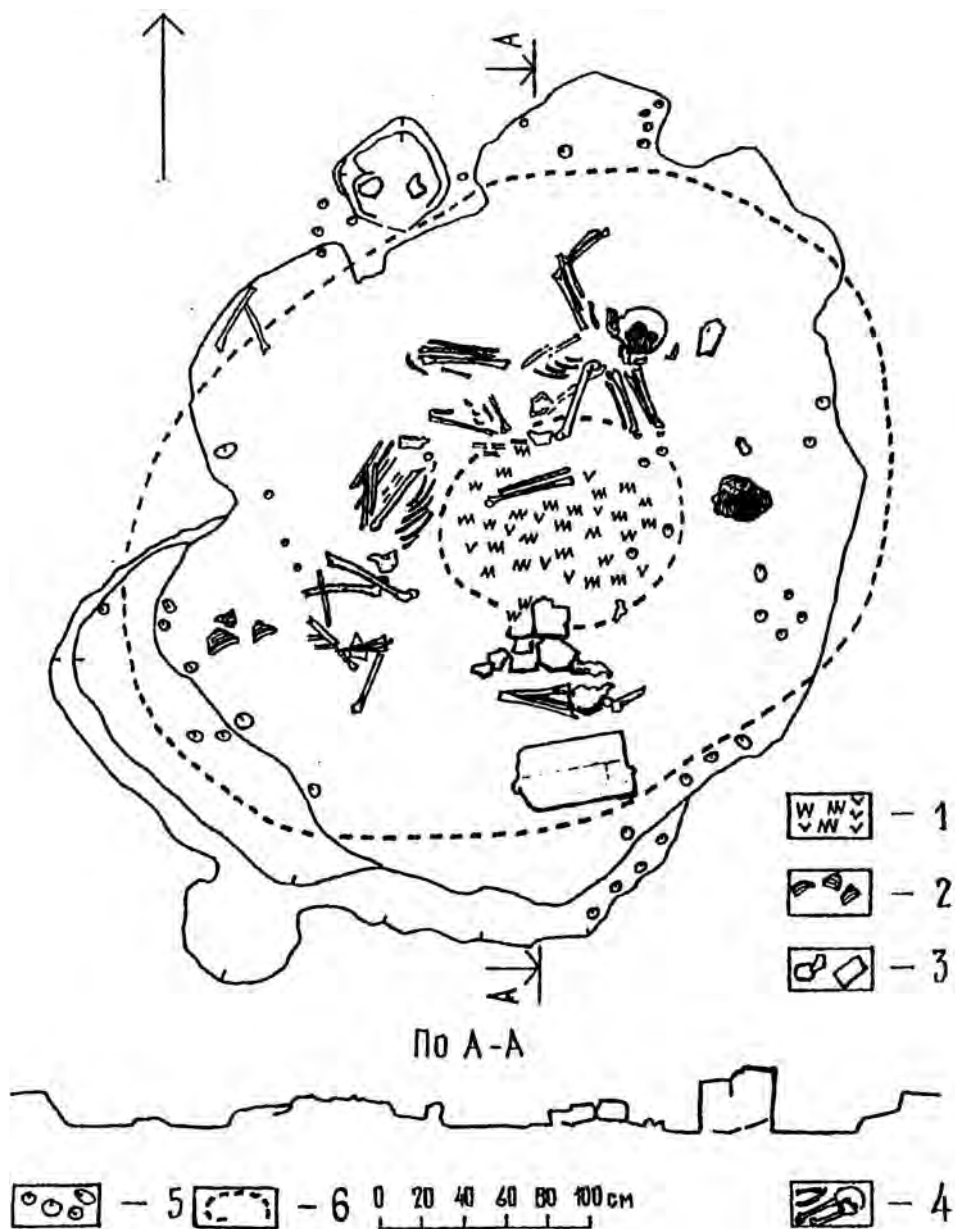

Рис. 16. Жилище 1/1. Условные знаки: 1 - уголь и зола, 2 - обломки кухонных горшков, 3 - камни, 4 - кости скелетов, 5 - ямки от жердей, 6 - лунки пяти сажа от сгоревшего войлока.

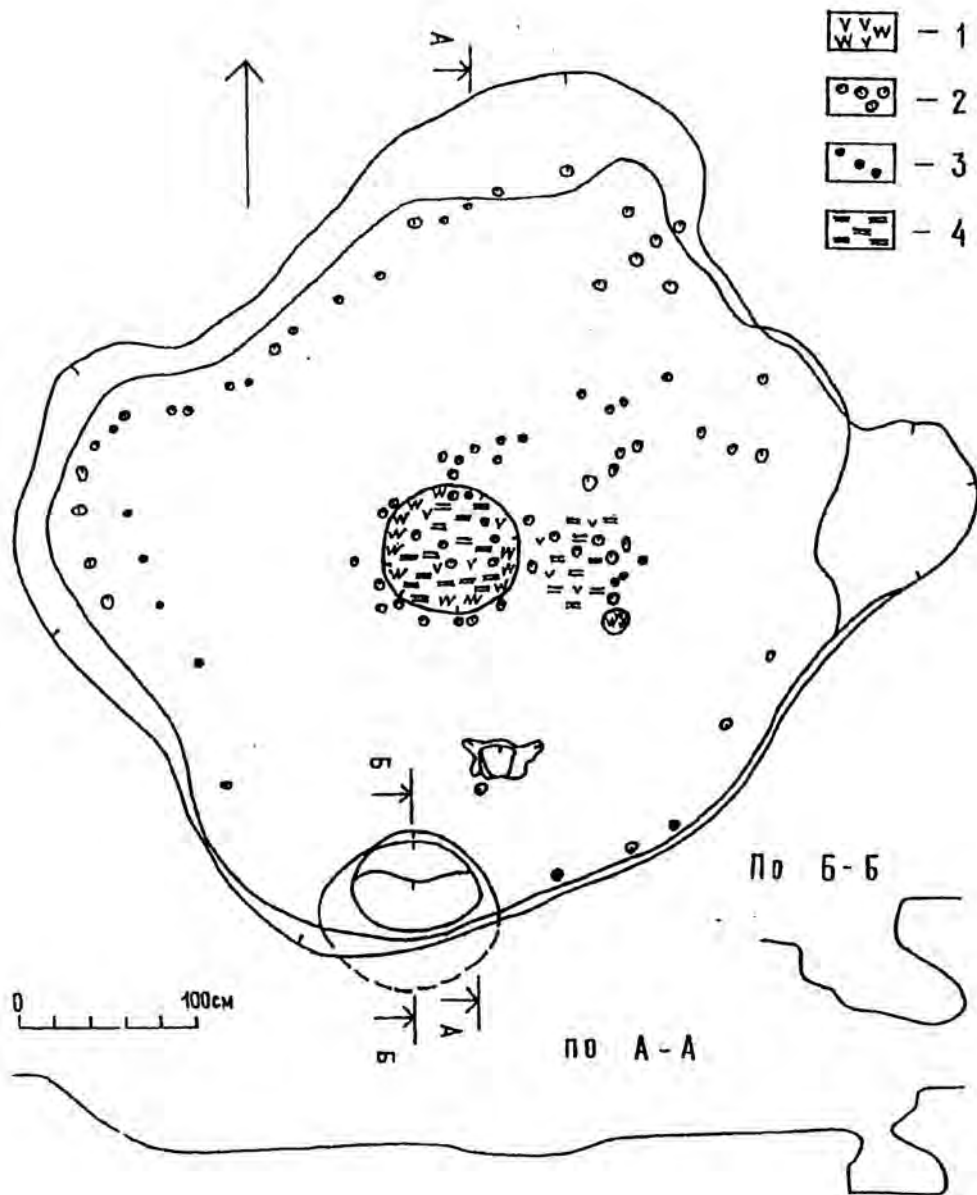

Рис. 17. Жилище 29/V. Условные знаки: 1 - угли и зола, 2 - ямки от жердей, 3 - ямки сгоревших столбиков, 4 - обожженная глина.

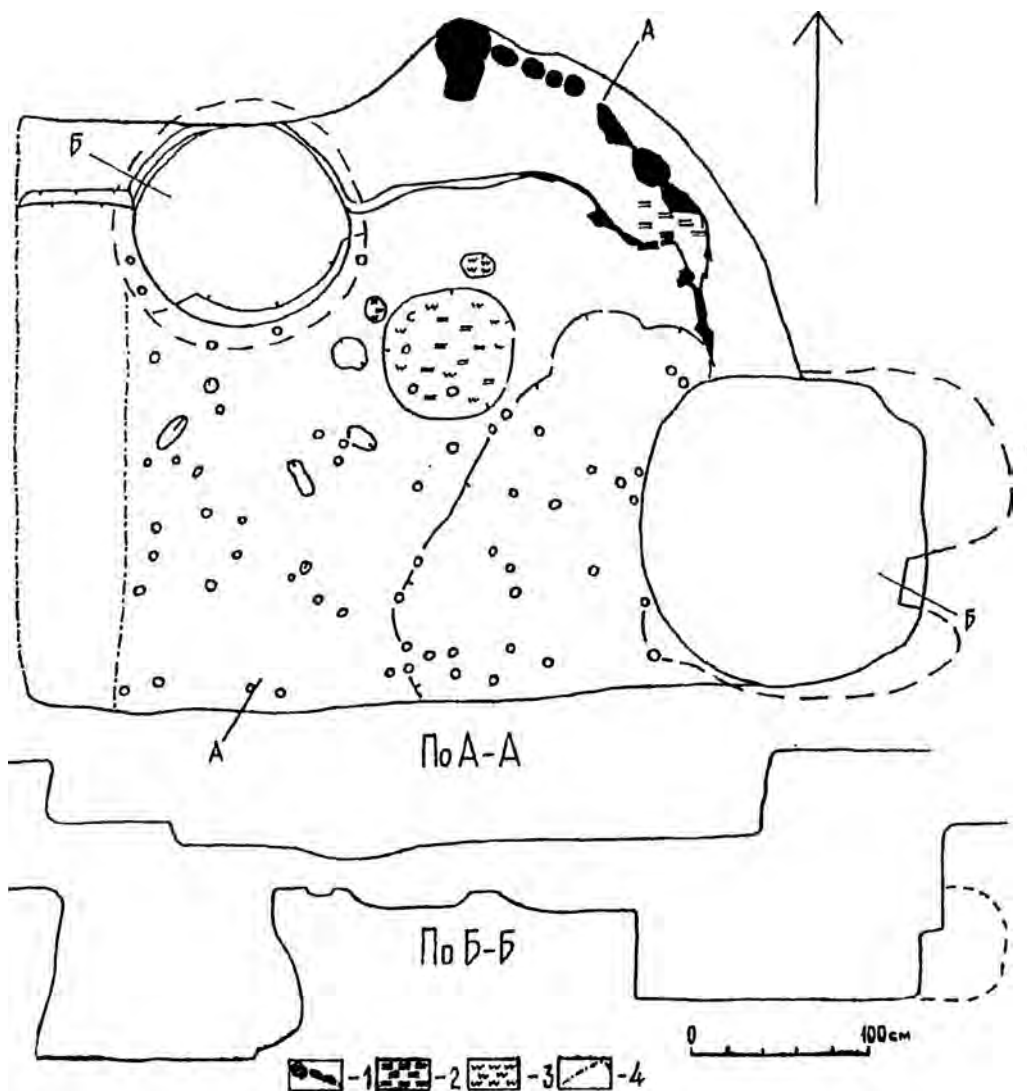

Рис. 18. Жилище 36/V. Условные знаки: 1 - сгоревшие столбьки (ямки, забитые углем), 2 - обожженная глина, 3 - зола, 4 - предполагаемый (разрушенный) край жилища.

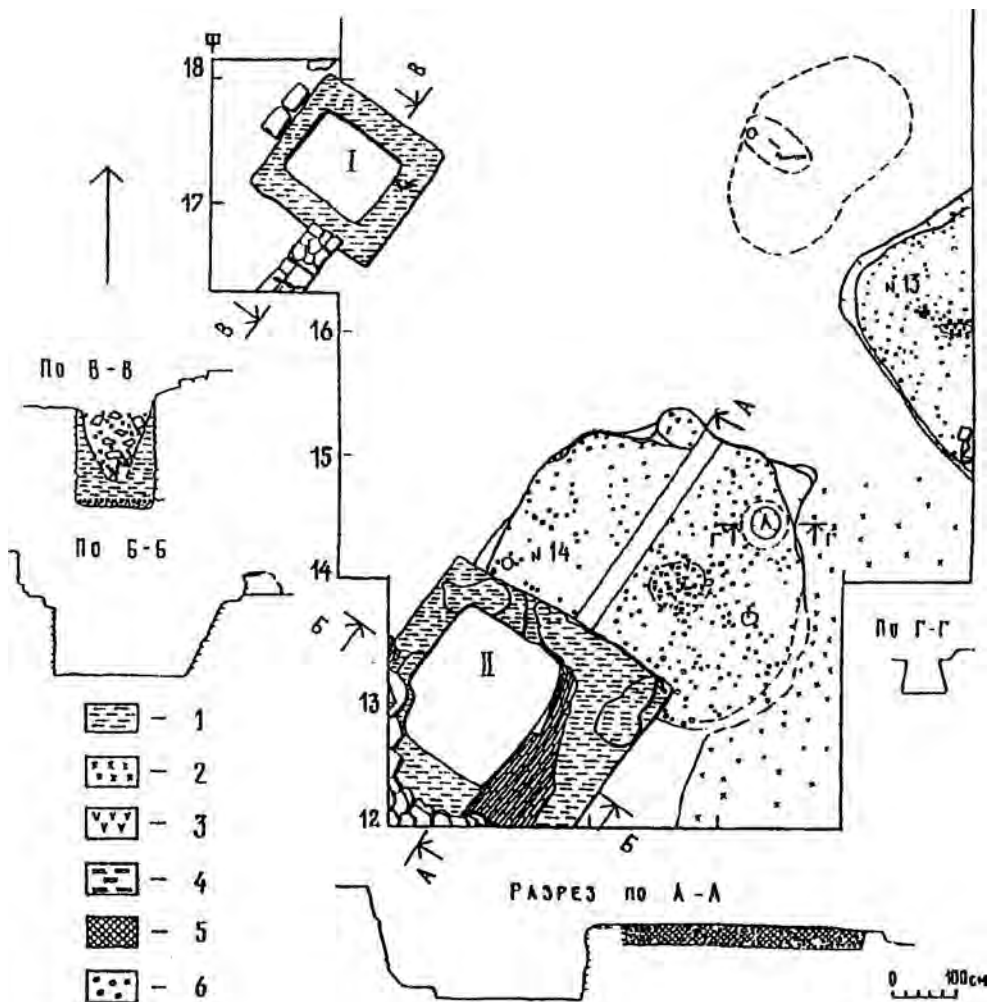

Рис. 19. Раскоп II после расчистки объектов нижнего слоя. Условные обозначения: 1 - глина, 2 - щебень, 3 - угли, 4 - обожженная глина, 5 - черный гумус, 6 - ямки от жердей.

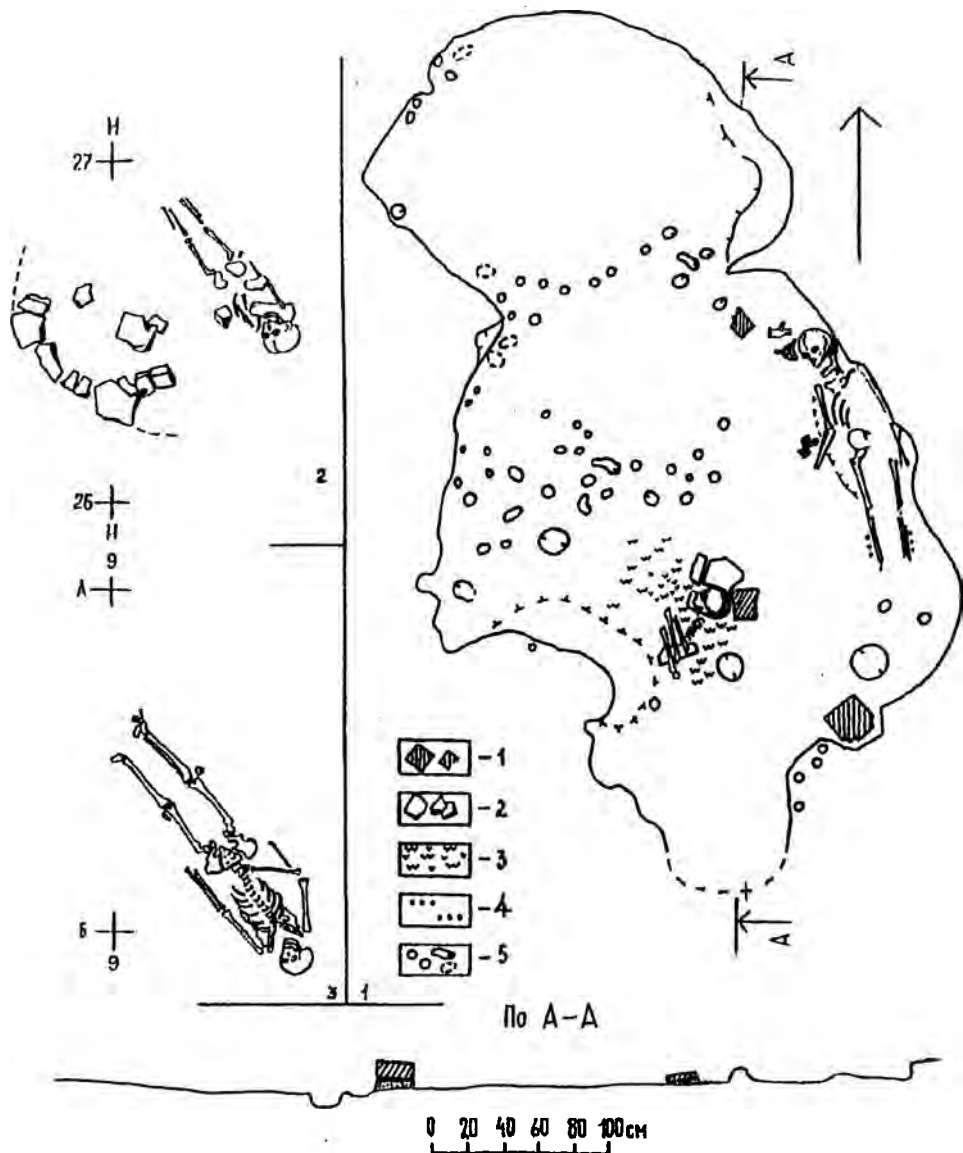

Рис. 20. Жилище 2/1 (1), погребение ребенка в раскопе I (2), погребение мужчины в раскопе V (3). Условные знаки: 1 - кирпичи, 2 - камни, 3 - зола и уголь, 4 - монеты, 5 - ямки от жердей.

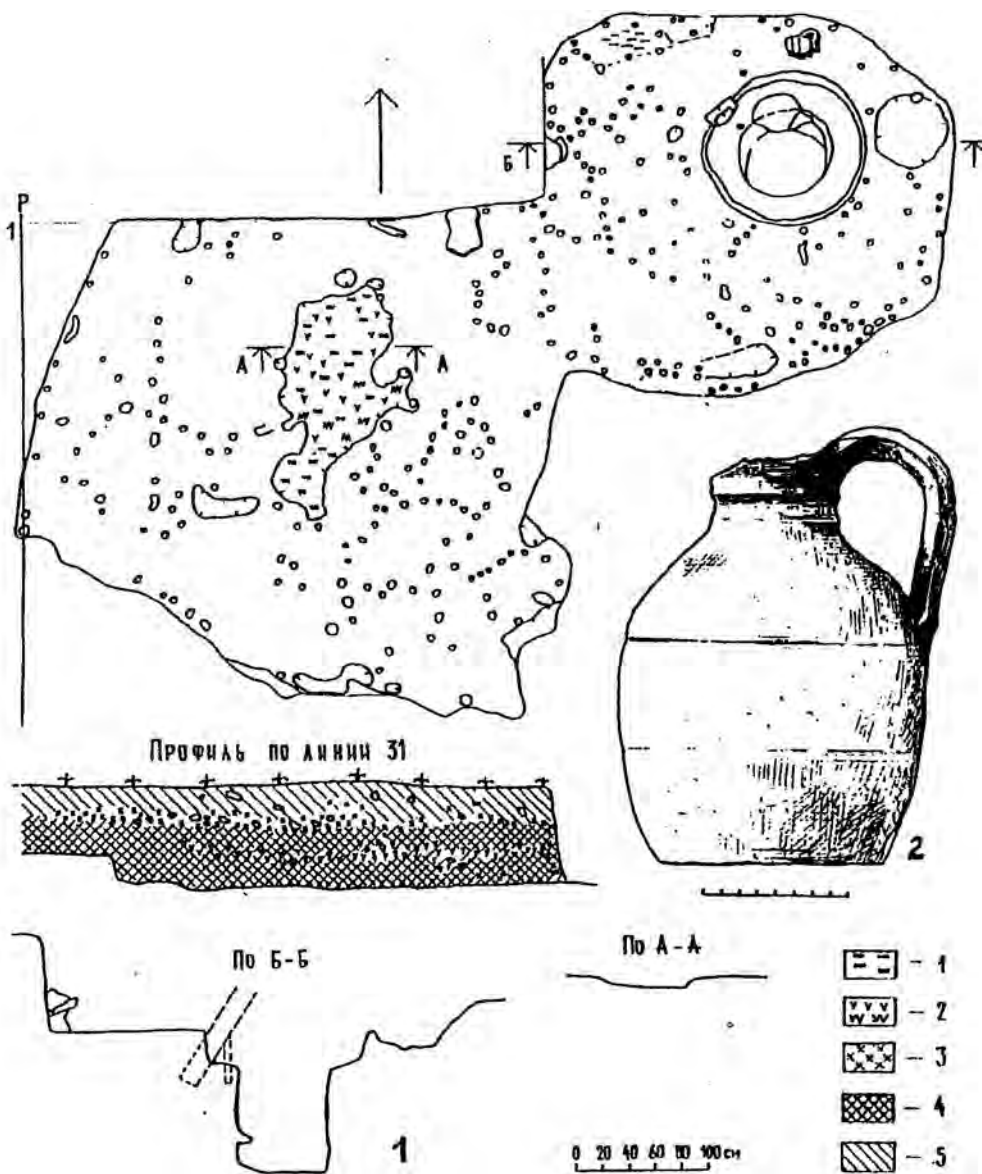

Рис. 21. Жилище 5/1 - план, профиль, разрезы (1), кувшин из жилища 5 (2). Условные знаки: 1 - обожженная земля и глина, 2 - зола и уголь, 3 - щебень, 4 - черный гумус, 5 - серый гумус.

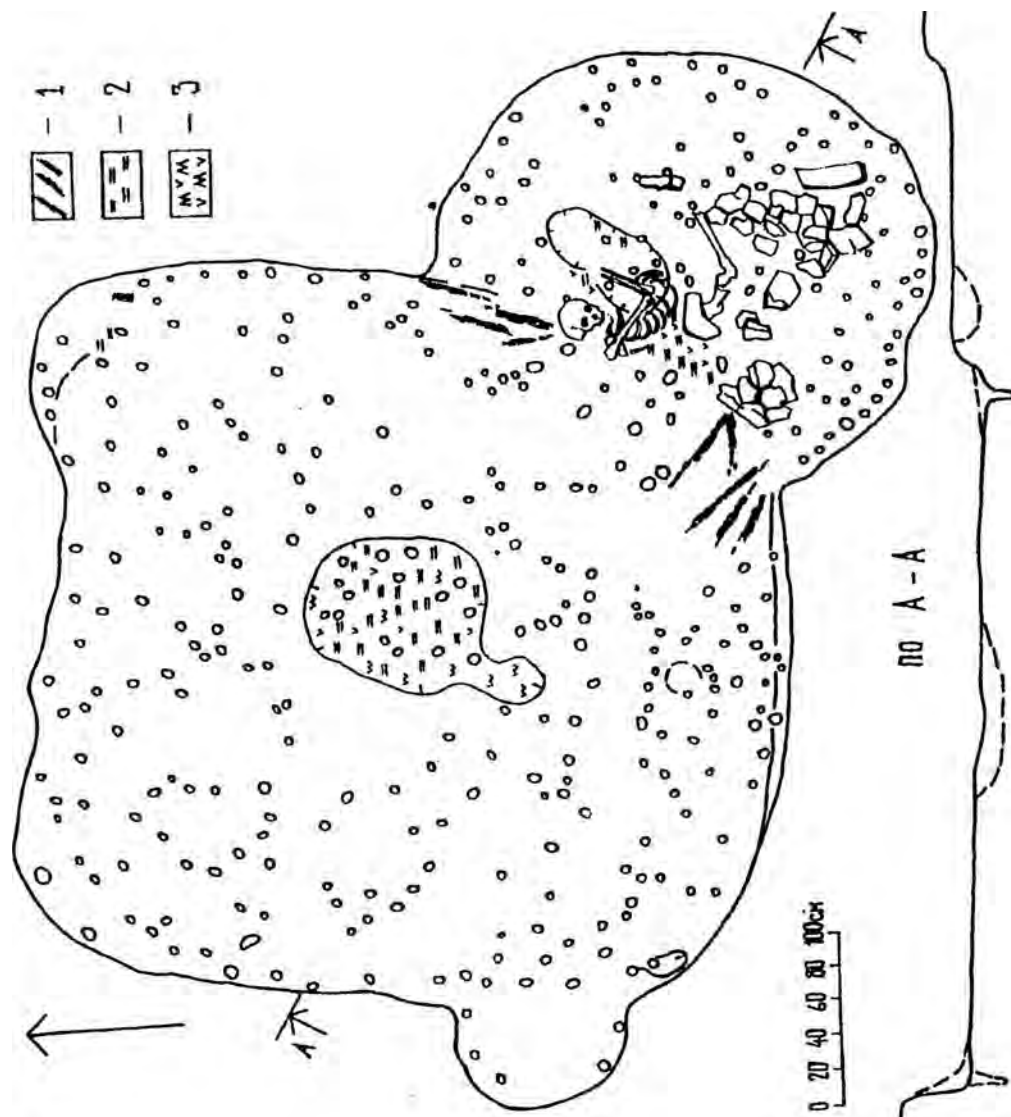

Рис. 22. Жилище 7/I. Условные знаки: 1 - сгоревшие жерди, 2 - обожженная глина, 3 - уголь и зола.

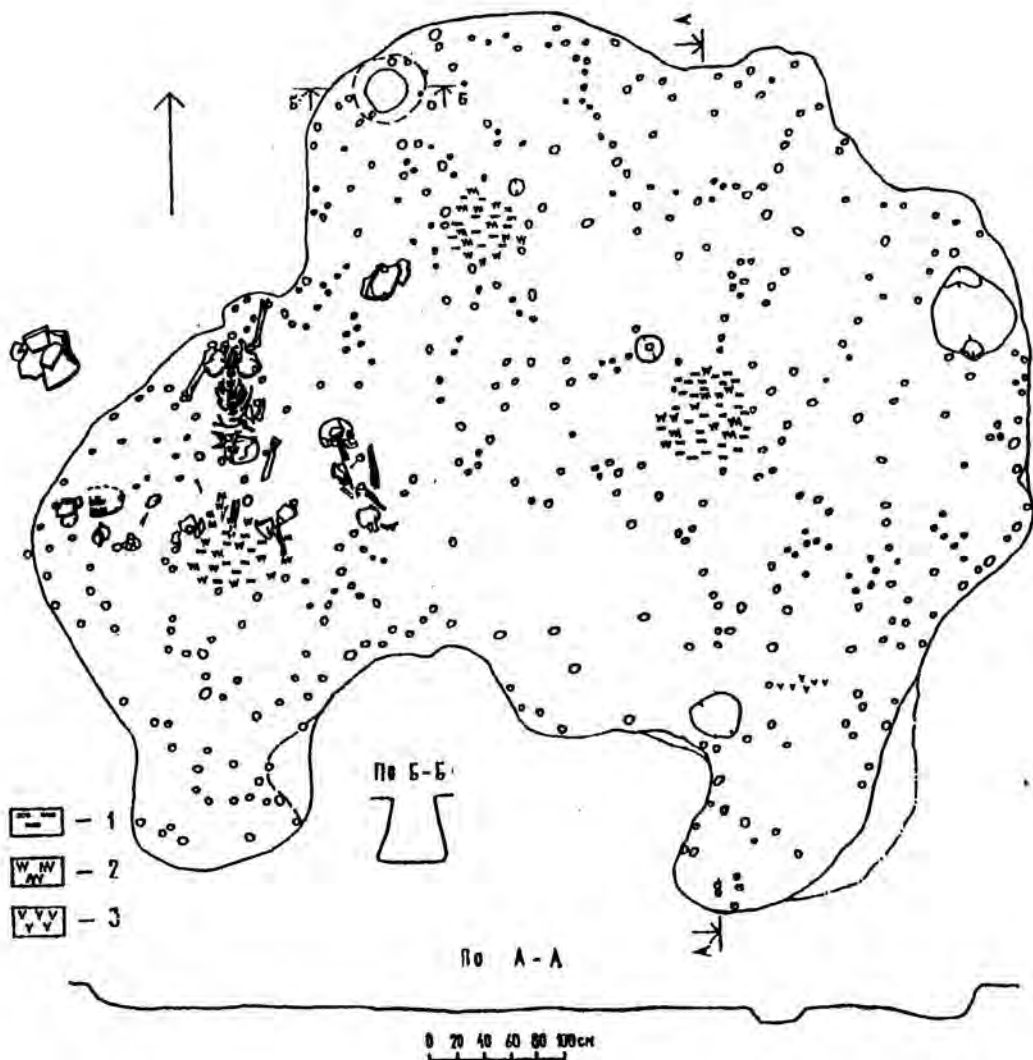

Рис. 23. Жилище 12/1. Условные знаки: 1 - обожженная глина, 2 - зола, 3 - уголь.

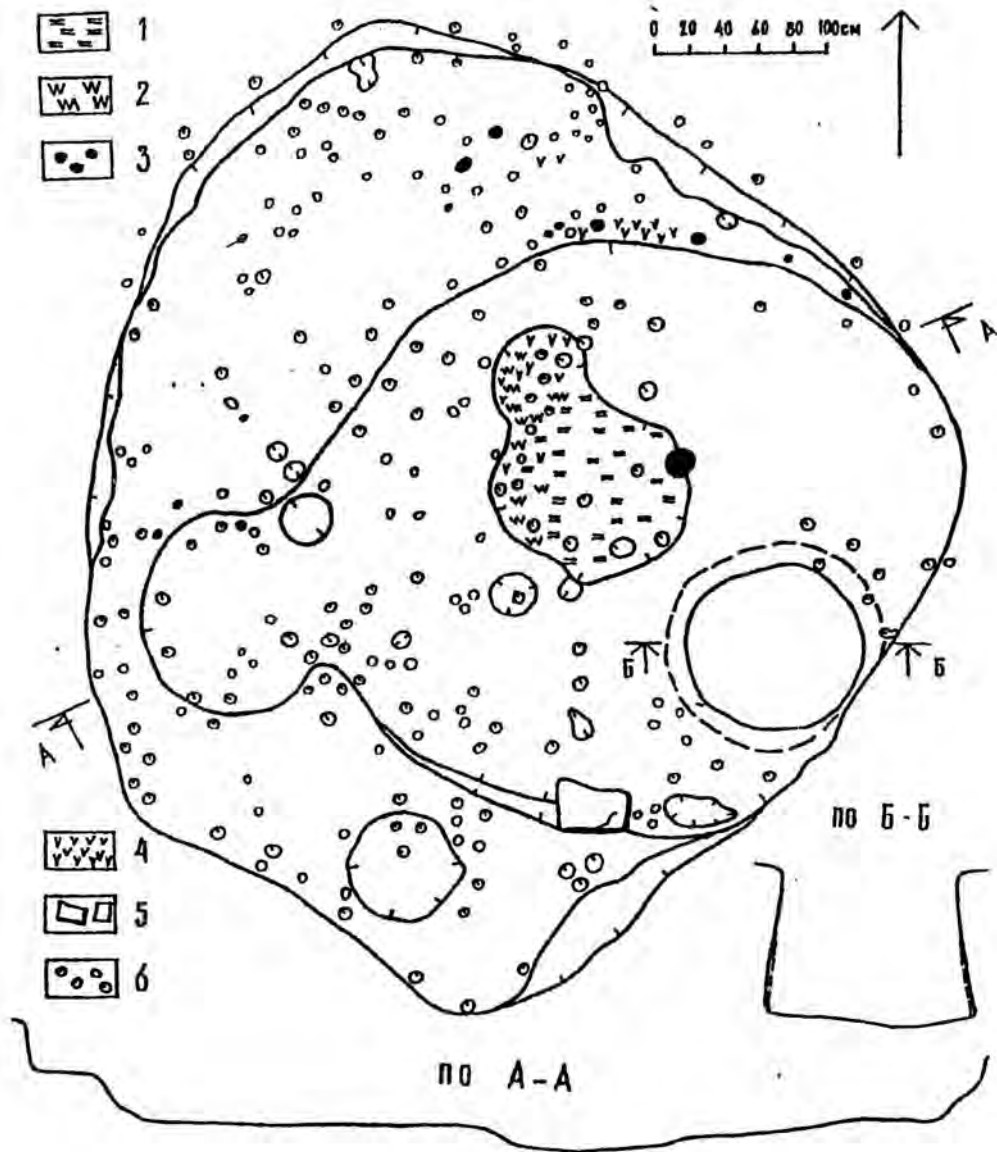

Рис. 24. Жилища 6 и ба/І. Условные знаки: 1 - обожженная глина, 2 - зола, 3 - ямки от столбиков, заполненные углем, 4 - угли, 5 - камни, 6 - ямки от жердей.

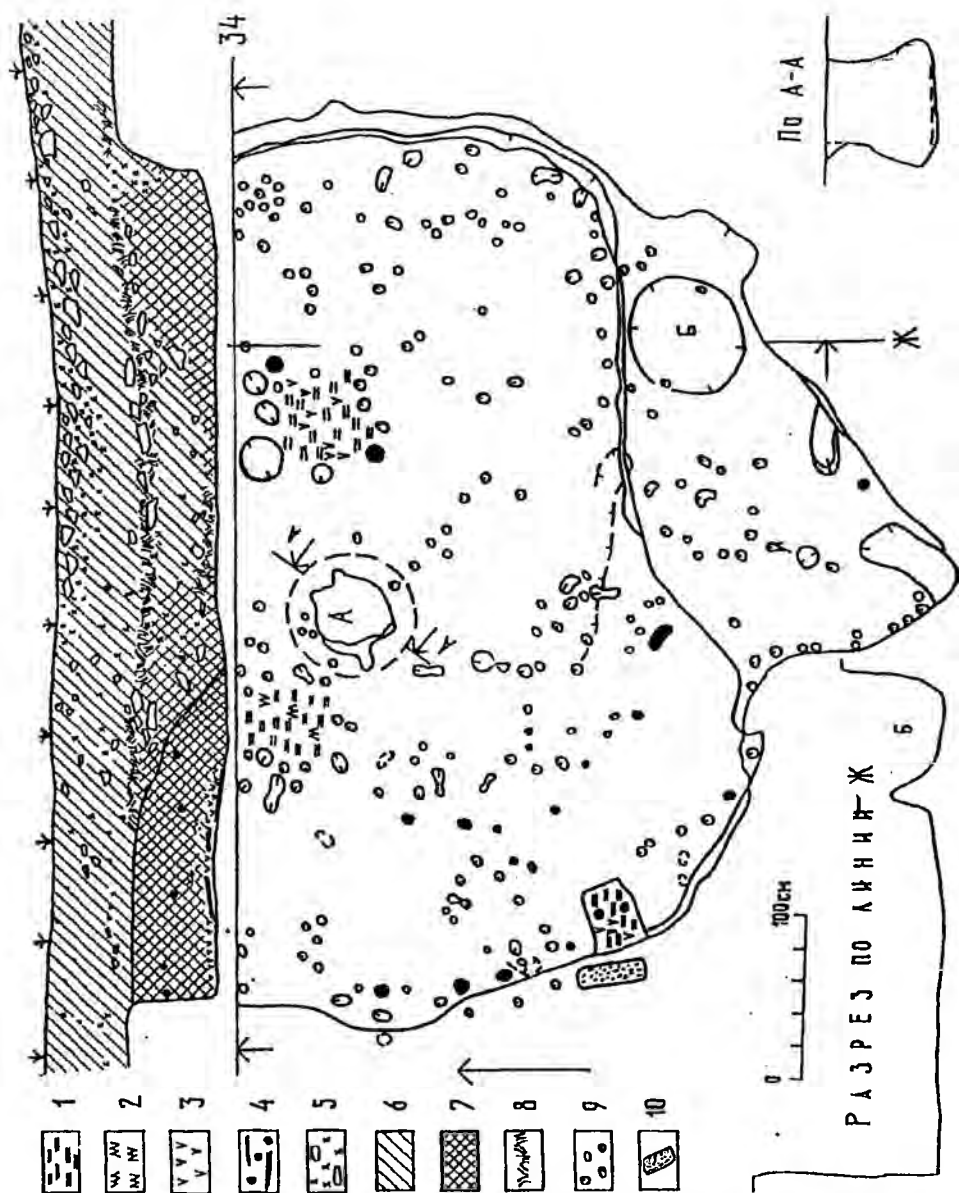

Рис. 25. Жилища 10, 10а/1. Условные знаки: 1 - обожженная глина, 2 - зола, 3 - уголь, 4 - горелое дерево, 5 - камни и щебень, 6 - серый гомус, 7 - черный гомус, 8 - рыбьи кости и чешуя, 9 - ямки от жердей, 10 - камень-песчаник.

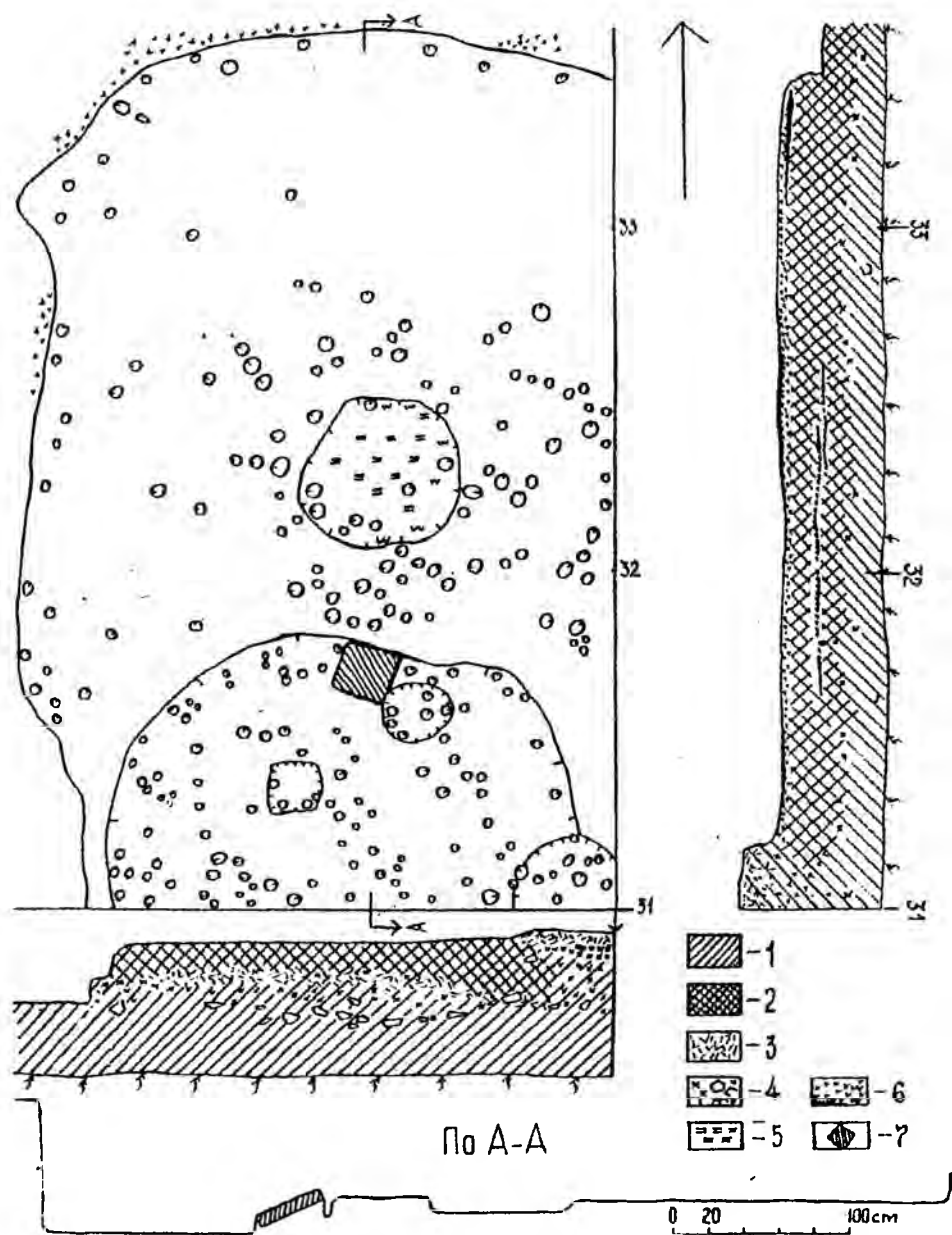

Рис. 26. Жилища 19, 19а/IV. Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - рыбы чешуя и кости, 4 - камень и щебень, 5 - обожженная глина, 6 - уголь и зола, 7 - кирпич.

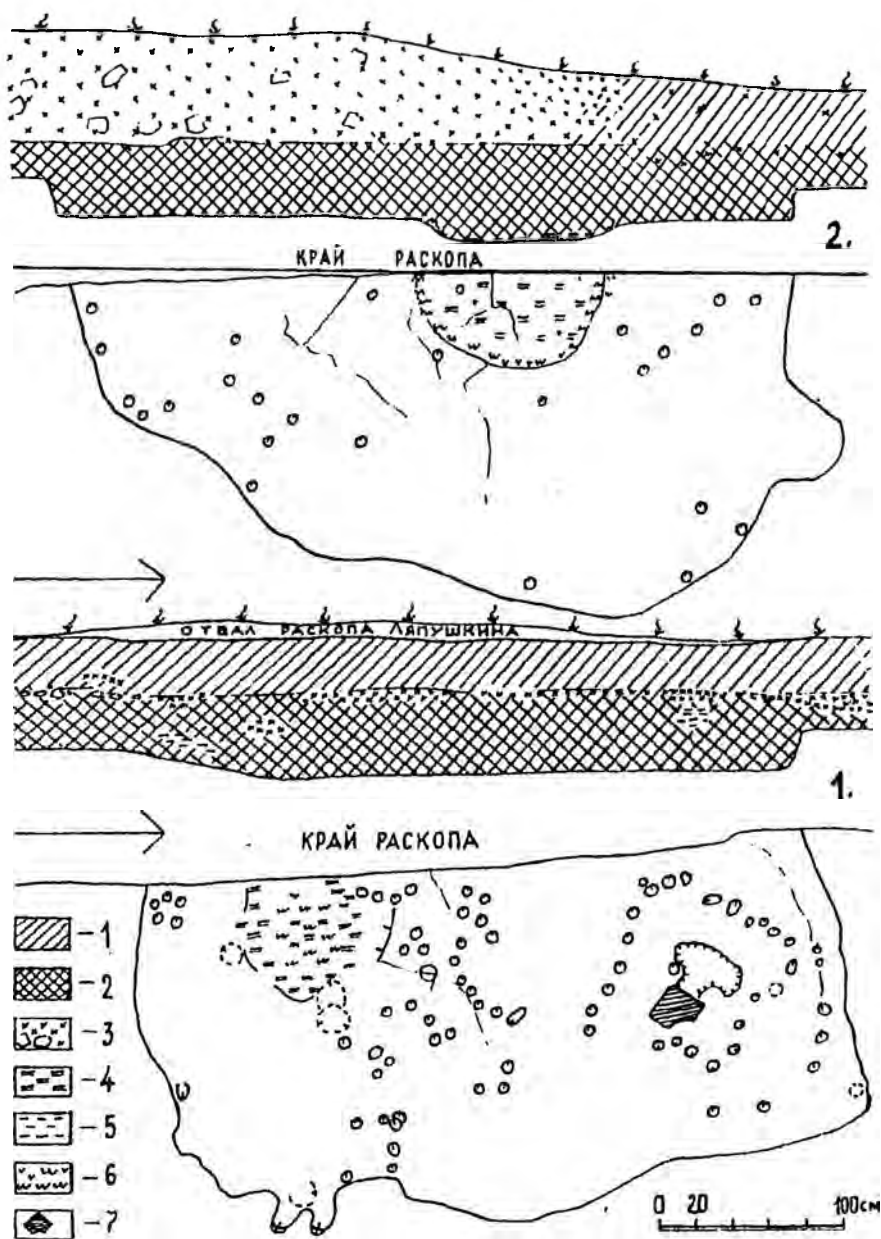

Рис. 27. Жилища 4/1 (1) и 22/IV (2). Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - щебень и камни, 4 - обожженная глина, 5 - глина, 6 - уголь и зола, 7 - кирпич.

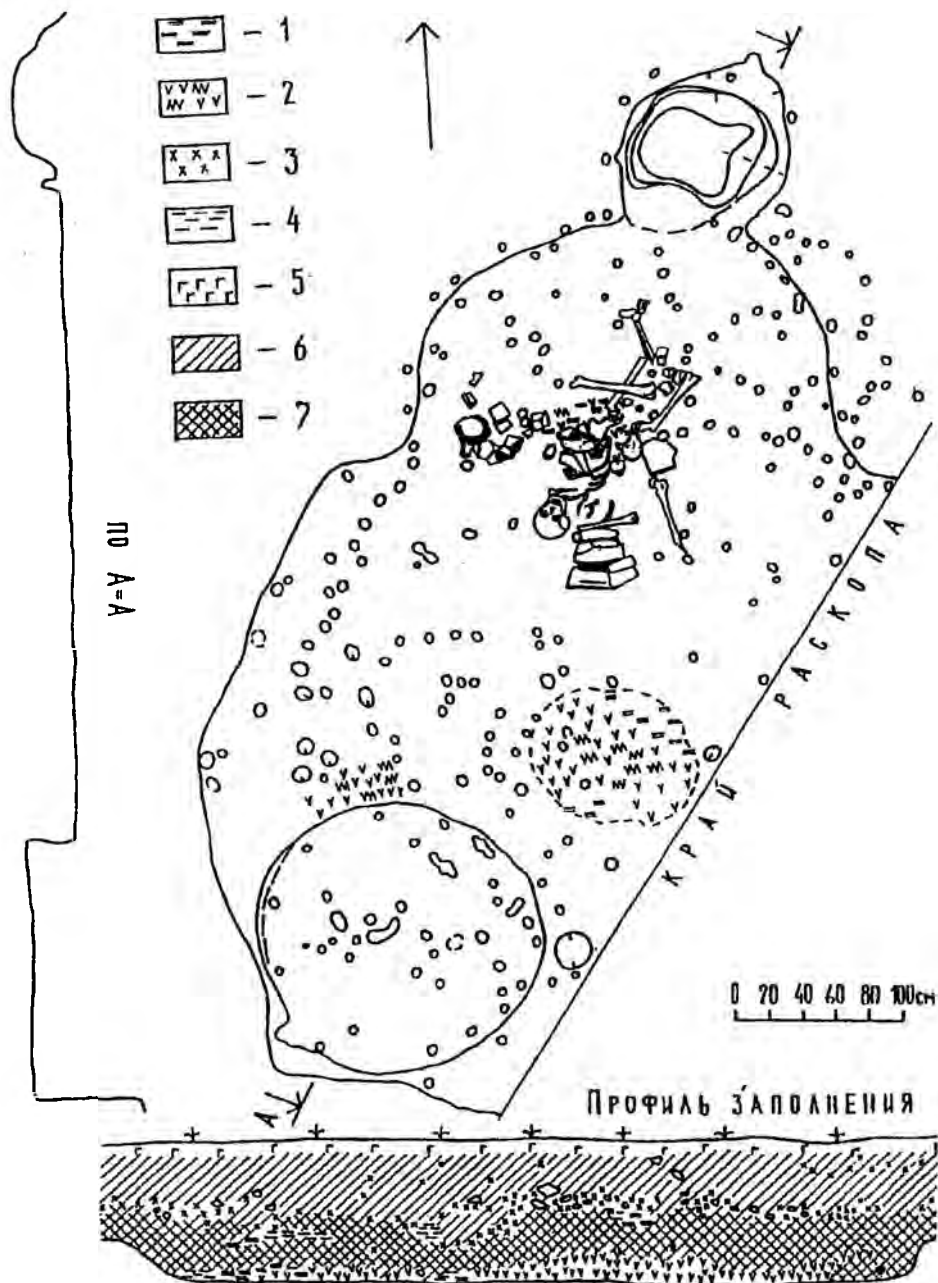

Рис. 28. Жилище 8/1. Условные знаки: 1 - обожженная глина, 2 - уголь и зола, 3 - щебель, 4 - глина, 5 - дерн, 6 - серый гумус, 7 - черный гумус.

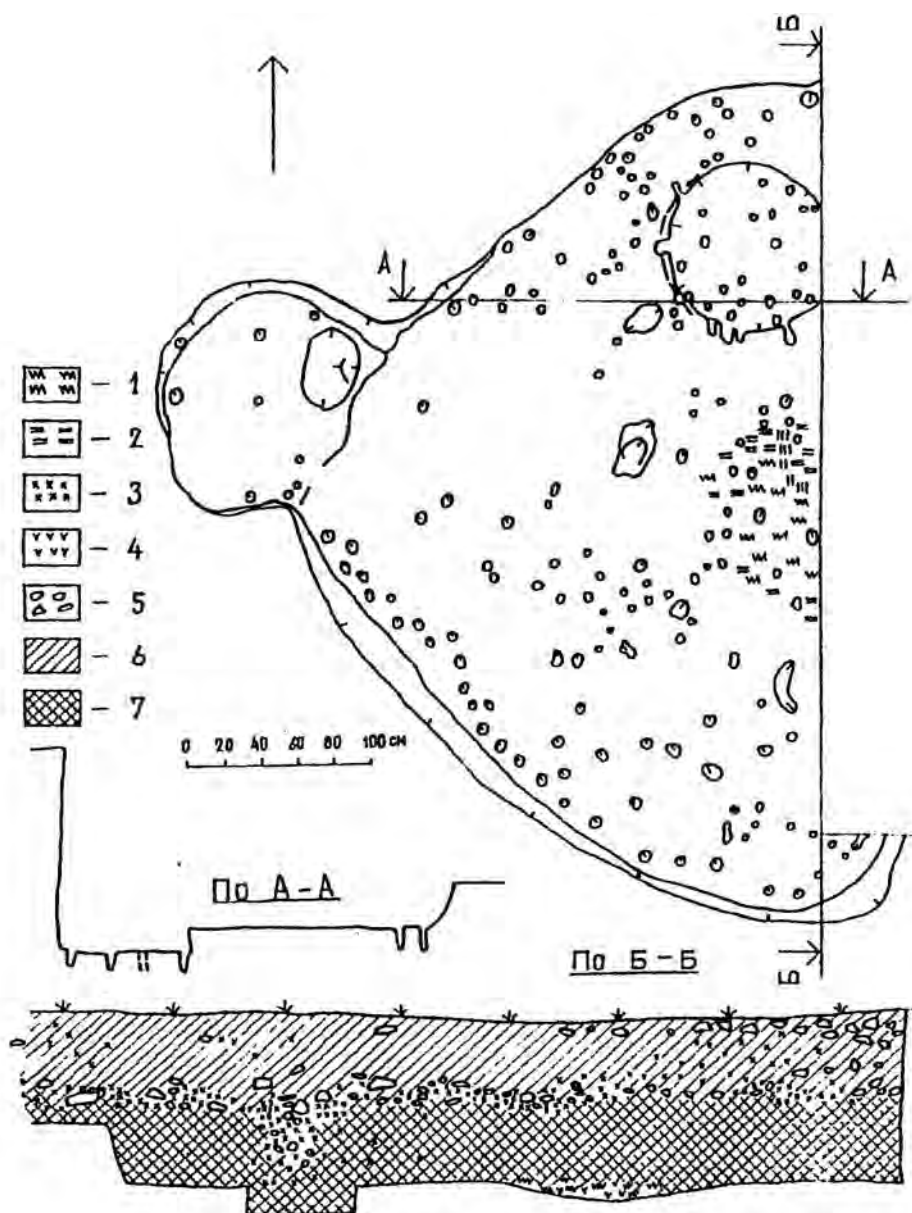

Рис. 29. Жилище 11/І. Условные знаки: 1 - зола, 2 - обожженная глина, 3 - щебень, 4 - уголь, 5 - камень, 6 - серый гумус, 7 - черный гумус.

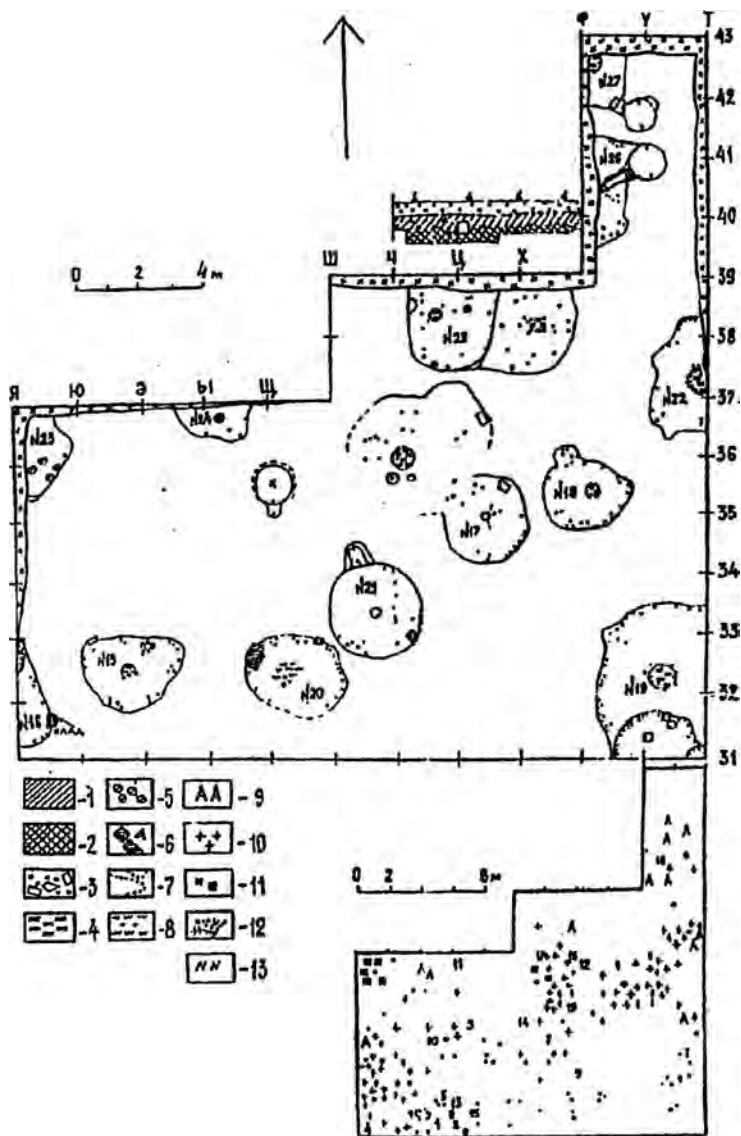

Рис. 30. План раскопа IV на уровне предматерика (1), находки на раскопе IV в нижнем (черном) гумусном слое (2). Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - камень и щебень, 4 - обожженная глина, 5 - черепа людей, 6 - кирпичи, 7 - ямки от жердей, 8 - зола и угли, 9 - обломки амфор, 10 - бытовая посуда, 11 - обломки кирпичей; 12 - кости животных и рыб, 13 - №№ индивидуальных находок: 1 - серп, 2 - дужка казана, 3, 7, 11 - пряслица, 4, 5, 12 - обломки казанов, 6 - копье, 8 - «псдковка», 9 - железная оковка, 10, 15 - железные стремена, 13 и 14 - крючки, 16 - бронзовая петля от казана, 17 - пряжка, 18 - нож, 19 - удила.

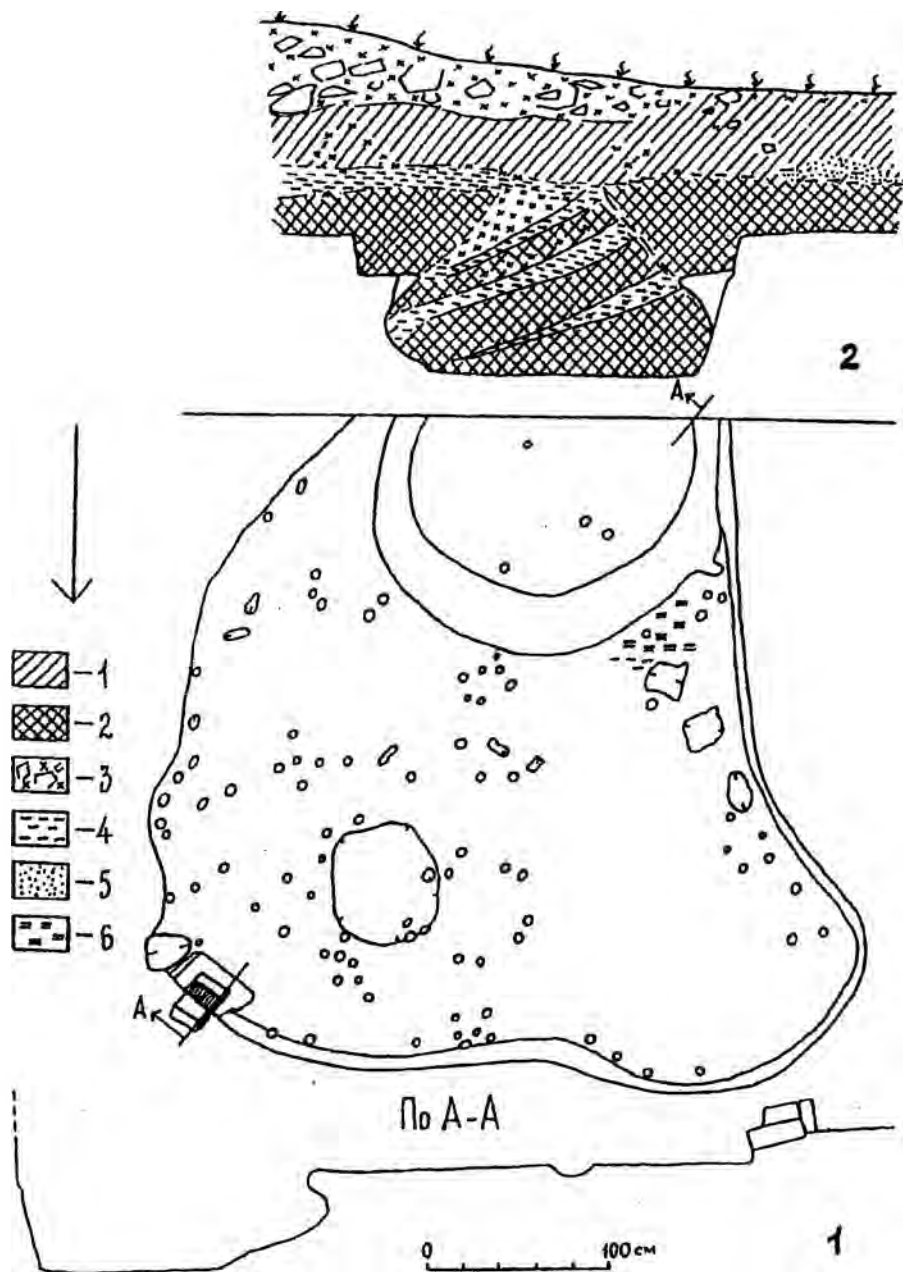

Рис. 31. Жилища 28/V (1, 2) и 38/V (3, 4). Условные знаки: 1 - угля, зола, 2 - обожженная глина, 3 - щебень, 4 - камень, 5 - черный гумус.

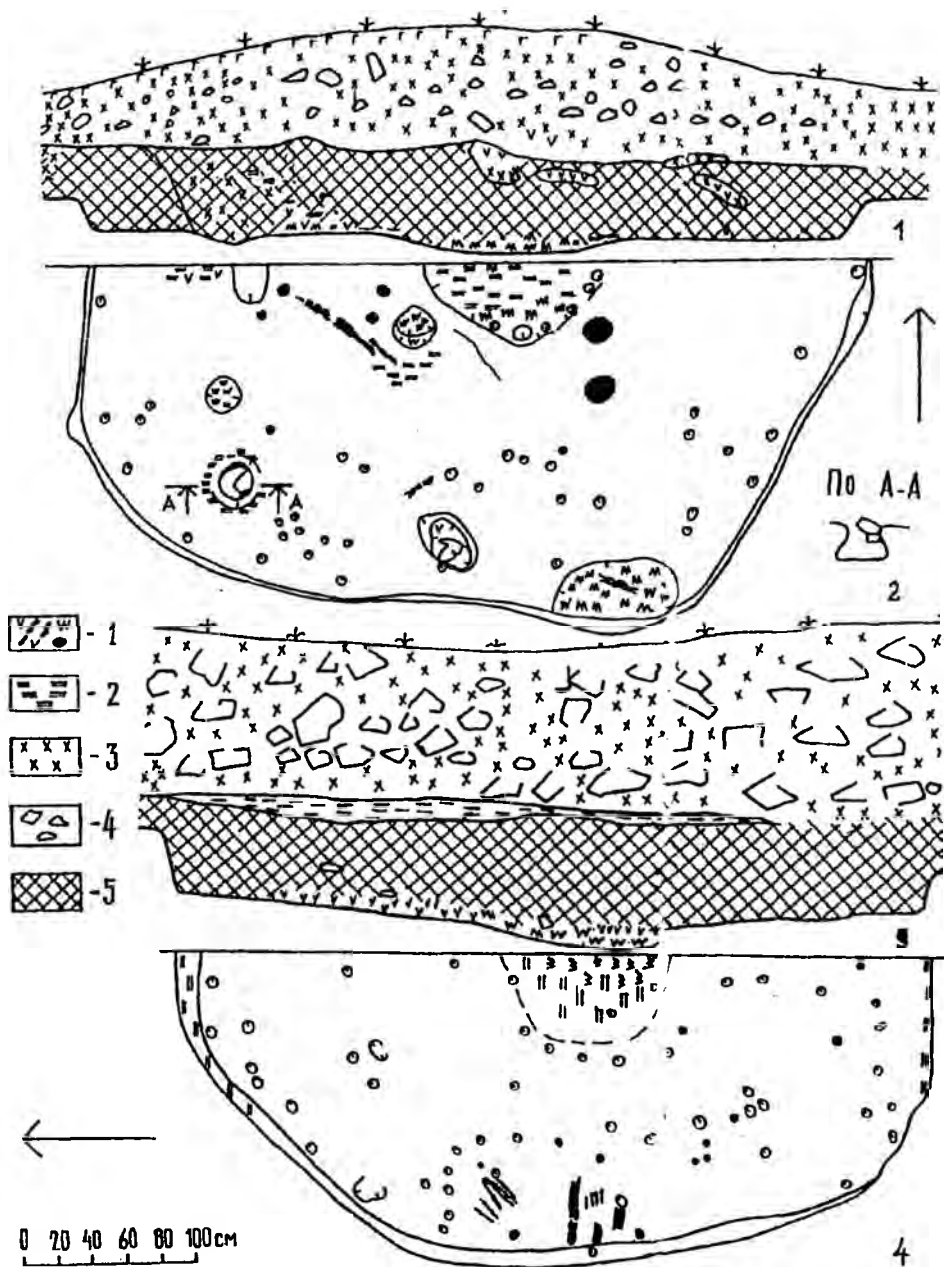

Рис. 32. Жилище 37/V (1) и профиль заполнения поздней, перерезавшей жилище ямы (2). Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - камни и щебень, 4 - глина, 5 - песок, 6 - обожженная глина.

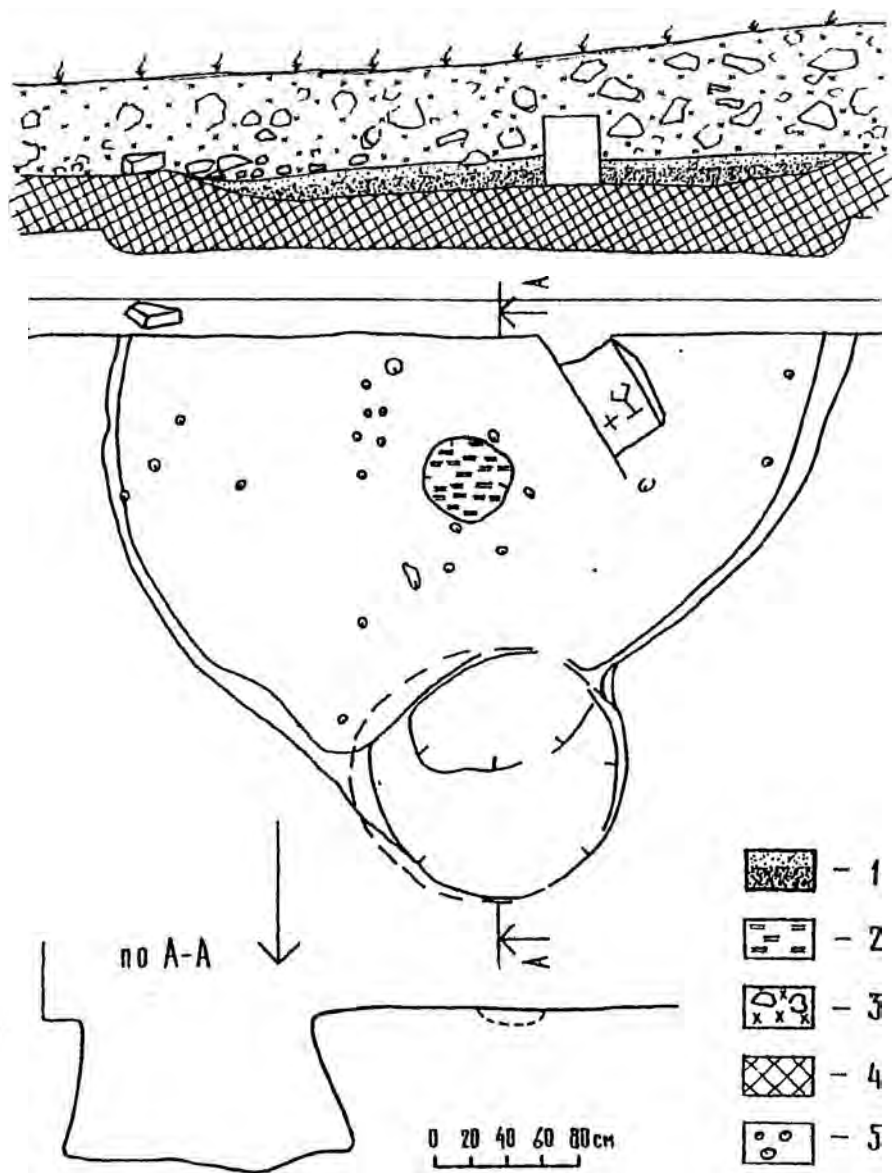

Рис. 33. Жилище 39/V. Условные знаки: 1 - песок, 2 - обожженная глина, 3 - камни и щебень, 4 - черный гумус, 5 - ямки от жердей.

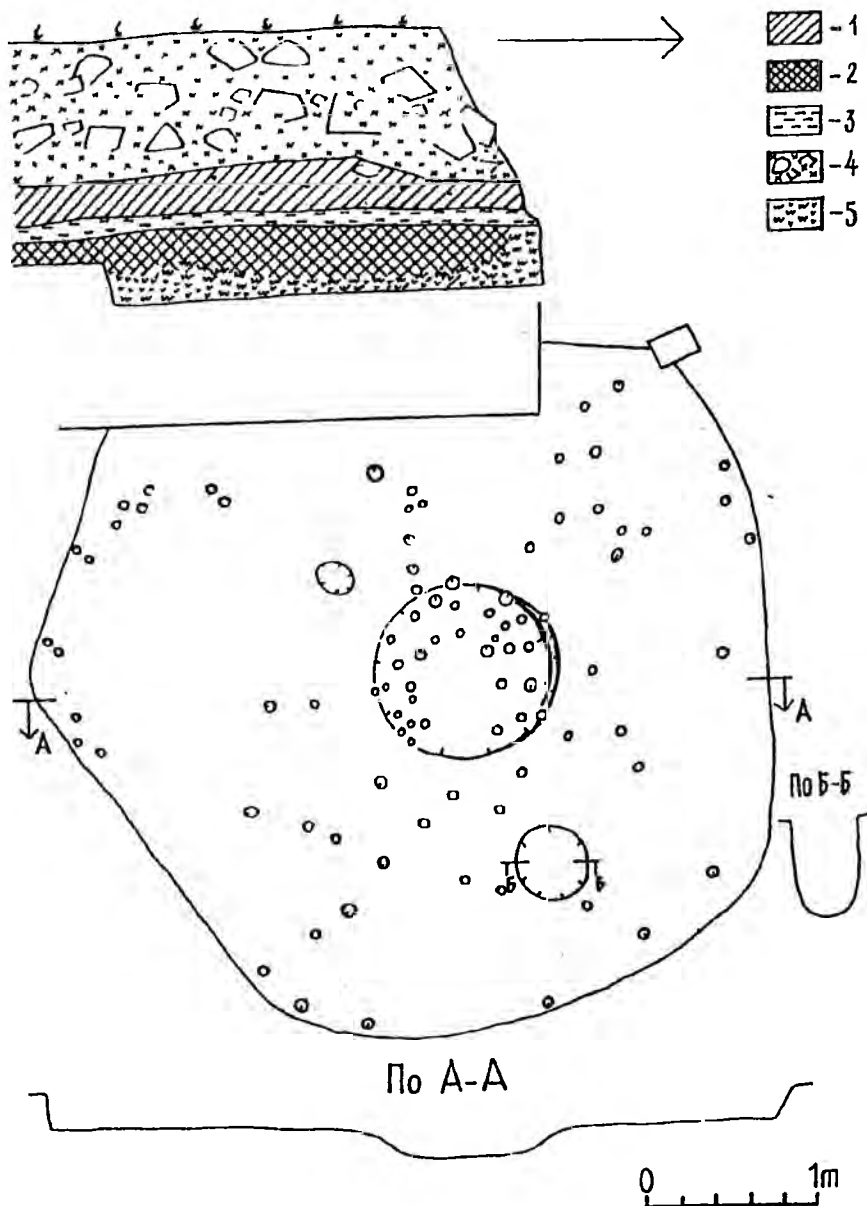

Рис. 34. Жилище 31/V. Условные знаки: 1 - серый гумус, 2 - черный гумус, 3 - глина, 4 - камни и щебень, 5 - угли и зола.

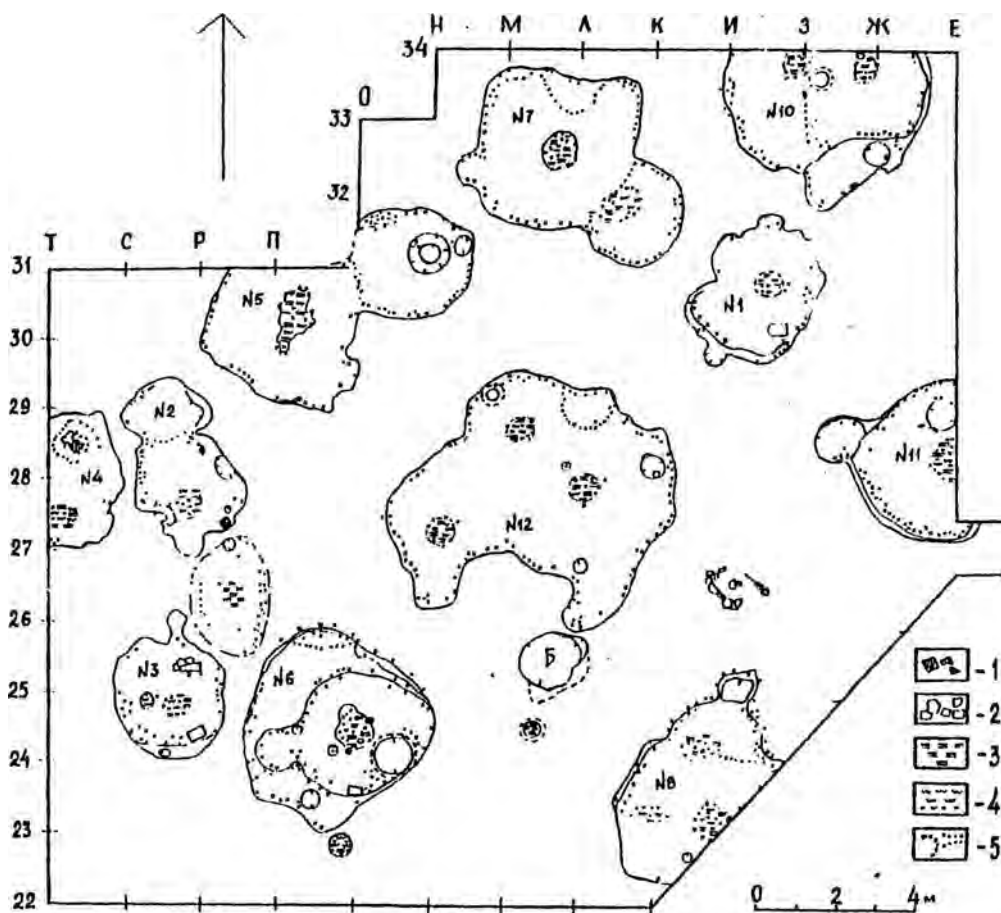

Рис. 35. План расположения жилищ в раскопе I на уровне предматерика. Условные знаки: 1 - кирпичи, 2 - камни, 3 - обожженная глина, 4 - зола и угли, 5 - ямки от жердей.

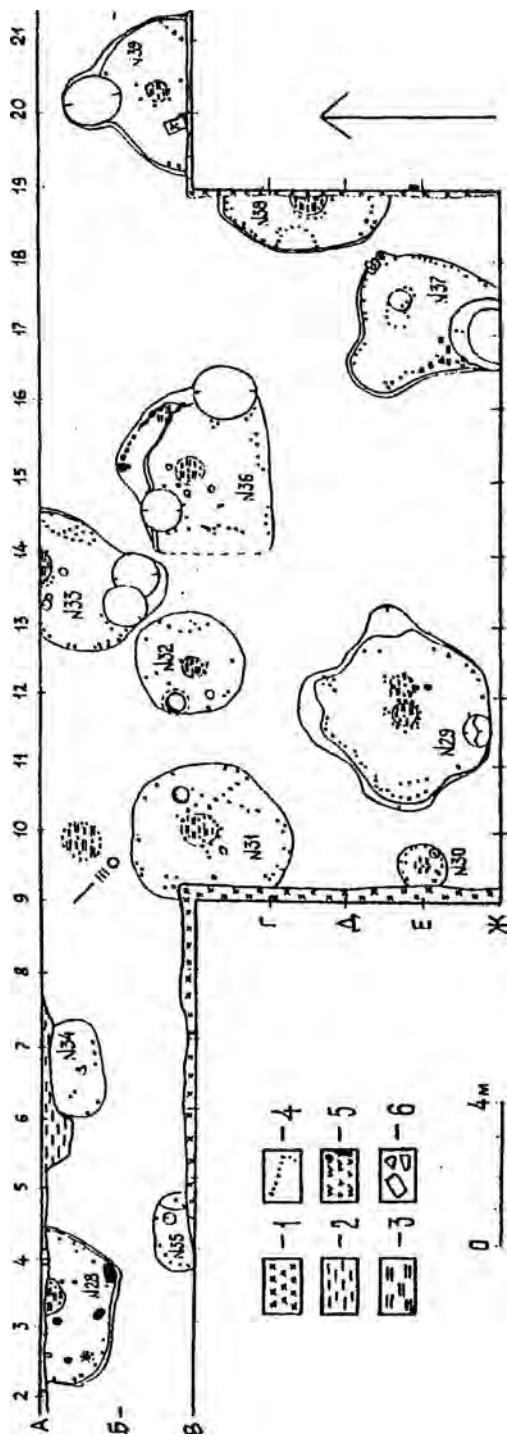

Рис. 36. План расположения жилищ в раскопе V на уровне предмете-
 рика. Условные знаки: 1 - щебень, 2 - глина, 3 - обожженная глина, 4 - ямки от жердей, 5 - уголь
 и зола, 6 - камни.

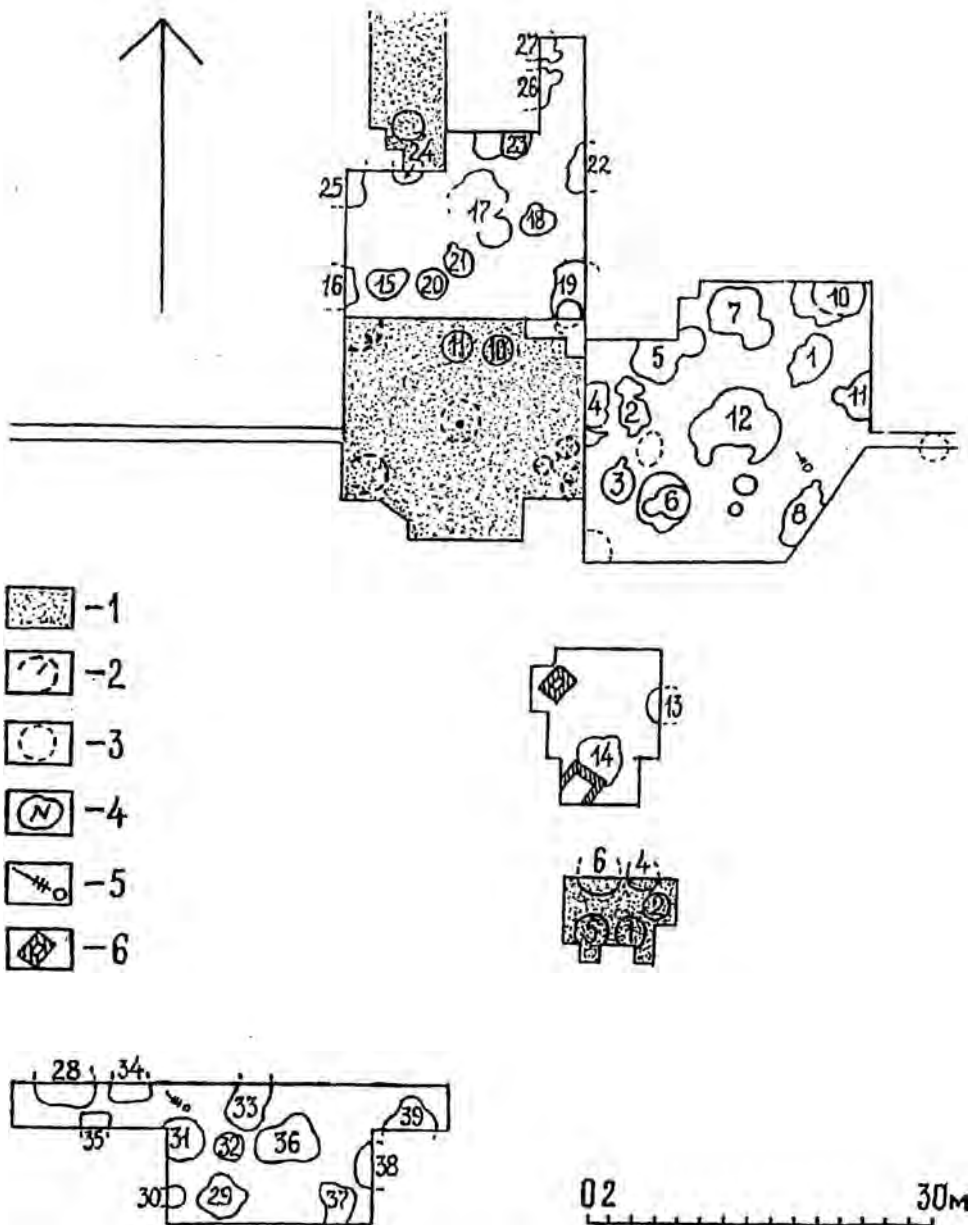

Рис. 37. Планировка поселения по материалам раскопок 1958–1959 гг. и частично по раскопкам И. И. Ляпушкина. Условные знаки: 1 - раскопы Ляпушкина, 2 - углубления на поверхности городища, отмеченные на территории раскопа Ляпушкина в 1939 г., 3 - предполагаемые очертания жилищ, 4 - №№ жилищ, 5 - погребения, 6 - сырцовые погребя.

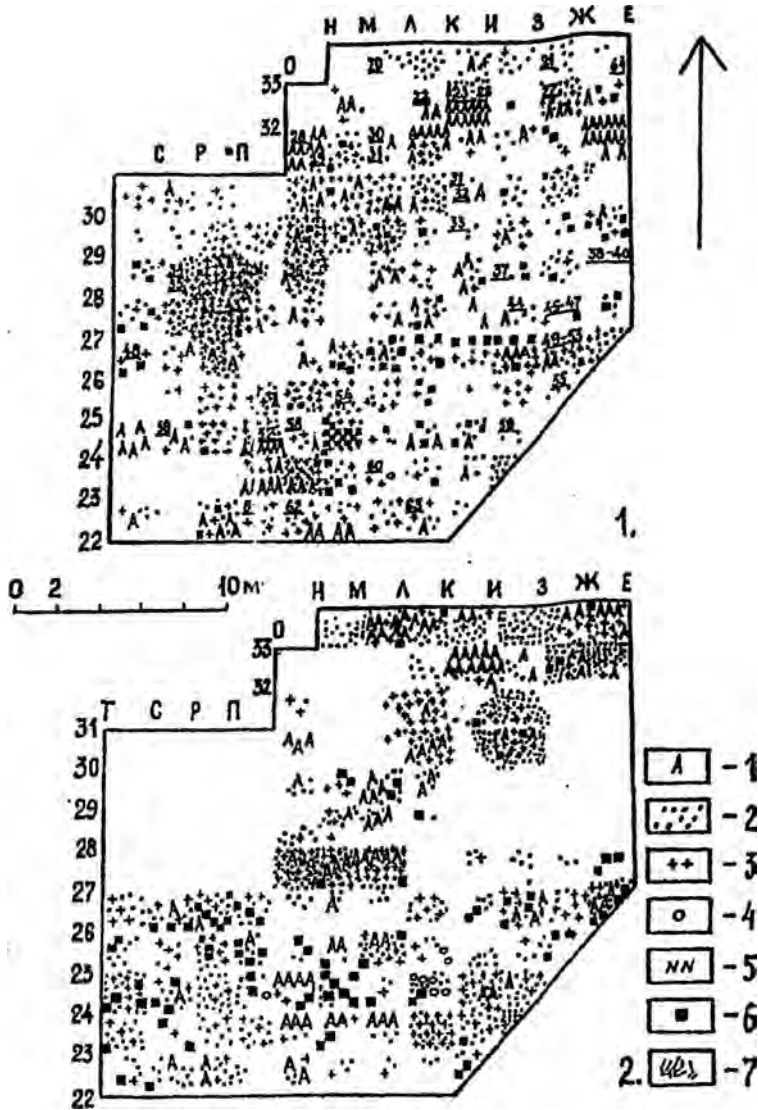

Рис. 38. Распространение находок в раскопе I: 1 - в пласте на глубине 0,2-0,4 м, 2 - на глубине 0,4-0,6 м. Условные знаки: 1 - обломки амфор, 2 - кости, 3 - бытовая керамика, 4 - обломки пифосов, 5 - №№ индивидуальных находок, 6 - кирпичи, плитки, черепица, 7 - рыбы отбросы. Нумерация инд. находок начинается с № 20 (№№ 1-19 - в соседнем раскопе IV): 20, 22, 34, 39 - серпы, 21 - наконечник стрелы, 23, 31, 32, 41, 57, 62 - ножи, 24, 25 - удила, 26 - железная скобка, 27, 44 - топоры, 29 - накладка-наконечник на пояс, 29 - петля от казана, 30 - подкова, 37, 54 - железные крючки, 38 - дужка от казана, 40 - зеркало, 42, 61 - рыболовные крючки, 45, 49, 50, 51 - стрема и обломки стемьян, 46, 53 - мотыжки, 47 - замок от пут, 48 - скобель, 52, 56 - коса-горбуша и обломок косы, 55 - ложкарь, 59 - железная пряжка, 60 - железное кольцо, 63 - костяная петля, 64 - обломок казана.

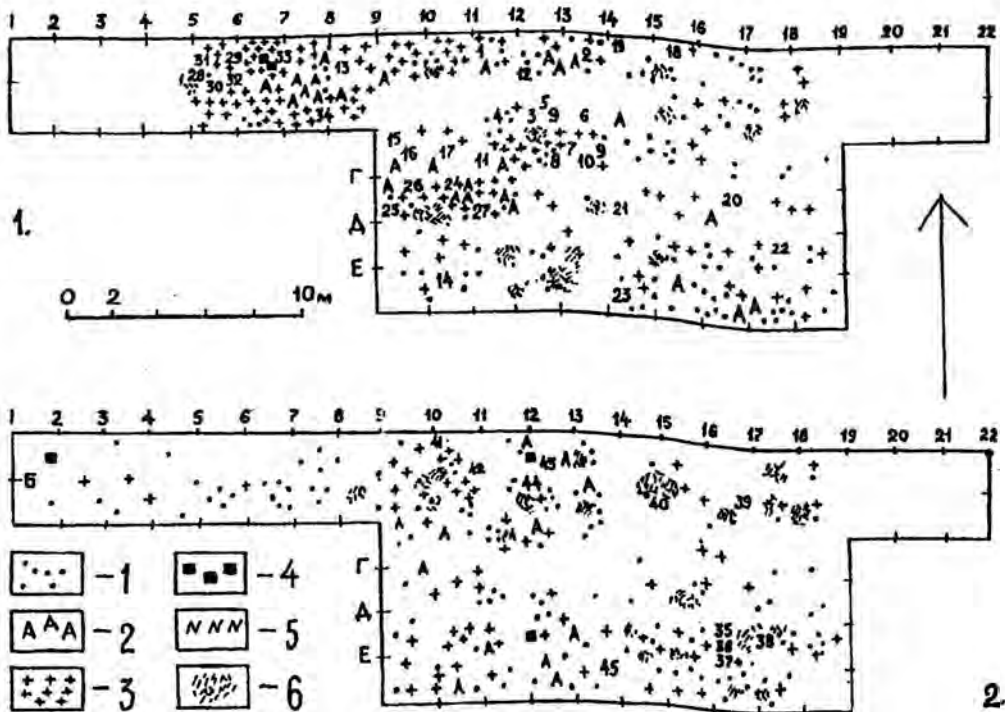

Рис. 39. Распространение находок в раскопе V: 1 - пласте на глубине 0.4-0.6 м, 2 - глубине 0.6-0.8 м. Условные знаки: 1 - сти животных, 2 - ломки амфор, 3 - ломки бытовой посуды, 4 - ломки и целые кирпичи, плитки, черепица, 5 <197> №№ индивидуальных находок, 6 <197> рыбы кости и чешуя. Нумерация индивидуальных находок общая по обоим пластам: 1 - лоток, 2, 5, 22, 23, 36, 38 - жи, 3, 6, 21, 26, 32, 39, 40, 44 - ломки казанов, 4 - ломок стремян, 5, 7, 8, 25, 33, 42 - яслица, 9 - аляй, 10 - ломок скобара, 11 - ломок серпа, 12, 28 - ломки мотыжек, 14 - ломок лемеха, 17 - ломок удила, 18, 19, 24, 41 - кючки, 20 - кончик стрелы, 27 - стьяное острие, 30 - ломок пряжки, 34 - ломок железного предмета, 35 - яжка, 37 - поушка, 43 - сти черепаха, 45 - ломок точильного камня.

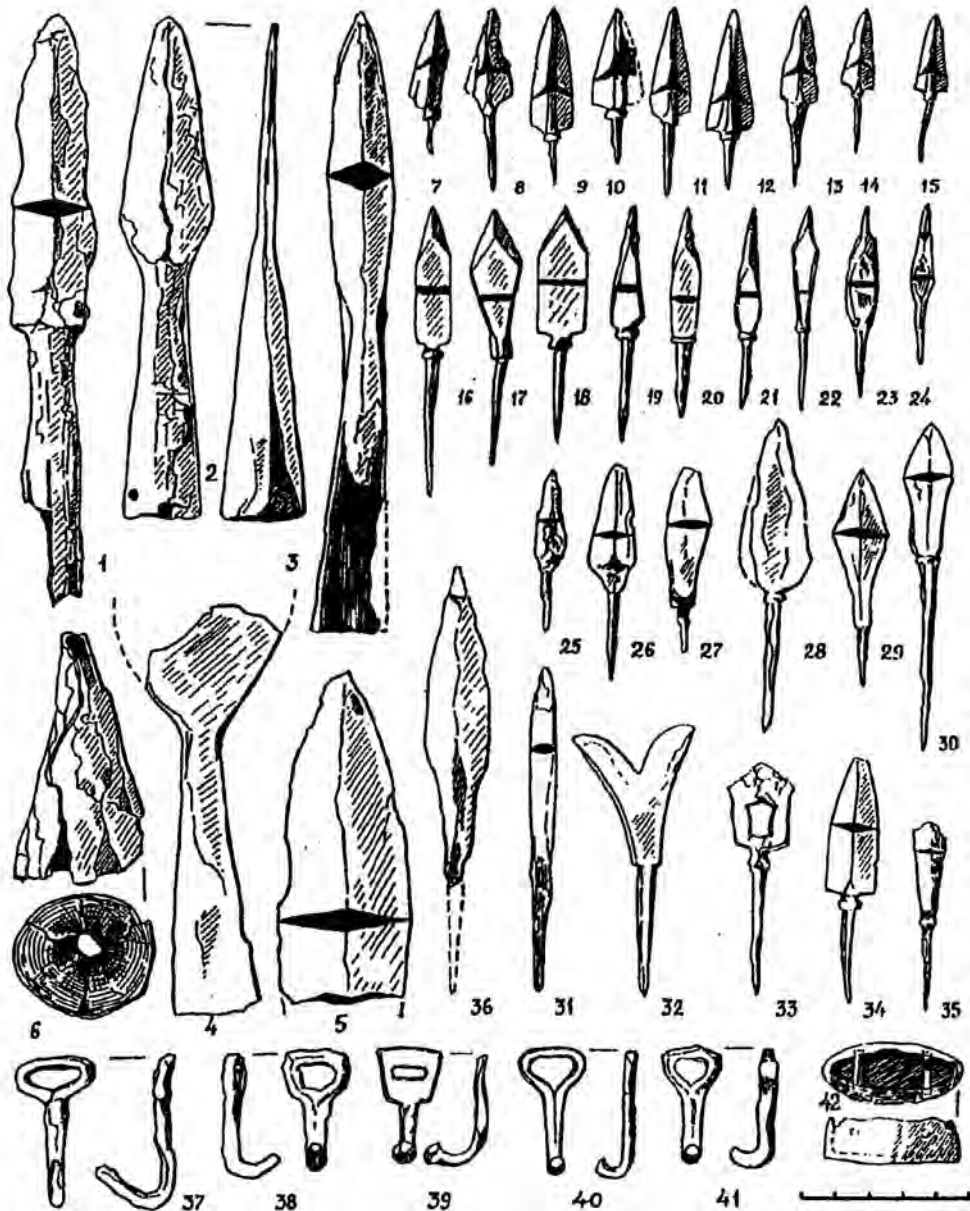

Рис. 40. предметы вооружения: 1-5 - кончики копий, 6 - ок ?, 7-35 - кончики стрел, 36 - кончик сулицы, 37-41 - крючки от колчанов, 42 - шакончик ножен.

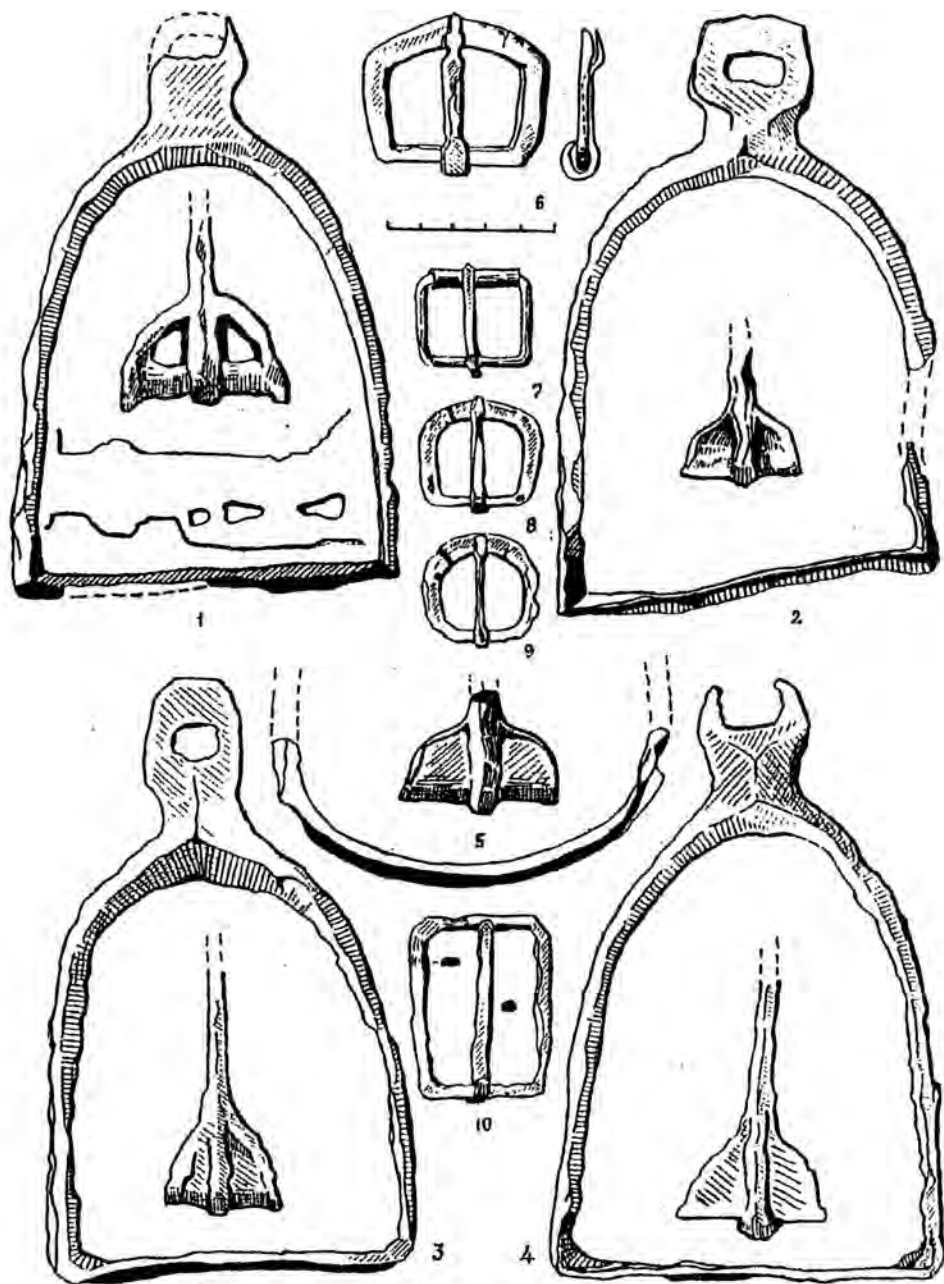

Рис. 42. Предметы конской сбруи: 1-4 - стремена, 5 - обломки подножки стремян, 6-10 - подпружные пряжки.

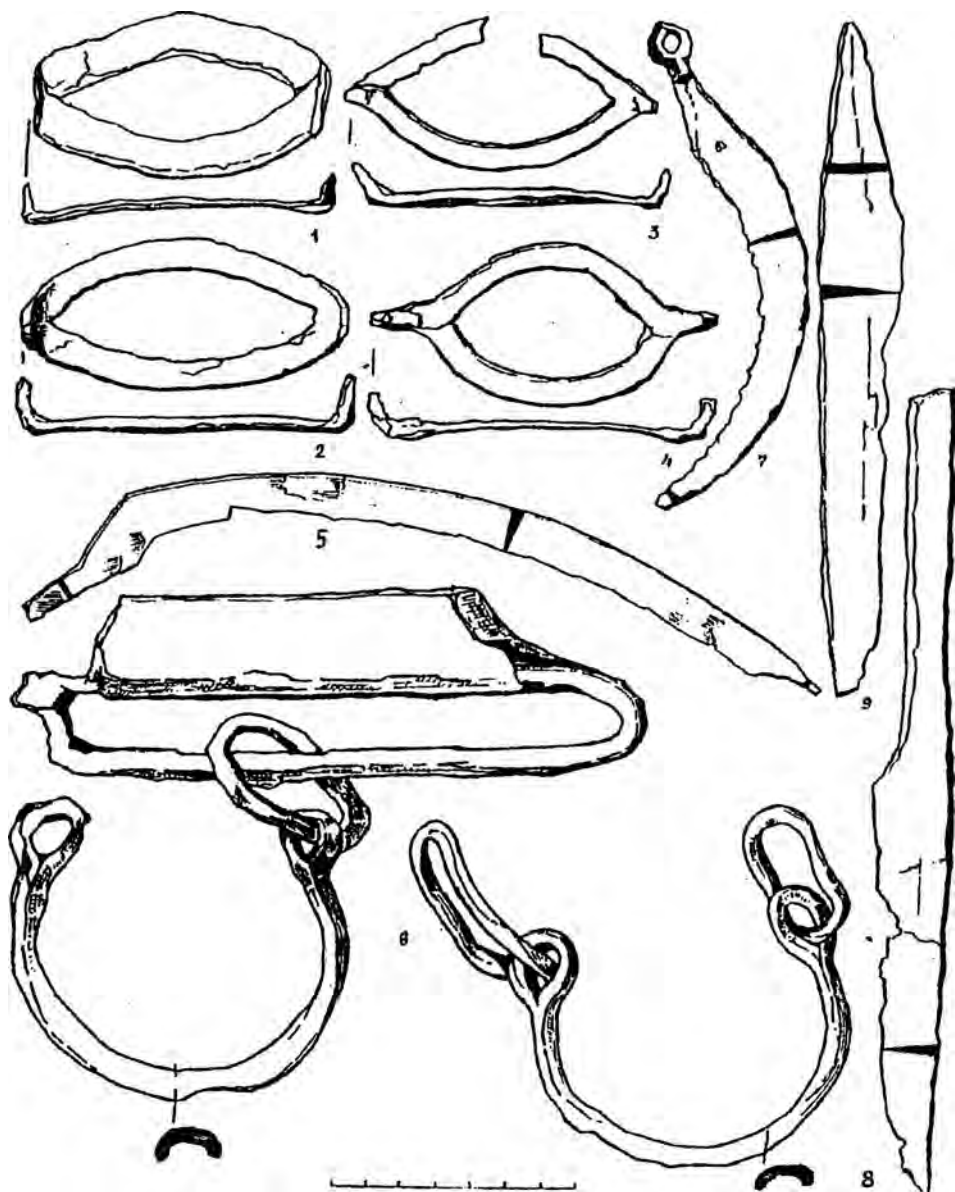

Рис. 43. Предметы всаднического и бытового употребления: 1-4 - «подковки», 5, 7 - «походные» серпы, 6 - замок от пут, 8-9 - тяжелые ножи (кивжалы?).

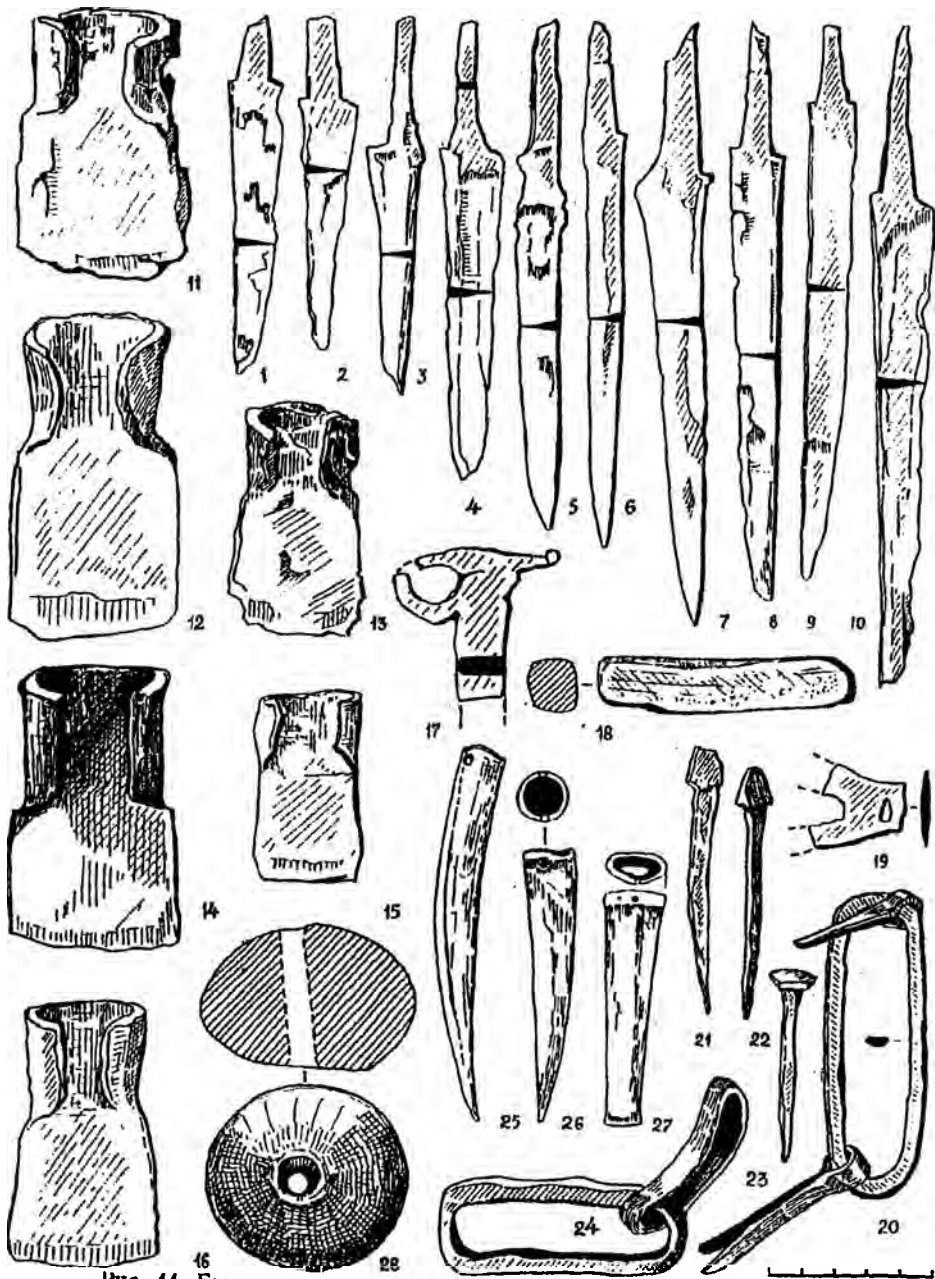

Рис. 44. Бытовые предметы: 1-10 - ножи и кинжалы, 11-16 - мотыжки, 17, 19 - обломки железных поделок, 18 - точильный камень, 20 - прогон с кольцом, 21-23 - прогон, 24 - звенья цепи, 25-26 - костяные остря, 27 - костяная рукоятка ножа, 28 - меловое грузило.

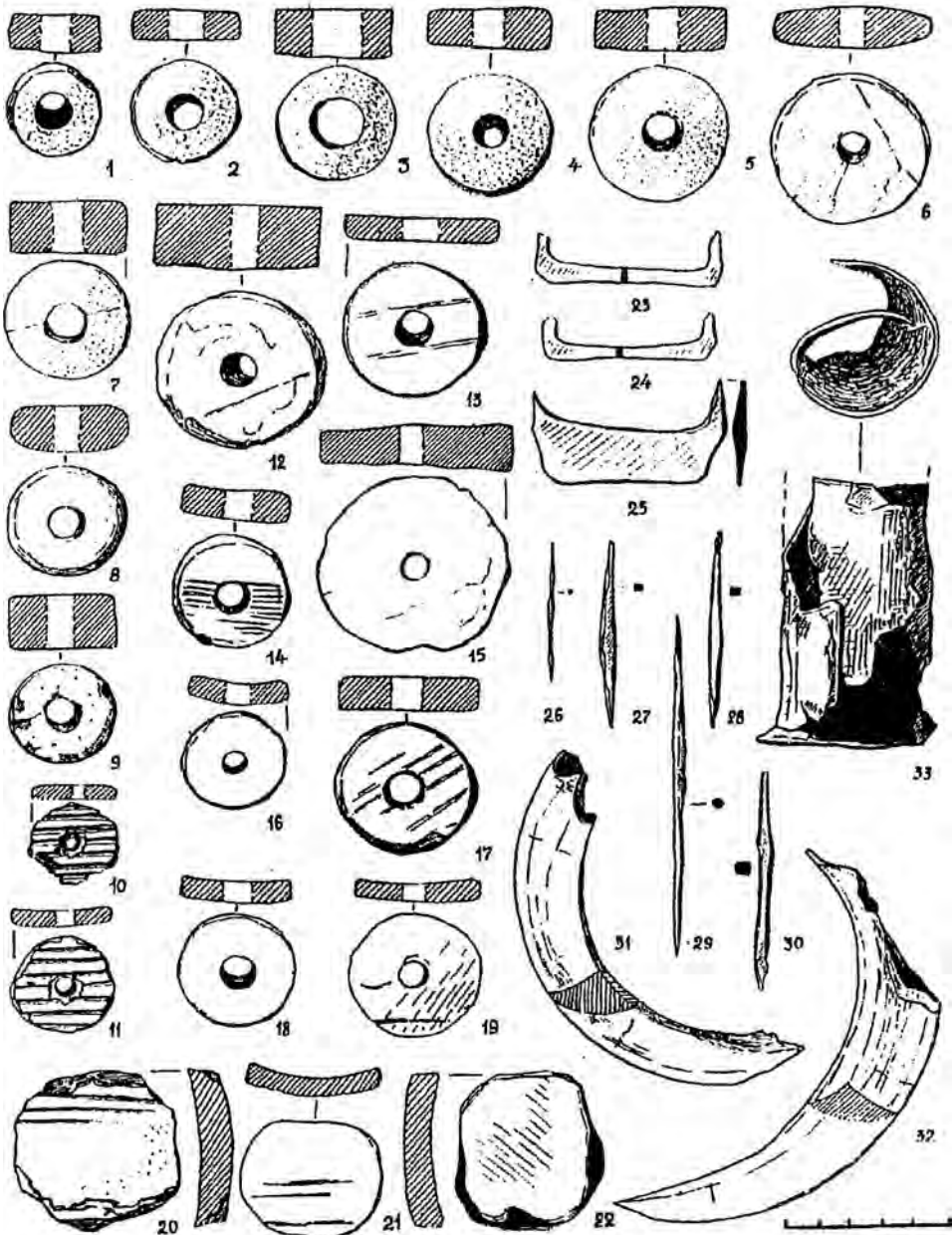

Рис. 45. Бытовые предметы: 1-5 - сланцевые пряслица, 6 - меловое пряслице, 7-9 - пряслица из лощенных сосудов, 10, 11, 14 - пряслица из кухонных горшков, 12, 13, 15, 19 - пряслица из амфор, 20-22 - «пробки», 23-25 - кресала, 26 - иголка, 27-30 - шилья, 31, 32 - кобанья клыки, 33 - корпус замка ?.

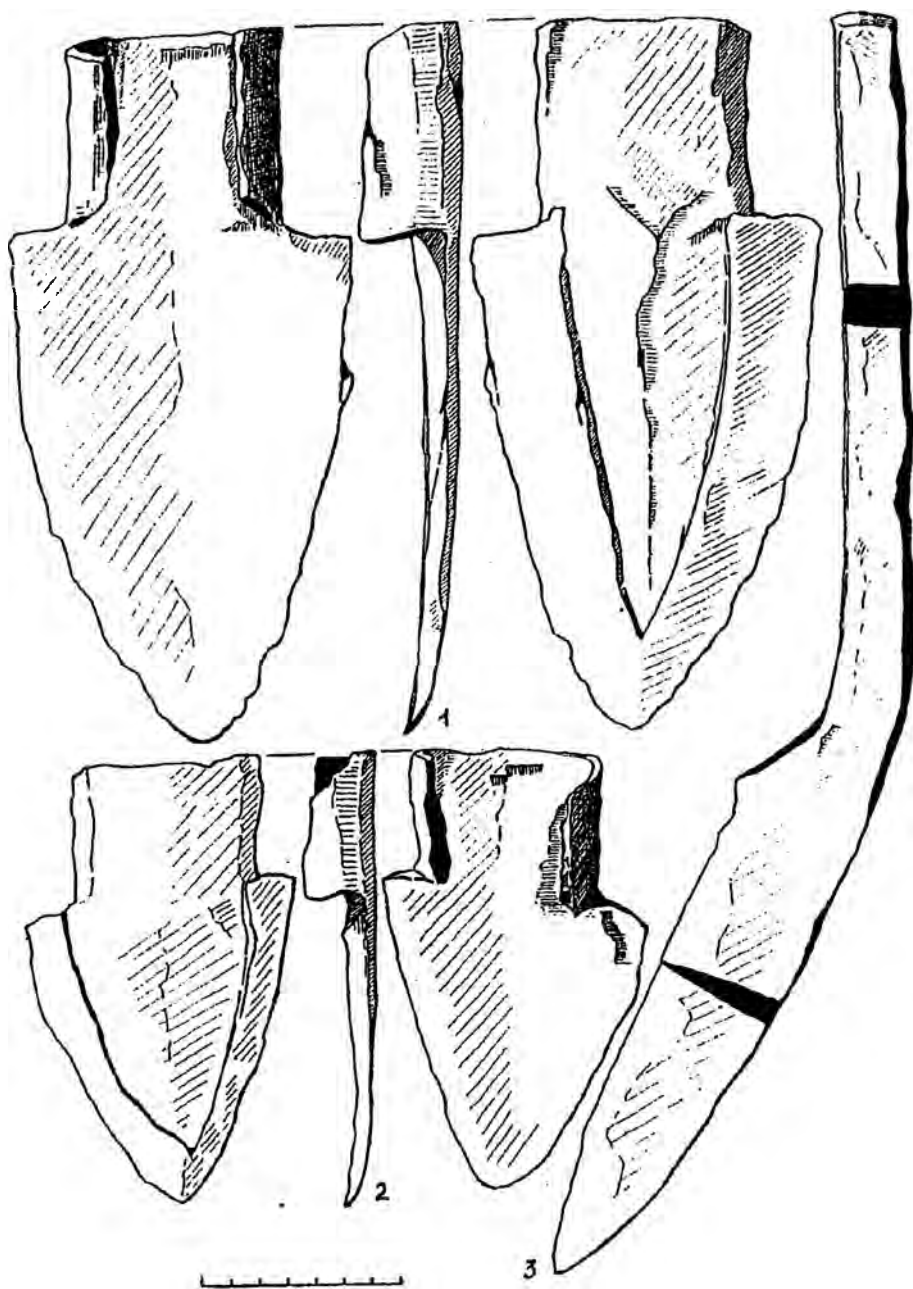

Рис. 46. Наконечники пахотных орудий: 1, 2 - лемехи из тайника жилища 16, 3 - чересло в завале погребя 2 (раскоп II).

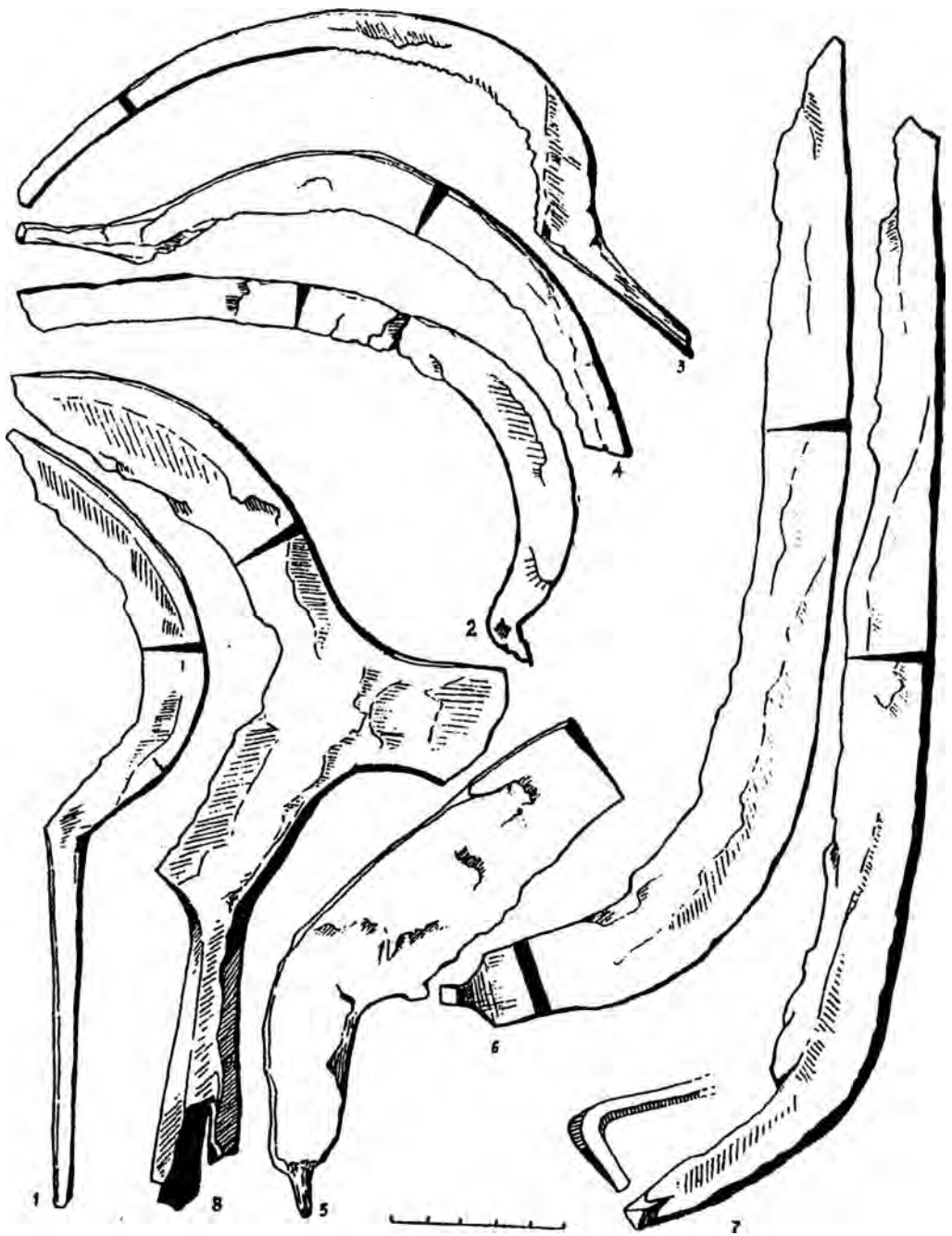

Рис. 47. Орудия уборки урожая: 1-4 - серпы, 5 - обломок косы, 6-7 - косы-горбуши, 8 - виноградарский нож.

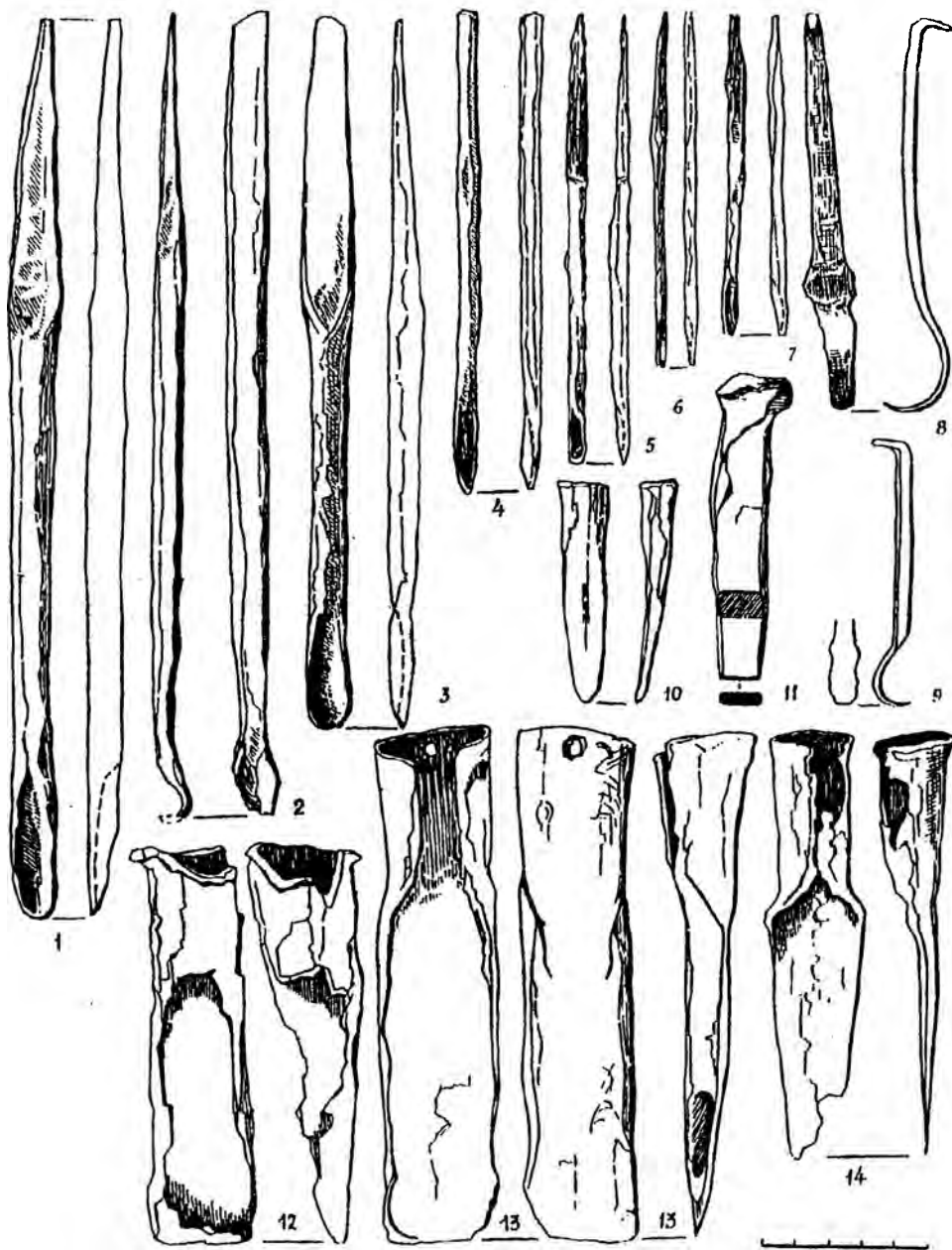

Рис. 48. Производственные орудия: 1-7 - сверла, 8-9 - резцы или ложки, 10, 12-14 - долота, 11 - наковаленка ?.

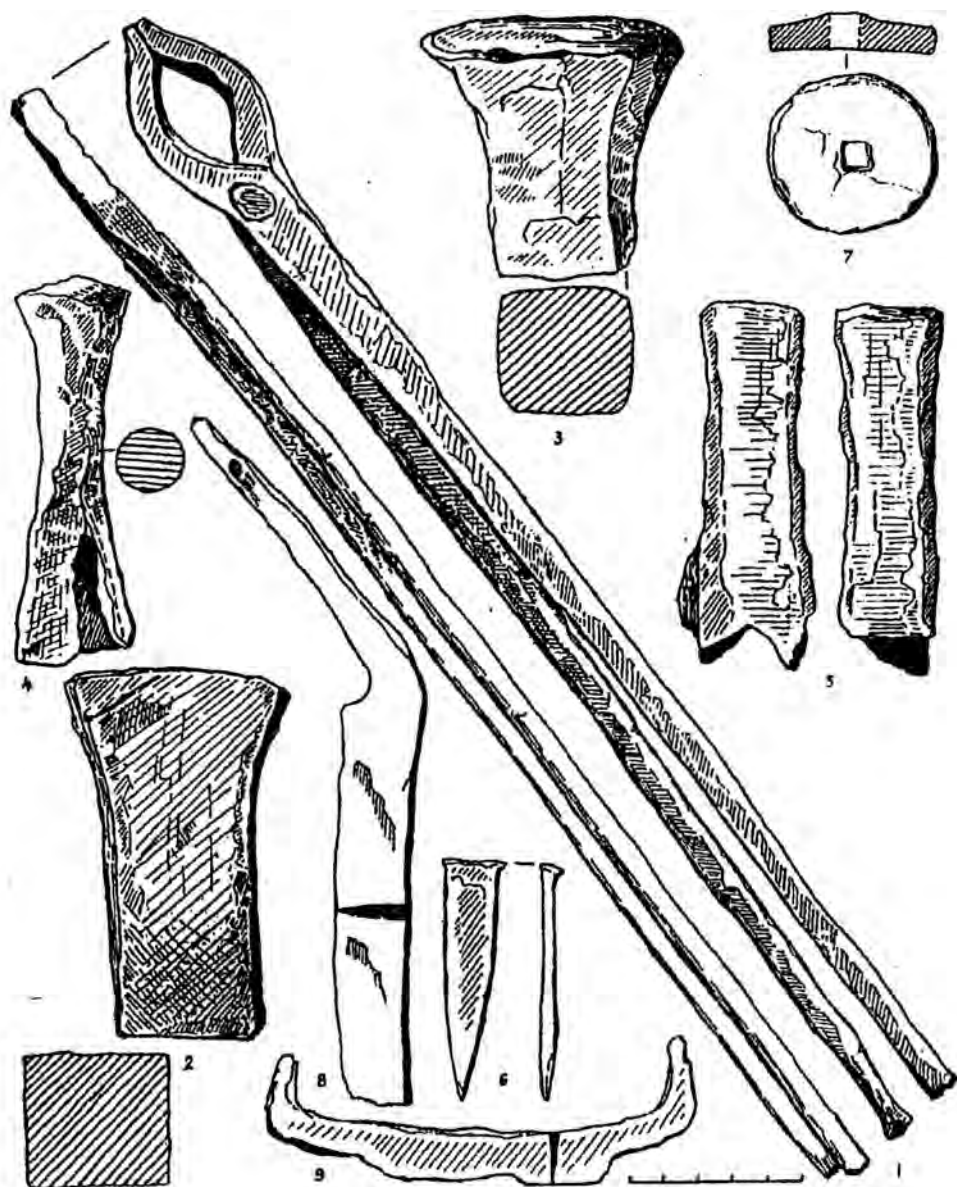

Рис. 49. Производственные орудия: 1 - клещи, 2-5 - наковальни, 6 - пробойник, 7 - железный кружок неясного назначения, 8, 9 - скобели.

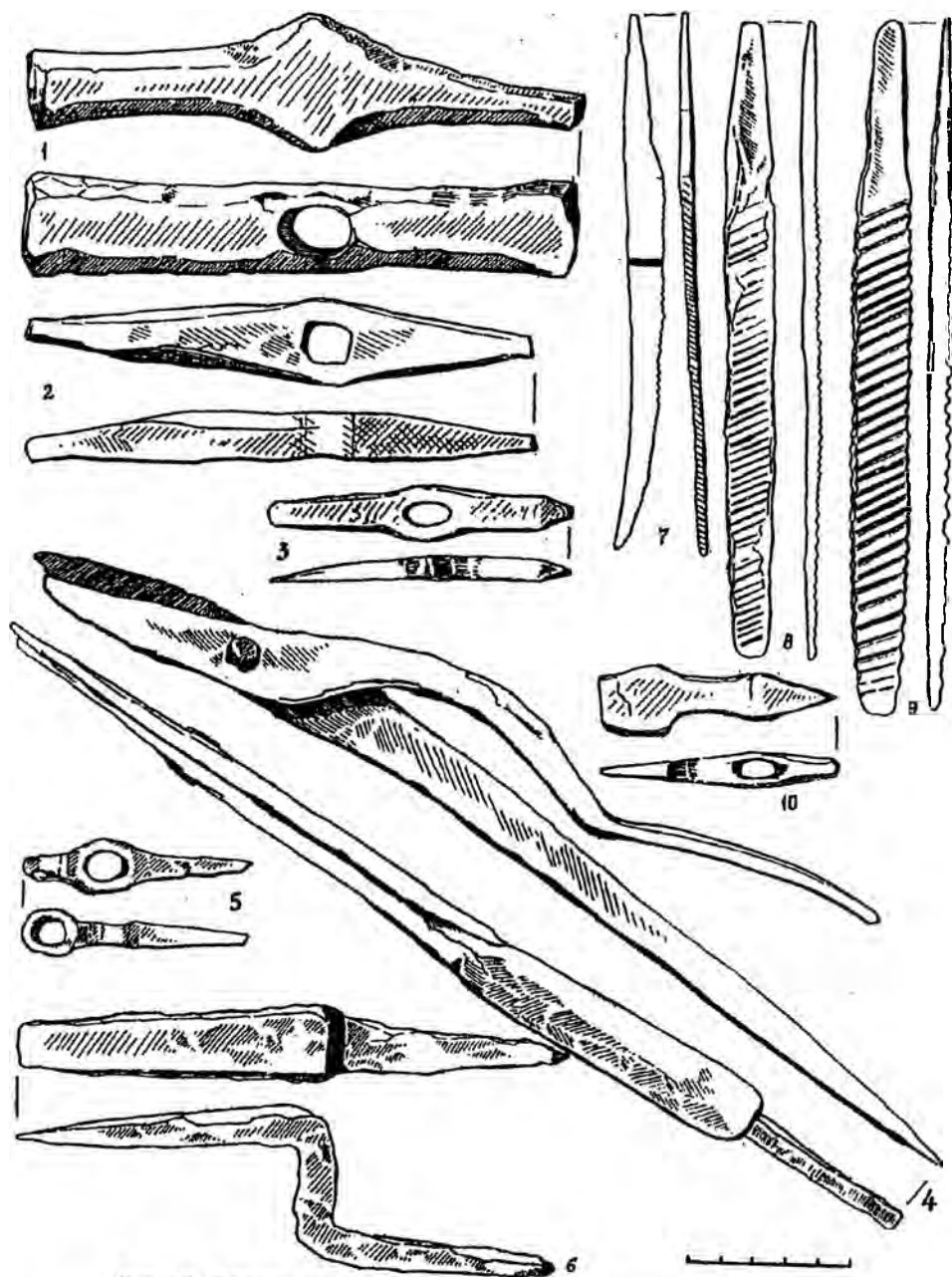

Рис. 50. Производственные орудия: 1, 3, 10 - молоты и ювелирные молоточки, 4 - ножницы по металлу, 5 - пробойчик, 6 - наковаленка, 7-9 - напильники.

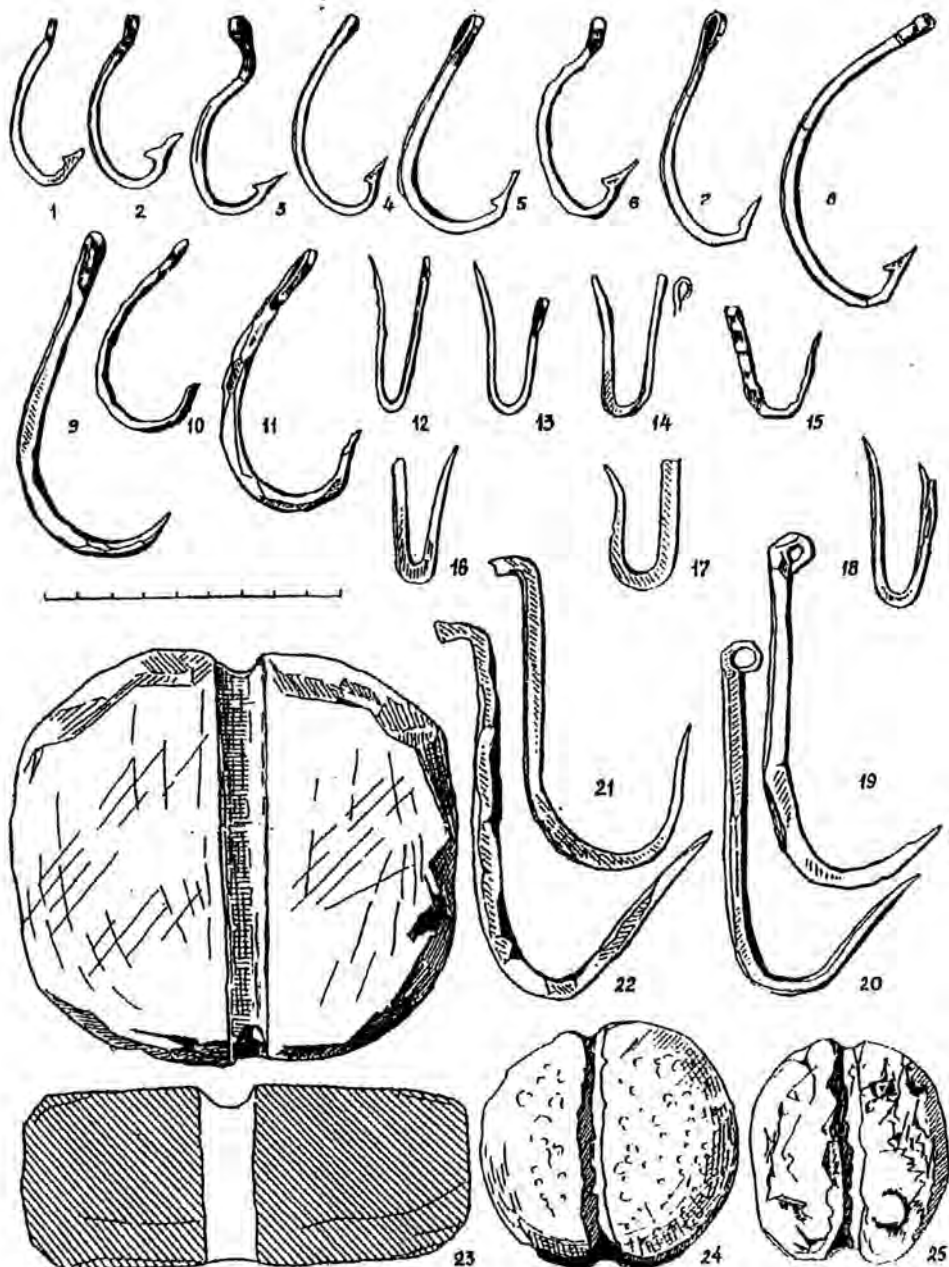

Рис. 51. Предметы рыболовного промысла: 1-20 - крючки, 21, 22 - детали без-
менов? 23-25 - грузила.

Рис. 52. Украшения и предметы туалета: 1, 2 - бронзовые нашивки, 3 - костяная пуговка, 4 - перстень, 5-7 - серьги, 8 - ногтечистка, 9 - клык со следами сверления, 10-12 - костяные поделки, 13 - бронзовое колечко, 14 - копоушка, 15-16 - зеркала, 17 - обломок зеркала, 18-20 - бусы из непрозрачного стекла, 21 - сердоликовая бусина.

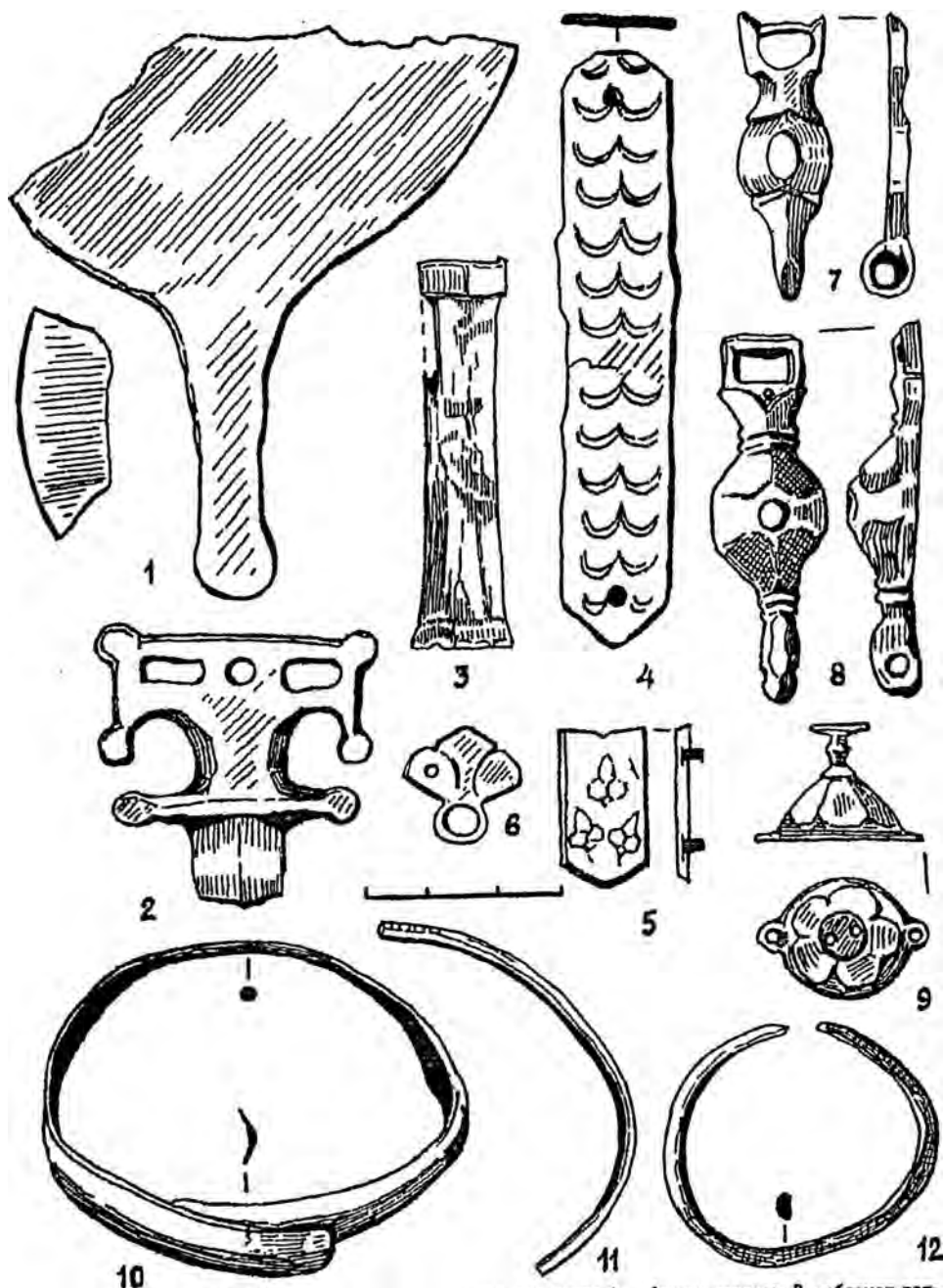

Рис. 53. Украшения и предметы туалета: 1 - обломок зеркала, 2 - обломок рваной фибулы (V в.), 3 - костяной игольничек 7, 4, 5 - поясные накладки-наконечники, 6 - поясные бляшки, 7-9 - подвески на пояс, 10-12 - браслеты.

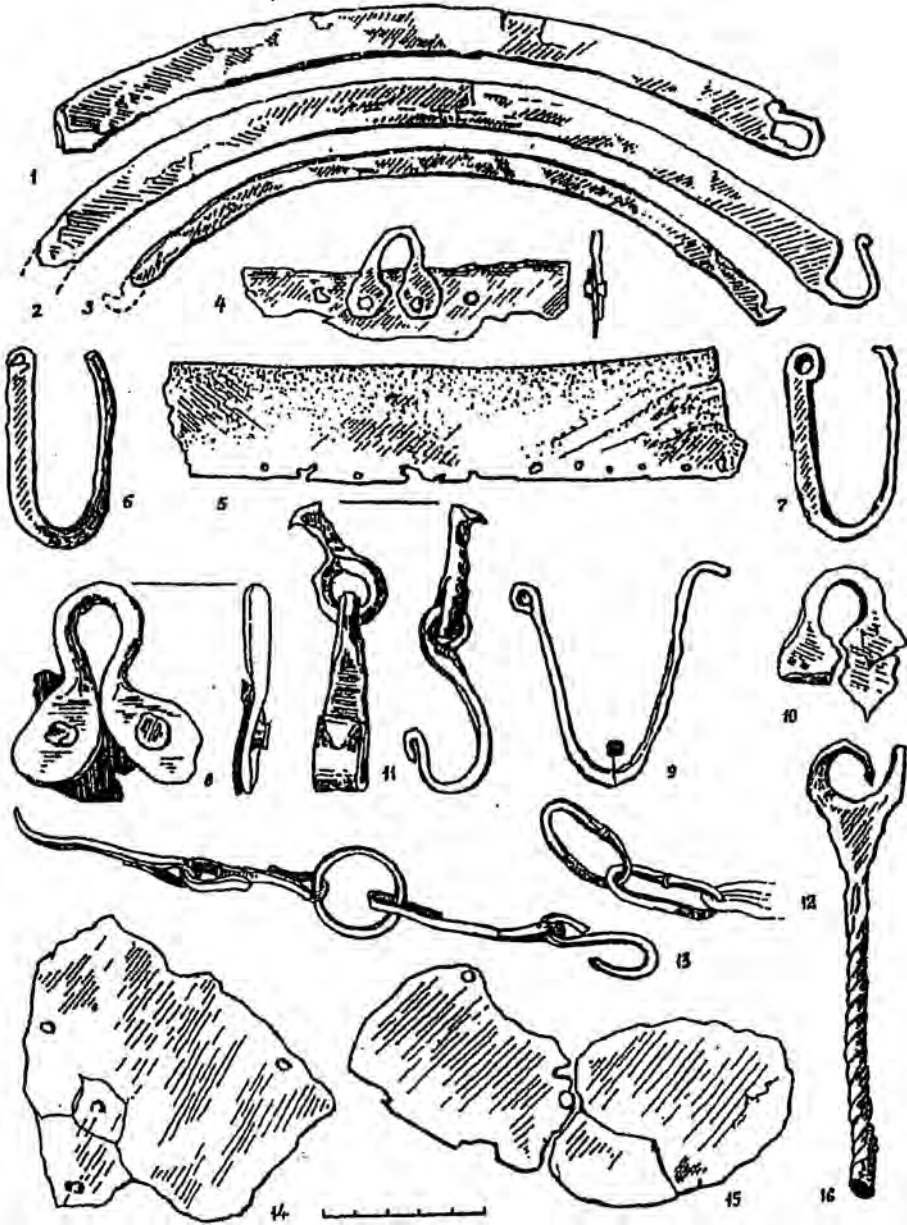

Рис. 54. Бытовые предметы: 1-3 - дужки от казанов, 4 - край казана с прикрепленной к нему ручкой, 5 - полоса казана, 6, 7, 9, 11 - крючки для подвешивания казанов, 8, 10 - петли от казанов. 12-13 - цепи, на которых висели казаны, 15, 14 - обломки донцев казанов, 16 - вылка.

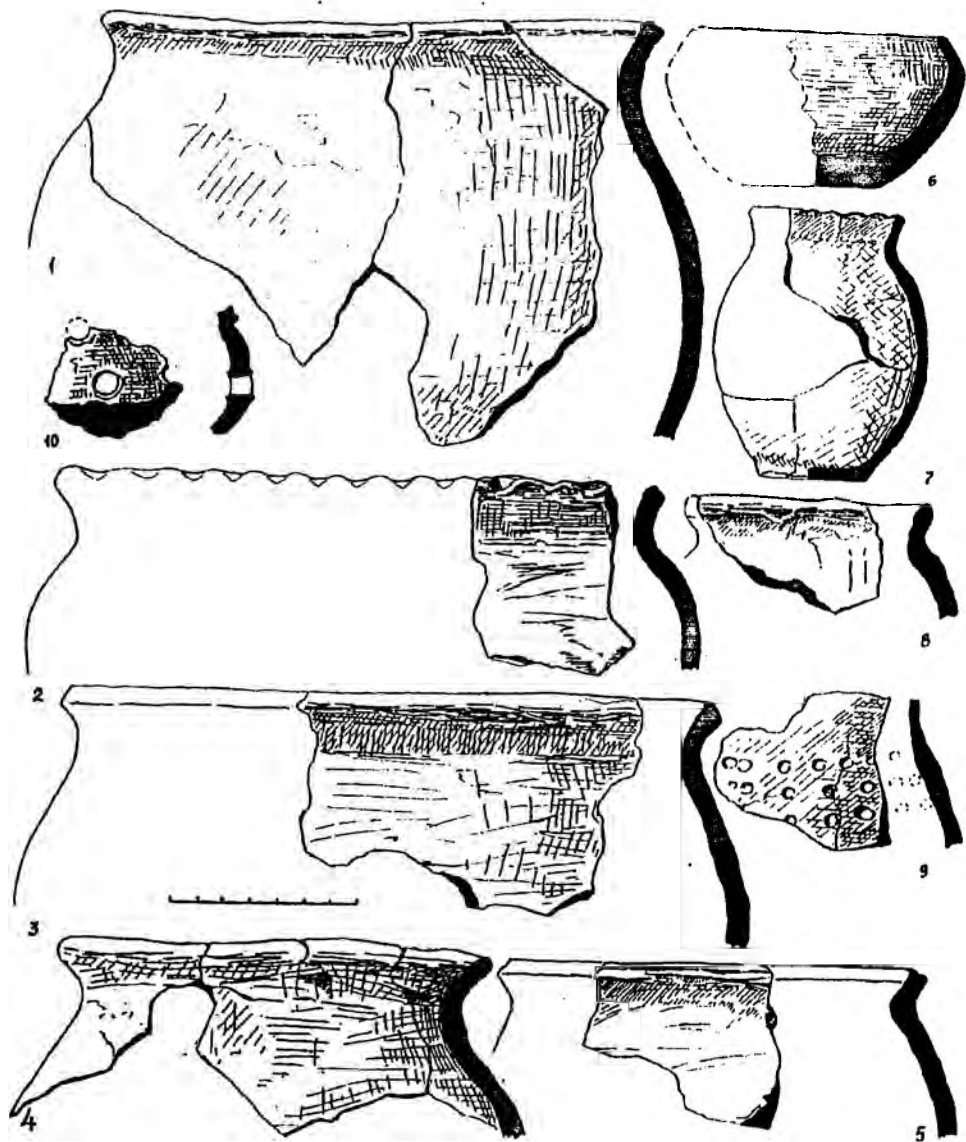

Рис. 55. Лепная посуда: 1-5, 8 - венчики горшков, 6 - мисочка, 7 - горшочек, 9, 10 - сосуда для приготовления творога.

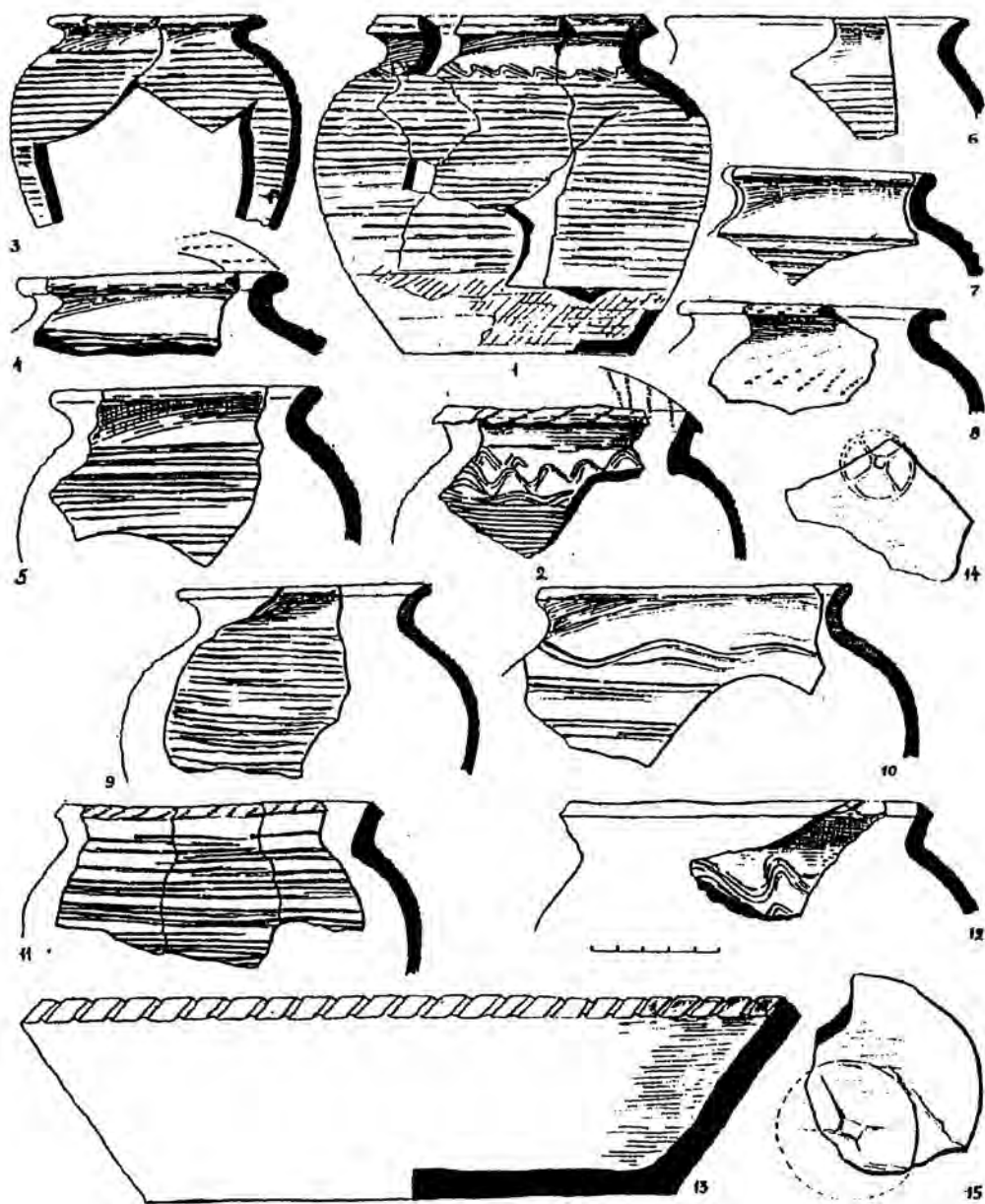

Рис. 56. Кухонные круговые сосуды: 1 - горшок, 2-12 - венчики горшков, 13 - миска, 14, 15 - клейма на донцах.

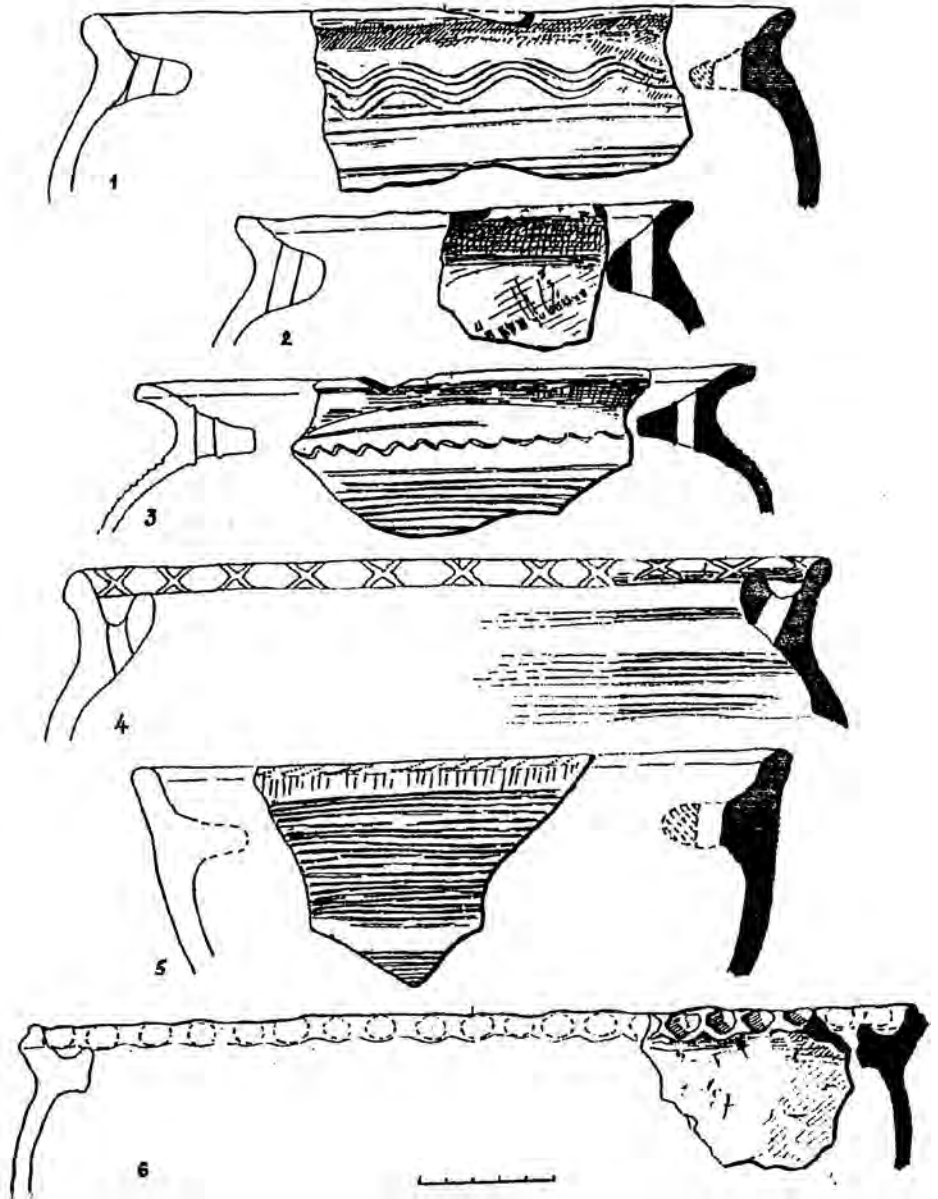

Рис. 57. Венчики котлов с внутренними ушками: 1-5 - круговые котлы, 6 - лепной котел.

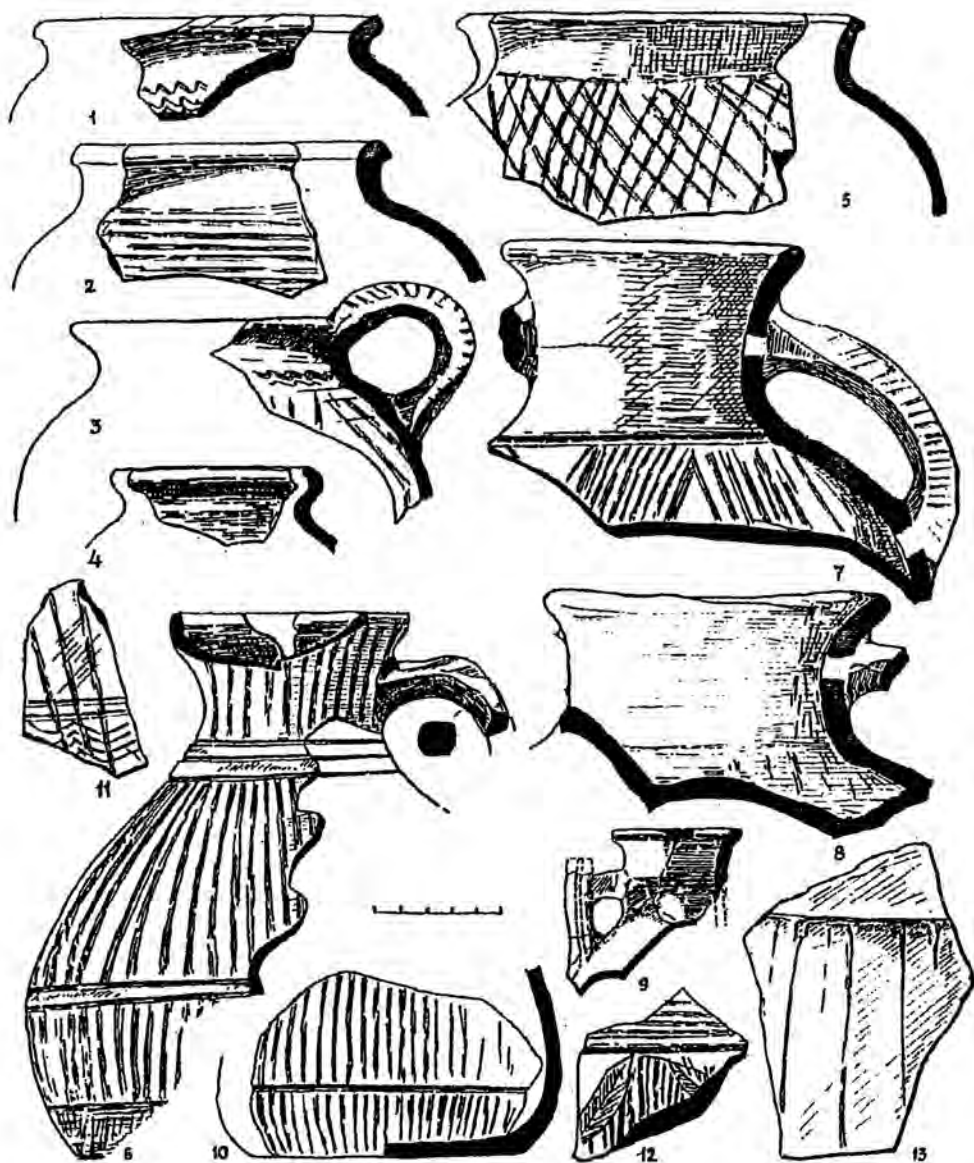

Рис. 58. Фрагменты лощеных сосудов: 1-5 - венчики горшков, 6 - кувши, 7, 8 - венчики и горла больших кувшинов-пифосов, 9 - обломок оригинального кувшинчика с ручкой-посиком, 10 - нижняя часть кувшинчика или кубышки?, 11-13 - обломки стенок лощеных сосудов.

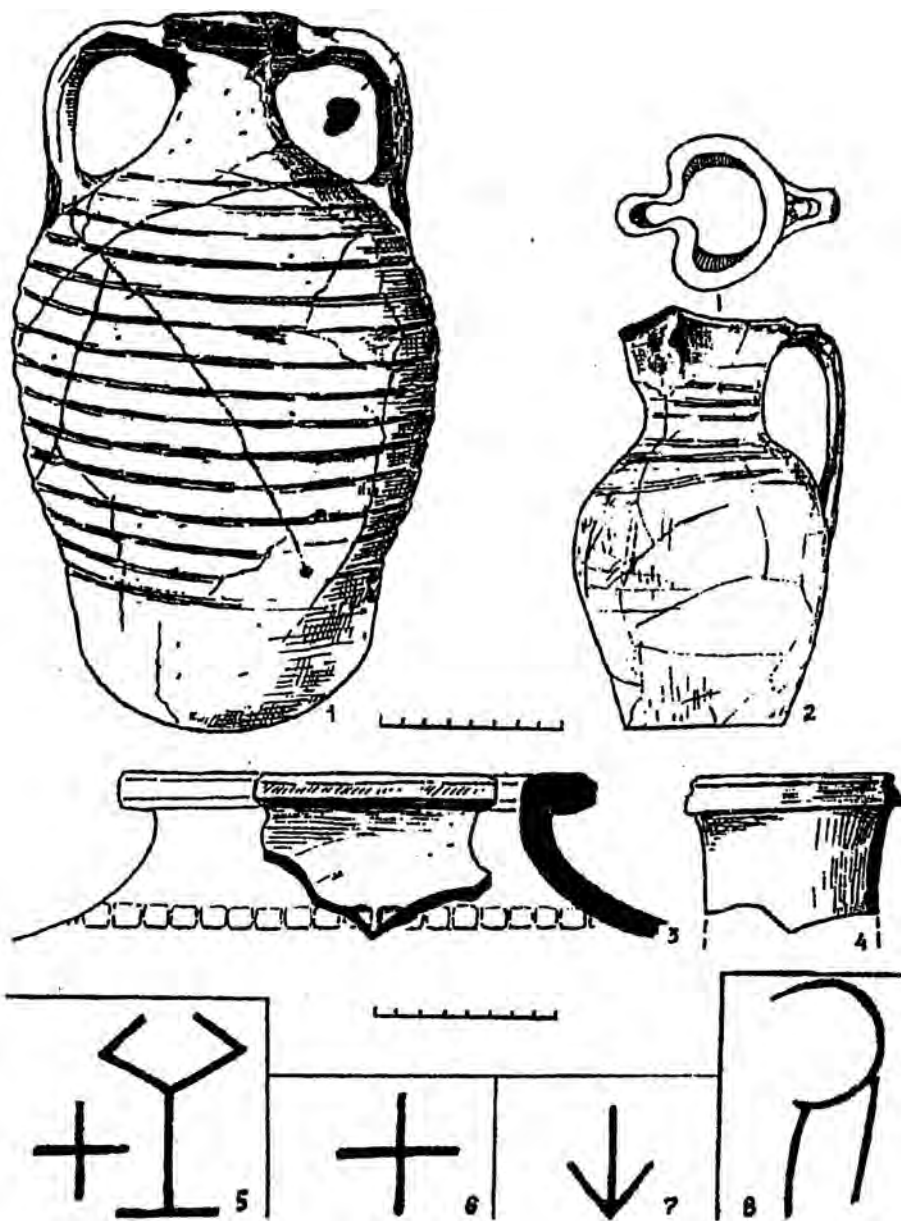

Рис. 59. Сосуды из слоя: 1 - амфора, 2 - внохоевдний кувшинчик, 3 - венчик пифоса, 4 - венчик красноглиняного кувшина. 5-8 - знаки мастеров, выбитые на блоках и прочерченные по необожженной поверхности на кирпичях.